

Московский финансово-промышленный университет
«Синергия»

На правах рукописи

Нарайкин Олег Валерьевич

**Частноправовой институт сделок, в совершении которых имеется
заинтересованность**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
д.ю.н., профессор
Левушкин Анатолий Николаевич

Москва 2025 г.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Теоретические основы цивилистического учения о сделках с заинтересованностью.....	32
1.1. Генезис и современное состояние института сделок с заинтересованностью.....	32
1.2. Методологическое значение и применение категории «аффилированность» для сделок, в которых имеется заинтересованность.....	44
1.3. Правовая природа и виды сделок с заинтересованностью.....	68
Глава 2. Правовой статус субъектов правоотношений, участвующих в совершении сделок с заинтересованностью.....	94
2.1. Основания и критерии для признания лиц, заинтересованными в совершении сделки.....	94
2.2. Понятие и виды лиц, участвующих в совершении сделок с заинтересованностью.....	121
2.3. Правовой статус контролирующего лица, его права и соотношение со смежными правовыми категориями при совершении сделок с заинтересованностью.....	128
Глава 3. Порядок совершения сделок с заинтересованностью.....	145
3.1. Согласие на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.....	145
3.2. Конфликт интересов, реализация принципа добросовестности при совершении сделок с заинтересованностью и ответственность контролирующих лиц.....	162
Глава 4. Обжалование и недействительность сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.....	187
4.1. Основания и круг лиц, обладающих правом на предъявление иска о признании сделок недействительными, в совершении которых имеется	

заинтересованность.....	187
4.2. Применение исковой давности при оспаривании сделок с заинтересованностью	209
Заключение.....	219
Список использованных источников.....	228
Приложение.....	262

Актуальность выбора темы. *Социально-экономический аспект.*

Современные формы ведения предпринимательской деятельности стали обретать тенденцию к интеграции различных хозяйствующих субъектов с целью максимизации прибыли в условиях жестких санкций со стороны западных недружественных государств. Полагаем, что институт сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в рамках обязательственных и корпоративных правоотношений предусмотрен законодательно в целях предупреждения конфликта интересов участников корпоративных правоотношений и обеспечения баланса частных и публичных интересов, прав и законных интересов различных групп субъектов, как участников корпоративных правоотношений, к которым применяется специальный порядок совершения рассматриваемых сделок.

Потребность в доктринальном исследовании сделок, в которых имеется заинтересованность, обусловлена нестабильностью экономической ситуации не только в нашей стране, введением санкций в отношении российского государства со стороны недружественных государств, но и в целом наблюдающимся мировым экономическим кризисом. Полагаем, что сделки с заинтересованностью на уровне макроэкономических показателей призваны защищать экономические интересы крупных хозяйственных обществ и бизнеса, с точки зрения косвенного социально-экономического воздействия сделки с заинтересованностью имеют направленность на защиту частных интересов их участников, призваны не допускать бесконтрольный оборот имущества обществ, отчуждение (продажу) их активов по заниженной стоимости и, наоборот, их приобретение (покупку) по завышенной цене. Так, в соответствии с Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее - Закон об АО) крупная сделка, заключенная с нарушением порядка получения согласия на ее совершение, может быть признана недействительной как сделка, совершенная без согласия органа корпоративного управления юридическим лицом (ст. 173.1 ГК РФ) по иску

общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества или его акционеров (акционера), обладающих в общей сумме не менее 1% голосующих акций общества.

Обратим внимание на немаловажное положение российского законодательства, в соответствии с которым, нормы о сделках с заинтересованностью не применяются к сделкам, сумма которых либо цена или балансовая стоимость имущества, с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения которого связаны такие сделки, составляет не более 0,1% балансовой стоимости активов общества по данным его бухгалтерской (финансовой) отчетности на последнюю отчетную дату, при условии, что размер таких сделок не превышает предельных значений, установленных Банком России. Данная норма имеет важное значение с точки зрения экономической эффективности и целесообразности деятельности хозяйствующего субъекта. Отсутствие подобного регулирования приводило к тому, что в рамках реализации своих полномочий высшие органы управления в обществе были перегружены необходимостью одобрения большого количества малозначительных хозяйственных операций, не имеющих принципиального экономико-правового значения для корпорации. Безусловно, это препятствовало эффективному социально-экономическому развитию субъекта корпоративных отношений.

Итак, одной из главных задач введения особого правового режима сделок с заинтересованностью является защита экономических корпоративных интересов участников общества, которые не обладают возможностью контролировать корпорацию от действий мажоритарного участника и органов управления корпоративной организации, которые были совершены без соблюдения установленного законом порядка, при учете публичных интересов.

Законодательный (нормотворческий) аспект. Актуальность выбранной темы исследования подтверждает и интерес законодателя к обозначенной корпоративно-обязательственной проблеме в условиях серьезного

экономического давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных стран. Институт сделок с заинтересованностью претерпел ряд законодательных изменений, проанализированных в настоящей диссертационной работе. Отдельные нормативные нововведения значительно упростили осуществление деятельности хозяйствующих субъектов, вместе с тем, нормы, регулирующие порядок оспаривания рассматриваемых сделок, требуют дальнейшего совершенствования. Отсутствие должного, эффективного нормативного правового регулирования в обозначенной сфере приводит к частому нарушению требований законодательства как самими участниками хозяйственного оборота, кому данные нормы непосредственно адресованы, так и судами в рамках собственной практики толкования и правоприменения. По этой причине в последние годы во время научных дискуссий все чаще поднимается вопрос об эффективности правового регулирования таких сделок и целесообразности существования рассматриваемого правового института в российском законодательстве с точки зрения решения макро и микро экономических задач.

Одной из причин, вызывающих интерес по вопросу определения правового статуса лиц, подконтрольных и контролирующих при совершении сделок с заинтересованностью, является недобросовестные действия контролирующих лиц, злоупотребление правом при совершении сделок с заинтересованностью, порождающие имущественные риски как для участников подконтрольной корпорации, так и для третьих лиц, например контрагентов по такой корпоративной сделке, в том числе экономических интересов государства.

Кроме того, законодателем не закреплена обязанность получения предварительного согласия на заключение сделок с заинтересованностью, а именно в этом заключалась идея либерализации правового регулирования. Статья 157.1 ГК РФ устанавливает лишь общие требования в отношении необходимости получения согласия на совершение сделки, безотносительно к сделкам с заинтересованностью. Упоминание одобрения наряду с согласием

на совершение сделки, вынуждает управомоченных лиц инициировать проведение общего собрания в целях решения соответствующего вопроса, затрудняет принятие решения.

Доктринальный аспект. Актуальность работы усиливается недостаточным теоретическим исследованием многих доктринальных проблем, связанных с правовым регулированием сделок с заинтересованностью, как следствие, неопределенность в правоприменительной корпоративной практике.

Нуждается в законодательной определенности на основе научных рекомендаций соотношение термина «контролирующего лица» с иными понятиями, обозначающими наличие влияния на корпорацию, как например «лицо, имеющее право давать обществу обязательные для него указания», «выгодоприобретатель», «бенефициарный владелец». Обозначенные вопросы не исследованы в полной мере в законодательстве, доктрине и судебной практике, поэтому обладают повышенной актуальностью для науки гражданского и корпоративного права. Речь идет и об актуальности определения роли и статуса контролирующих и подконтрольных лиц в правовом режиме сделок с заинтересованностью.

Правоприменительный аспект. Анализ судебно-арбитражной практики показывает расхождение позиций судов различных звеньев судебной системы при применении норм корпоративного законодательства, регулирующего правовой статус лиц, признаваемых заинтересованными, и основаниях, для признания их таковыми.

Считаем целесообразных в рамках реализации процесса глубокого познания института сделок с заинтересованностью проведение изучения правового положения лиц, заинтересованных в совершении сделок, на основе рассмотрения понятия аффилированности применительно к сделкам с заинтересованностью, которое не применяется в настоящее время из-за изменений в действующем законодательстве. Такое научное изучение позволяет осмыслить и оценить эффективность применения действующих в

настоящее время правовых норм в рамках правоотношений при заинтересованности в совершении сделок.

На основе анализа норм судебно-арбитражной практики Российской Федерации автором сделан вывод, что основанием признания недействительной сделки с заинтересованностью является доказанность в судебном порядке того, что сделка совершена в ущерб интересам общества и что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том обстоятельстве, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение.

Следует констатировать, что российский закон не содержит дефиниции понятия «интерес общества», а в судебной практике существует различное правоприменение при оценке и квалификации данной частноправовой категории. На основе реализации корпоративного интереса и происходит заключение и исполнение сделок с элементами заинтересованности. Позиции судебных инстанций в отношении толкования законодательной формулировки «другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать» применительно к сделкам с заинтересованностью ввиду оценочного характера данных категорий также не отличается единообразием правоприменения, что не способствует стабильности корпоративных отношений и приводит к злоупотреблению правом и нарушению прав участников корпораций.

Вместе с тем Закон об ООО по-прежнему разграничивает интересы общества и его участников, что вызывает весьма бурные доктринальные дискуссии и неоднозначность в рамках правоприменительного процесса, защиты прав участников корпоративных отношений. К сожалению, до настоящего времени в судебной арбитражной практике отсутствует определенность в отношении установления факта, что сделка с заинтересованностью совершена в ущерб интересам общества. Это связано зачастую с различным толкованием норм оценочных правовых категорий,

содержащихся в действующем российском законодательстве. В Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела первого части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» предусмотрены позиции, в соответствии с которыми ущерб интересам общества предполагается, когда сделки с заинтересованностью невыгодны для самого общества, а, следовательно, опосредованно и для его участников. Представляется, что необходимо указать на критерии определения и пределы судейского усмотрения при применении оценочных категорий различными судебными инстанциями.

Степень научной разработанности темы. У специалистов в области частного права правоотношения, складывающиеся при совершении сделок, в которых имеется заинтересованность, обоснованно вызывают научный интерес. Сделки, в совершении которых имеются признаки заинтересованности, установлен конфликт интересов, были предметом исследования таких ученых как В.К. Андреев, А.В. Габов, О.В. Гутников, А.В. Ефимов, Н.С. Ефремов, Н.В. Козлова, В.А. Лаптев, Д.В. Ломакин, А.А. Маковская, В.А. Микрюков, С.Д. Могилевский, О.В. Осипенко, С.А. Синицин, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина. Их работы составляют теоретическую базу и основу настоящего диссертационного исследования.

Рассмотрению отдельных аспектов частноправового регулирования сделок с заинтересованностью посвящены диссертационные исследования специалистов в сфере корпоративного права. В частности, А.В. Анисимов¹, провел сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. В

¹ Анисимов А. В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 213 с.

работе И.В. Горбашева², установлены особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации; К.В. Городулин³ в своем диссертационном исследовании определил правовой статус аффилированных лиц по российскому законодательству. А.В. Ефимов⁴ определил признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц; Т.В. Звезда⁵ раскрыла правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ, а А.В. Калинина⁶ остановилась на характеристике аффилированных лиц как особых субъектах правоотношений. В доктрине В.И. Малкиной⁷ изучен конфликт интересов в юридических лицах; Э.В. Нанаева⁸ останавливается на гражданско-правовой ответственности основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии. В своей диссертации В.В. Тихонов⁹ выявляет особенности категорий заинтересованности и аффилированности в гражданском праве России. Л.Д. Эбралидзе¹⁰ подходит к характеристике аффилированных лиц через призму правового института и правового средства разрешения конфликта интересов в сфере

² Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование. Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 200 с.

³ Городулин К.В. Правовой статус аффилированных лиц по российском законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 181 с.

⁴ Ефимов А.В. Признаки, основания и гражданско-правовые последствия аффилированности юридических лиц. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 248 с.

⁵ Звезда Т.М. Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.

⁶ Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2010. 25 с.; Звезда Т.М. Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Диссертации кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2003. 219 с.

⁷ Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах. Дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2021. 197 с.

⁸ Нанаева Э.А. Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва, 2008. 28 с.

⁹ Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированности в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 186 с.

¹⁰ Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 191 с.

предпринимательской деятельности, что представляется абсолютно оправданным.

Среди зарубежных ученых, которые изучали корпоративные отношения в целом, и сделки с элементами заинтересованности, в частности, следует назвать Bayer W., Berman H.J., Chaisse J., Davies P.L., Fitzenberger B., Emerson R.W., Griffin S., Heiser K., Hoffmann T., Klunzinger E., Kohn K., Kronstein H., Lembcke A., Maggiolino M., Mertens H.J., Möllers T., Pickenbrock A., Poort J., Sam O.A., Sealy L., Schanze E., Schulz M., Wasmeier O., Wehler H., Worthington S., Wieacker F., Zhuoyue L.L., Zuiderveen Borgesius F.

Несмотря на наличие достаточно большого количества вышеуказанных научных работ и имеющихся иных доктринальных исследований, посвященных изучению правовой сущности сделок, в совершении которых имеются признаки заинтересованности, по-прежнему отсутствуют системные исследования правового регулирования отношений, посвященные заключению и исполнению сделок с заинтересованностью, составляющих самостоятельный частноправовой институт, имеющий комплексную правовую природу.

Постановка научной задачи. Частноправовая наука гражданского, предпринимательского, корпоративного и семейного права на современном этапе развития нуждается в переосмыслении теоретических основ института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, как отдельного комплексного правового явления и самостоятельного элемента системы права. Доктринальное обоснование данного тезиса выступает одной из основополагающих научных задач настоящего диссертационного исследования.

Правовое регулирование сделок, в заключении которых имеется заинтересованность, с момента закрепления соответствующих норм в отечественном законодательстве приобрело динамичное развитие. Несмотря на множество позитивных изменений в законодательстве, по мере развития гражданского оборота и корпоративной практики применения норм о сделках

с заинтересованностью все чаще обнаруживаются недостатки в нормативном правовом регулировании сделок с заинтересованностью, выявленные и проанализированные в настоящей диссертационной работе. Соответственно, в качестве научной задачи представляется необходимым предложить варианты урегулирования вышеуказанных отношений и устранения противоречий при применении норм, регулирующих сделки с заинтересованностью.

В настоящей диссертационной работе представлены результаты разрешения научной задачи, имеющей важное правовое, социальное и экономическое значение для формирования самостоятельного правового института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Обосновано, что в гражданском обороте, корпоративной практике и предпринимательской деятельности сделки с заинтересованностью широко востребованы, а недостатки в регулировании данных отношений, могут привести к нарушению прав и обязанностей его участников, что дополнительно обуславливает значимость настоящего исследования с целью решения научной задачи преодоления противоречий правового регулирования и обоснования единой концепции в отношении трактовки большинства дефиниций института сделок с заинтересованностью и преодоления противоречий и пробелов в праве.

Цель настоящего диссертационного исследования – формирование целостного научного представления об институте сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, представляющего собой систему научных знаний о современном состоянии института сделок с заинтересованностью, правовой природе и видах таких сделок, правовом статусе, порядке совершения и недействительности сделок с заинтересованностью, выявление неурегулированных вопросов и предложение путей, направленных на их разрешение.

В этой связи в диссертационном исследовании ставятся следующие **задачи:**

- установить генезис и современное состояние правового

регулирования сделок с заинтересованностью;

- дать понятие и определить виды сделок с заинтересованностью в отечественном правовом порядке;
- выявить методологическое значение категории «аффилированность» для сделок, в которых имеется заинтересованность;
- определить основания и критерии для признания лиц заинтересованными в совершении сделки;
- установить категории лиц, заинтересованных в совершении обществом сделки;
- раскрыть понятие «контролирующего лица» и его соотношения со смежными правовыми категориями при совершении сделок с заинтересованностью;
- установить природу согласия на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность;
- определить особенности реализации принципа добросовестности в контексте возложения обязанности сообщить о заинтересованности в сделке и ответственности контролирующих лиц при совершении сделок с заинтересованностью;
- установить порядок осуществления и признания недействительности сделок, в совершении которых имеется заинтересованность;
- выявить и разрешить основную проблематику в отношении порядка осуществления и недействительности сделок, в совершении которых имеется заинтересованность и сформулировать предложения, направленные на реформирование российского законодательства в отношении сделок с заинтересованностью;
- раскрыть особенности применения исковой давности при оспаривании сделок с заинтересованностью.

Объект диссертационного исследования – комплекс общественных отношений, которые возникают при заключении, исполнении сделок с заинтересованностью, рассматриваемых в качестве самостоятельного

частноправового института.

Предмет исследования – положения российского законодательства, регламентирующие определение заинтересованности в совершении сделки в рамках частногоправового института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, частноправовое регулирование порядка их совершения и применения последствий нарушения законодательных требований к их заключению, а также доктринальные исследования отечественных цивилистов, материалы судебной-арбитражной практики.

Методологическая основа исследования. Для достижения целей диссертационного исследования были использованы и реализованы, наряду с философским методом, общенаучные, частно-научные и специальные методы познания правовых явлений. При подготовке диссертации применены общенаучные методы познания правовых явлений, включая такие методы, как анализ, синтез, индукция, дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному, от конкретного к абстрактному, мысленное сравнение, моделирование, аналогия, толкование и системность, а также формально-юридический (догматический) метод. Сравнительно-правовой метод позволил рассмотреть сделки с заинтересованностью не только как предмет корпоративных правоотношений, но и как основание возникновения договорного регулирования в рамках корпоративного законодательства, причем с учетом интересов членов семьи и норм семейного права.

Использование метода аналогии позволило применить существующие представления о корпоративных сделках и договорах к сделкам, заключаемым в корпоративной практике, содержащие в себе признаки заинтересованности субъектов. С помощью формально-юридического метода проведено исследование научных позиций об особенностях правового регулирования заключения и исполнения сделок с заинтересованностью, о специфике таких сделок, определены основные категории, установлен правовой статус лиц, участвующих в таких сделках, а также проведен анализ порядка осуществления и недействительности сделок, в совершении которых имеется

заинтересованность, в целях разработки и внесения предложений по формированию правовых норм, направленных на совершенствование нормативного правового и договорного регулирования системы отношений, складывающихся при совершении корпоративных сделок с элементами заинтересованности.

В рамках системного подхода, основанного на методе систематизации законодательства и доктринальных источников, установлены общая нормативная правовая доминанта института сделок с заинтересованностью и доктринальные подходы, заключающиеся в многообразии взглядов к выяснению их правовой природы, способствующих выстраиванию системы взглядов в отношении формирования института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.

Нормативную основу исследования составили Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью», иные нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие заключение, исполнение и признание недействительными сделок с заинтересованностью.

Эмпирической базой диссертационного исследования послужили материалы судебной практики. При подготовке настоящей работы были изучены материалы обобщения правоприменительной практики, Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, акты судов различных звеньев судебной системы, связанные с разрешением вопросов правового регулирования сделок с заинтересованностью, квалификации таких договоров, определения правового статуса субъектов сделок с заинтересованностью и других вопросов.

Помимо этого, в настоящей работе использованы материалы судебного

толкования Верховного Суда Российской Федерации и практики арбитражных судов, касающиеся порядка совершения сделок с заинтересованностью и последствий его нарушения.

Теоретической базой исследования являются:

- труды по гражданскому и предпринимательскому праву: Ю.Н. Андреева, А.В. Габова, В.С. Белых, О.А. Беляевой, В.В. Богдан, М.И. Брагинского, В.В. Витрянского, Б.М. Гонгало, В.Г. Голубцова, Е.В. Губина, А.А. Демина, Н.Г. Дорониной, И.В. Ершовой, О.В. Зайцева, М.Н. Илюшиной, О.С. Иоффе, Д.Н. Кархалева, С.А. Карелиной, А.Г. Карапетова, А.Е. Кирпичева, Н.В. Козловой, В.А. Кондратьева, О.А. Кузнецовой, М.И. Кулагина, А.Я. Курбатова, Ю.Г. Лесковой, А.Н. Левушкина, В.П. Мозолина, С.Ю. Морозова, А.А. Мохова, И.А. Покровского, С.А. Сеницына, Л.Б. Ситдиковой, Д.И. Степанова, Суханова, В.А. Томсинова, П.М. Филиппова, А.П. Фокова, Б.Б. Черепихина, Г.Ф. Шершеневича и других;

- исследования, посвященные анализу правового регулирования корпоративных отношений, в целом, В.К. Андреева, В.Ю. Абрамова, О.И. Гентовт, А.А. Глушечко, О.В. Гутникова, А.В. Ефимова, Н.С. Ефремова, Д.И. Дедова, В.В. Долинской, М.И. Иноземцева, А.А. Кузнецова, В.А. Лаптева, Д.В. Ломакина, С.Д. Могилевского, И.Т. Тарасова, И.С. Шиткиной и сделок с заинтересованностью, в частности: Е.Б. Абакумова, А.В. Анисимова, А.Н. Ахмедшиной, Ф.А. Воронова, А.А. Кирилловых, Н.М. Лакоцениной, А.А. Маковской, О.В. Осипенко, Д.И. Степанова, В.В. Тихонова, В.Д. Федчук, Д.Р. Фейзрахмановой, А.И. Шайдуллина и других ученых.

Рассмотрению отдельных аспектов частноправового регулирования сделок с заинтересованностью посвящены диссертационные исследования таких ученых, как А.В. Анисимов, И.В. Горбашев, К.В. Городулин, А.В. Ефимов, Т.В. Звезда, А.В. Калинина, В.И. Малкиной, Э.В. Нанаева, В.В. Тихонов¹¹, Л.Д. Эбралидзе и др.

¹¹ Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированности в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 186 с.

Научная новизна диссертационного исследования выражается, во-первых, в необходимости обособления института сделок с заинтересованностью в системе российского частного права, установлении его комплексной правовой природы, основанной на межотраслевом правовом регулировании отношений, возникающих при совершении сделок с заинтересованностью; во-вторых, в системном подходе, учитывающем общую нормативную и доктринальную концепцию сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, многообразие подходов к установлению их правовой природы, в-третьих, в избранной парадигме при исследовании, в ходе которой обосновывается, что понятие «аффилированность» не является самостоятельным правовым средством разрешения конфликта интересов, либо негативным маркером общественных отношений, а выступает субъектным правовым механизмом, служащим соответствующим правовым институтам.

Автором постулируется необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов, защита прав участников корпораций, самого юридического лица и иных участников корпоративных отношений, в том числе, интересов общества, публично-правовых образований.

Новизна диссертационной работы определяется тем, что в ней определено, какая из концепций в отношении категории контролирующего лица является наиболее приемлемой для использования в современном законодательстве, направленном на урегулирование сделок с заинтересованностью с проекцией на практическую деятельность. Неопределенность по данному вопросу приводит к противоречивой правоприменительной практике, неоднозначной квалификации сделок с заинтересованностью. Придание определенности в данном вопросе обеспечит стабильность в рамках договорной корпоративной практике и гарантирует реализацию прав участников корпораций и иных лиц при совершении сделок с заинтересованностью.

Предложена авторская межотраслевая концепция правового

регулирования сделок с заинтересованностью на основе норм гражданского, семейного, предпринимательского и корпоративного законодательства с учетом регламентации нормами публично правовой направленности.

Определены особенности правового регулирования и современное состояние института сделок с заинтересованностью, а также тенденции либерализации совершения таких сделок, обосновано, что современные нормы о сделках с заинтересованностью перестают выполнять функцию предотвращения ущерба.

Также установлены критерии, на основании которых субъекты корпоративных правоотношений относятся к статусу «контролирующих лиц», аргументировано, что принцип добросовестности необходимо рассмотреть не только применительно к общему регулированию правового положения контролирующих лиц, но и применительно к конкретным возлагаемым на них обязанностям.

По результатам проведенной научной работы и правового анализа института сделок с заинтересованностью сформулированы следующие положения, выносимые на защиту.

1. Установлено, что общая правовая парадигма установления и формирования института сделок с заинтересованностью детерминирована направлениями развития всего частноправового регулирования, а именно гражданского, семейного и предпринимательского права, в целом, и корпоративного, в частности, в силу комплексной сущности рассматриваемого института права. Установлено, что тенденции развития норм разноотраслевой принадлежности в отношении сделок с заинтересованностью оказывают непосредственное воздействие на нормативное регулирование экстраординарных сделок, в том числе, сделок с заинтересованностью и их договорное установление.

Выявлено, что эта тенденция отчетливо проявляется в рамках влияния семейно-правовых связей, в особенности, брачно-супружеских отношений на корпоративные правоотношения при заключении и исполнении сделок с

элементами заинтересованности. Эти явления особенно показательны в случае необходимости получения согласия одного супруга на совершение юридически значимых действий другим при корпоративном управлении, решении имущественных корпоративных вопросов, а также при разделе совместного имущества, бизнес-активов, долговых обязательств супругов.

2. На основе анализа истории развития сделок с заинтересованностью, категории «аффилированные лица» и других корпоративных отношений сделан вывод, что правовой институт сделок с заинтересованностью исторически возник и получил поступательное развитие ввиду необходимости эффективного применения норм гражданско-правовой (корпоративно-правовой) защиты прав и законных интересов корпоративных организаций, предупреждения и пресечения действий недобросовестных заинтересованных лиц и недопустимости злоупотребления правом.

Установлено, что правовой институт сделок с заинтересованностью характеризуется либерализацией оснований и порядка согласования таких сделок, возрастанием роли диспозитивного межотраслевого правового регулирования на уровне норм гражданского, корпоративного, предпринимательского, семейного права.

Выявленная тенденция либерализации совершения сделок, в которых имеется заинтересованность, привели фактически к установлению приоритета договорного регулирования на уровне устава и корпоративного договора над императивным нормативным регулированием. Из закона были исключены требования о наличии обязательного согласия для совершения сделок с заинтересованностью, а вместе с тем была и устранена возможность их оспаривания на основании ст. 173.1 ГК РФ. Данные изменения, с одной стороны, обеспечивают динамику развития корпоративных прав, свободу в рамках реализации корпоративных интересов, а с другой, – стабильность в корпоративных правоотношениях, гарантированность исполнения принятых на себя обязательств корпорациями и ее участниками.

Предоставление возможности непубличным обществам закрепить в

своих учредительных документах правомочие полного отказа от института сделок с заинтересованностью, предопределяют возможность обеспечения устойчивости корпоративных правоотношений и минимизирует злоупотребления правом в данной сфере, пресекает недобросовестное поведение со стороны участников корпораций и иных заинтересованных лиц при корпоративном управлении.

3. Определены особенности правового регулирования и современное состояние института сделок с заинтересованностью, которые характеризуются:

- обеспечением баланса императивных и диспозитивных норм в рамках применения норм о сделках с заинтересованностью;
- оптимизацией нормативного правового и договорного регулирования отношений, возникающих при совершении сделок с заинтересованностью;
- унификацией законодательства о сделках с заинтересованностью и формированием самостоятельного правового института;
- созданием дополнительных правовых механизмов и цивилистических конструкций, направленных на сохранение сделок с заинтересованностью в силе;
- повышение правовой защиты прав мажоритарных участников общества.

Последнюю характеристику едва ли можно назвать позитивной для целей, которые призван реализовать институт сделок с заинтересованностью. Приоритетным видится обеспечение такого правового режима сделок с заинтересованностью, при котором бы существовала равная охрана прав и законных интересов миноритарных и мажоритарных участников и самих корпораций, в том числе публичных интересов и обеспечение многообразия способов их защиты в рамках установления баланса частных и публичных интересов.

4. Сделан вывод, что для признания договора сделкой с заинтересованностью, необходимо в первую очередь оценить его на наличие

корпоративного конфликта. На основании анализа решений судов можно сделать вывод, что практически каждая сделка может признаваться сделкой с элементами заинтересованности, при доказанности вышеуказанного факта.

Определено, что правовой статус контролирующих лиц следует предусматривать на основе императивных норм гражданского и корпоративного законодательства, поскольку как общество, так и контрагенты должны иметь правовую возможность четко определить контролирующих корпорацию лиц. Это необходимо как для оперативного принятия решений обществом одобрять или не одобрять сделку, устанавливать, будет ли в ней заинтересованность, так и для сокращения судейского усмотрения.

5. Считаем вполне обоснованным рассматривать корпоративную ответственность в качестве особой разновидности гражданско-правовой ответственности, реализуемой в рамках частноправовых корпоративных отношений. Вместе с тем специфика корпоративных правоотношений предопределяет и устанавливает особые черты корпоративной ответственности исходя из специфики корпоративных правоотношений. Она, конечно, имеет частноправовую природу, вместе с тем, специфика субъектного состава, цели ее применения, механизма реализации позволяет говорить об отраслевых особенностях корпоративной ответственности как разновидности частноправовой ответственности.

Корпоративная ответственность применяется за нарушения, допущенные при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью, потому как вред наносится не только контрагенту по сделке, но и самому обществу, третьим лицам, а в определенных случаях и публичным интересам.

Доказано, что для обеспечения баланса интересов контролирующего лица и подконтрольного общества необходимо применять меры корпоративной ответственности в отношении лица, обладающего контролем. При нарушении контролирующим лицом обязанностей, связанных с совершением корпорацией сделок с заинтересованностью, как-то: отсутствие уведомления о заинтересованности, или же наличие в действиях

контролирующего лица недобросовестного поведения по отношению к подконтрольной корпорации.

6. Обосновано, что современные нормы о сделках с заинтересованностью перестают выполнять функцию предотвращения ущерба, так как для их заключения не нужно получать предварительное согласие уполномоченного органа общества, а отсутствие такого согласия не является основанием ее недействительности, однако предварительное получение согласия не будет выступать препятствием для оспаривания сделки.

В работе дополнительно обосновано, что отсутствие ущерба в результате совершения сделки с заинтересованностью не должно становиться причиной для отказа в удовлетворении требований.

Аргументировано, что в указанном вопросе законодателю требуется установить оптимальный баланс интересов субъектов, так как нормативное закрепление новых формальных ограничений заключения сделок с заинтересованностью может выступать очевидной причиной затруднения деятельности субъектов экономической деятельности, что недопустимо даже исходя из обеспечения публичных интересов.

7. Аргументировано, что законодательное установление возможности одобрения уже заключенной сделки создает рискованное положение для ее контрагентов и одновременно обеспечивает защиту участникам (акционерам) общества, в связи с чем затруднительно сделать однозначный вывод о приоритетной защите интересов субъектов: самого общества, ее участников и контрагентов по сделкам.

8. Сделан вывод, что исключение из действующего законодательства норм, посвященных специальному регулированию сделок с заинтересованностью, направленных на регламентацию получения предварительного согласия на их совершение, не всегда оправдано, так как реализация данных положений поставит под угрозу реализацию прав и обеспечение интересов субъектов корпоративных правоотношений:

участников корпораций и иных заинтересованных лиц.

В работе аргументировано, что требование о получении согласия на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, имеет смысл сохранить для тех организаций, которые имеют социальное значение как субъекты социального предпринимательства или являются непосредственной частью государственного сектора экономики. В рамках правового регулирования таких организаций считаем допустимым нормативное закрепление в качестве основания признания сделки с заинтересованностью недействительной неполучение предварительного согласия уполномоченного органа на ее совершение в порядке ст. 173.1 ГК РФ.

В указанном вопросе законодателю требуется установить оптимальный баланс интересов участников корпоративных отношений, так как нормативное закрепление все новых и новых формальных ограничений заключения сделок с заинтересованностью может выступать очевидной причиной затруднения деятельности субъектов гражданского оборота, что недопустимо объяснять одной лишь потребностью соблюдения публичных и общественных интересов.

Доказано, что сохранение специального правового режима обжалования таких сделок является наиболее эффективным средством защиты прав субъектов корпоративных правоотношений и правовым инструментом, направленным на недопустимость недобросовестного поведения заинтересованных лиц, в отличие от других способов защиты нарушенных прав.

9. Выявлено, что законодательством не предусмотрено правило, в соответствии с которым правом на оспаривание сделки с заинтересованностью обладают исключительно незаинтересованные в ней акционеры (участники) общества. При наличии обстоятельств, когда заключенная обществом сделка с заинтересованностью существенно нарушает их интересы либо же заключена исключительно в интересах других участников, заинтересованных в ее совершении, лицо, имеющее формальный интерес в сделке, вправе подать

исковое заявление о ее оспаривании, направленное на защиту прав и законных интересов участников корпорации.

10. Сделан вывод, что принцип добросовестности необходимо рассмотреть не только применительно к общему регулированию правового положения контролирующих лиц, но и применительно к конкретным возлагаемым на них обязанностям. Контролирующее лицо, действуя добросовестно, как это ему предписывает гражданское законодательство, в частности, п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, обязано отслеживать все совершаемые корпорацией сделки для направления уведомления о своей заинтересованности. Вместе с тем нормы о добросовестности сформулированы неоднозначно. Такое «мерило» как «любой участник гражданского оборота» не может быть использовано на практике при определении надлежащего исполнения контролирующим лицом информационной обязанности при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью, так как может трактоваться субъективно в зависимости от позиции правоприменителя.

В целях совершенствования российского нормативного правового регулирования сделок с заинтересованностью, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

1. В работе выявлено, что действующее российское законодательство о сделках с заинтересованностью имеет ряд существенных недостатков и пробелов, а потому нуждается во внесении соответствующих дополнений, касающихся аспектов определения лиц, имеющих заинтересованность, порядка совершения таких сделок и предоставления информации о заинтересованности, а также порядка их оспаривания.

Проведенный анализ нормативной правовой базы показал, что помимо корпоративного права, статус контролирующего лица встречается также на межотраслевом уровне, например, в налоговом праве, т.е. на уровне публично-правового регулирования. В данном случае вопрос коллизии понятий при различных отраслевых трактовках можно решить конкретизацией норм. В

налоговом праве контролирующие лица упоминаются при регулировании статуса иностранных подконтрольных организаций, что как раз и уточняет данное правопонимание понятия контролирующего лица в налоговом праве.

2. Законодателем косвенно определен срок направления уполномоченными субъектами требования о проведении общего собрания для решения вопроса о предварительном согласовании сделки с заинтересованностью. Вместе с тем, срок, в течение которого указанные лица вправе направить аналогичное требование по вопросу последующего одобрения рассматриваемых сделок, отсутствует. В таком случае не исключена возможность злоупотребления ими предоставленным правом. В этой связи целесообразно конкретизировать в законе срок направления соответствующего требования.

3. В ходе подготовки диссертационного исследования выявлено главное основание для признания сделок с заинтересованностью недействительными – ущерб интересам общества и его участникам. Однако сама указанная категория является недостаточно определенной. Анализ судебной практики позволяет выделить несколько интересов: экономический государственный интерес, интерес самого общества и его участников. В целях установления единообразного правоприменения предлагается более детально раскрыть сущность данного понятия.

4. Установлено, что попытка законодателя нормативно предусмотреть буквально всех потенциально заинтересованных субъектов закономерно привела к трудностям в правоприменительной практике из-за невозможности выходить за границы формальных предписаний. В связи с этим целесообразно законодательно закрепить общие признаки конфликта интересов для тех ситуаций, когда совершению сделки способствуют те субъекты, которые заинтересованы, однако не были поименованы в законе и используют формальный подход законодателя к процедуре согласования таких сделок с целью реализации своих недобросовестных интересов.

5. Начало течения срока исковой давности по требованиям о признании

сделок, в совершении которых наличествуют признаки заинтересованности, имеет принципиальное значение для защиты прав и законных интересов не только хозяйственного общества, но и его участников (акционеров), в связи с чем, представляется разумным на законодательном уровне определить момент его исчисления применительно к рассматриваемым в диссертации сделкам, путем его включения в специальные законы, регулирующие деятельность хозяйственных обществ.

6. Установлено, что в рамках корпоративных правоотношений, для определения понятия контролирующего лица приводятся разные трактовки. Если в рамках института банкротства говорится о таком критерии, по которому можно «присвоить» лицу статус контролирующего, как право давать обязательные для исполнения указания, то в рамках ФЗ об ООО упоминается только возможность распоряжаться определенным количеством долей в уставном капитале и определять состав исполнительных органов корпорации.

Думается, что указанные обстоятельства нарушают юридическую технику приведенных для анализа законодательных актов. Очевидно, что единую трактовку понятию контролирующего лица для всех правовых сфер, в которых оно применяется, дать невозможно. Однако, используя одноименное понятие для регулирования различных правовых аспектов, законодатель не обеспечивает единообразие толкования терминов, используемых в системе нормативных правовых актов.

7. Предложено для улучшения юридической техники законодательных актов и более точного урегулирования статуса контролирующего лица, а также во избежание противоречий в правоприменении, ввести родовое понятие «лиц, обладающих влиянием на общество» в целом для корпоративного права как отрасли. При этом будут сохраняться такие понятия как «контролирующее лицо», которое четко сформулировано в ФЗ об ООО и ФЗ об АО для регулирования сделки с заинтересованностью. В единый термин будут включаться и иные лица, обладающие возможностью влиять на общество, например «лица, имеющие право давать обществу обязательные для него

указания». Данное решение позволит конкретизировать статус контролирующих лиц внутри правовой отрасли.

8. Обосновано, что существует объективная потребность в новом реформировании института сделок с заинтересованностью и обсуждении возможности и целесообразности возвращения к ранее действующим предписаниям в отношении отдельных изменений, которые были внесены в законодательство.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что в диссертации доказаны положения, вносящие вклад в развитие науки гражданского и предпринимательского права в отношении формирования и реализации норм в рамках частноправового института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, установления конфликта интересов в рамках корпоративных отношений и органической взаимосвязи со сделками с заинтересованностью, динамике развития правоотношений, складывающихся в рамках совершения сделок с заинтересованностью, обусловленных объективными процессами экономического и социального развития общества, в целом, и корпоративных связей, в частности. В диссертации доказаны положения, вносящие вклад в расширение научных представлений о корпоративных правоотношениях применительно к сделкам корпоративного характера; изложены аргументы, направленные на обоснование комплексной правовой природы института сделок с заинтересованностью, который направлен на обеспечение нормативной межотраслевой защиты интересов организаций и их участников и предотвращения вреда, причиняемого недобросовестными действиями заинтересованных лиц в рамках корпоративных правоотношений при совершении сделок с элементами заинтересованности.

Диссертантом изучено современное состояние корпоративных связей, что привело к модернизации устоявшихся концепций относительно правового статуса лиц, заинтересованных в совершении сделок, обеспечившей получение новых результатов по теме исследования. Полученные в ходе

проведенного исследования результаты направлены на приращение научного знания раздела в рамках правового института сделок с заинтересованностью. Научные выводы имеют фундаментальное значение для дальнейших научных исследований в сфере частного права, могут быть использованы в качестве концептуальных рекомендаций по совершенствованию гражданского и предпринимательского законодательства.

Полученные выводы позволяют расширить систему представления о правовом регулировании сделок с заинтересованностью. Выводы и рекомендации, содержащиеся в диссертации, могут быть использованы для дальнейшего исследования нормативного правового регулирования корпоративных правоотношений, складывающихся при совершении сделок с заинтересованностью, а также применены для разработки специальных учебных дисциплин. Предложения, выводы и заключения, содержащиеся в настоящей работе, могут способствовать совершенствованию действующего российского законодательства, как в гражданско-правовой сфере, так и в сфере нормативного правового регулирования сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.

Также теоретическое значение полученных результатов следует из актуальности цели и задач, а также достигнутым уровнем исследования проблем, научной новизны, развития методологических аспектов и расширения научных подходов к решению задачи формирования нормативного правового регулирования сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Разработанные выводы и рекомендации могут стать основой для дальнейших исследований в области формирования стратегических направлений развития корпоративных отношений, в целом, и регламентации сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, в частности.

Практическая значимость исследования подтверждается актуальностью предлагаемой системы практических рекомендаций, направленных на разрешение проблем в рамках норм частноправового

института сделок с заинтересованностью. Выводы, полученные в результате проведенного исследования, могут быть востребованы в законотворческой деятельности и в деятельности судебных органов. Диссертантом определены перспективные направления практического использования выводов и обобщений, полученных в ходе исследования, с целью обеспечения эффективного регулирования отношений при совершении сделок с заинтересованностью; представлены отдельные рекомендации по совершенствованию гражданского и предпринимательского законодательства (приложение 1 к диссертации). Предложенные в диссертационном исследовании теоретические положения могут быть реализованы в дальнейшем процессе развития судебно-арбитражной практики, в том числе путем включения разъяснений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации и других нормативных правовых актов.

Практическая значимость также заключается в возможности использования современного правового инструментария для повышения эффективности нормативного правового регулирования сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Практический характер имеют положения, выводы и рекомендации, связанные с оценкой и квалификацией сделок с заинтересованностью, реализацией предложенных изменений в правовом регулировании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования подтверждается значительным количеством исследованных источников российского права о правовом регулировании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность; монографических и иных научных работ по проблемам сделок с заинтересованностью; материалами судебной практики.

Апробация диссертационной работы отражается в материалах открытой печати. Диссертация обсуждена и одобрена на кафедре правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства юридического

факультета Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия». Материалы диссертации успешно внедрены и используются в научной деятельности и учебном процессе кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства университета «Синергия».

Основные выводы и предложения изложены автором в опубликованных работах и выступлениях на научных конференциях. Сущностные аспекты научно-практического исследования докладывались соискателем на международных и всероссийских конференциях, круглых столах и форумах: «Правовое регулирование ипотеки при долевом строительстве» (Тула: Тульский институт (филиала) ВГУЮ РПА Минюста России, 15 сентября 2023 г.); «Субъектный состав участников в правоотношениях при заинтересованности сделок» (Москва: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 1 декабря 2023 г.); «Защита имущественных прав несовершеннолетних при участии в долевом строительстве» (Москва: Московский городской педагогический университет, 7 декабря 2023 г.); «Соотношение понятий контролирующего лица и выгодоприобретателя при совершении сделок с заинтересованностью» (Москва: Московский городской педагогический университет, 26 апреля 2024 г.); «Реализация сделок с заинтересованностью в рамках деятельности семейного предприятия» (Москва, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 5 апреля 2024 г.); «Согласие на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность: проблемы реализации» (Ульяновск, Поволжский юридический конгресс 3-4 октября 2024 г.) и других.

Наиболее существенные положения диссертационного исследования были внедрены в практическую деятельность корпоративных организаций и юрисдикционных органов: судов, адвокатских образований.

Основные положения диссертации отражены в 8 (восьми) научных статьях (общим объемом 5,5 п.л.), пять из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при

Минобрнауки России для публикации результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата наук.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих 10 параграфов, заключения, а также списка использованных источников.

Глава 1. Теоретические основы цивилистического учения о сделках с заинтересованностью

1.1. Генезис и современное состояние института сделок с заинтересованностью

В.В. Богдан в доктрине частного права обоснованно определяет, что «современное частное законодательство подвержено не только трансформационным изменениям. Динамика экономического оборота детерминирует появление новых явлений, институтов, способных эффективно решать ежедневные задачи развития общества, выступающих в качестве прочного фундамента стабильности гражданского оборота»¹². В зарубежной доктрине Р. Эмерсон (Emerson Robert W.) раскрывает основы англосаксонского бизнес-права и выделяет относительно самостоятельные направления правового регулирования: контрактное, публичное, корпоративное регулирование хозяйственных отношений¹³.

Частное право последовательно систематизирует экономические отношения¹⁴. В виду достаточно динамического развития предпринимательской деятельности у законодателя усматривается необходимость обособления правового института сделок с заинтересованностью и фиксации специального правового режима таких сделок. Считаем, что существование специального режима регулирования отдельных сделок детерминировано необходимостью создания дополнительных правовых механизмов и цивилистических конструкций, которые могли бы гарантировать защиту тем участникам соответствующих

¹² Богдан В.В. Новые медицинские технологии: эффективность концепта и юридический прогноз (частноправовой аспект) // Гражданское право. 2021. № 4. С. 14.

¹³ Emerson R.W. Business Law. Fourth Edition. New York: Barron's, 2004. 708 p. (in Eng.).

¹⁴ См.: Кирпичев А.Е. Деликтные отношения с участием потребителей // Закон. 2021. № 9. С. 49.

частноправовых отношений, чьи права и законные интересы могут быть ущемлены в результате совершения подобной сделки. В развитие данной идеи представляется обоснованным мнение А.А. Мохова, что «сложнее дело обстоит с новыми формами хозяйствования, новыми экономико-правовыми конструкциями, моделями, сущностями, пробивающими себе дорогу»¹⁵.

Институт права как юридическая категория имеет различное доктринальное обоснование в литературе. Приведем лишь некоторые дефиниции, на основе которых делаем вывод о необходимости выделения в рамках корпоративного права института сделок с заинтересованностью.

Правовой институт сделок с заинтересованностью в рамках корпоративного права имеет важное теоретическое и правоприменительное значение. Обособление правовых норм корпоративного характера в структуре отрасли корпоративного права предопределено необходимостью детального правового регулирования отношений в рамках организации деятельности корпораций при совершении сделок с заинтересованностью. Вышеуказанный институт права включает в себя правовые нормы, определяющие правовой статус субъектов отношений в рамках сделок с заинтересованностью, реализацию их прав и интересов, исполнения обязанностей, установления и разрешения конфликта интересов в рамках названных правоотношений, определения круга сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, вопросы ответственности, а также иные отношения и вопросы, возникающие при организации совершения и исполнения сделок с заинтересованностью.

Российское корпоративное право, которое берет начало своего развития с 1990 г.¹⁶, формировалось под сильным влиянием идей англосаксонской

¹⁵ Мохов А.А. Семейное и малое предпринимательство в современной России: доктрина и законодательство // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 26.

¹⁶ См.: Корпоративное право: Учебник: В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. С. 65.

правовой системы¹⁷. В доктрине корпоративного права С.А. Сеницын обоснованно определяет, что «объективная необходимость развития национального корпоративного законодательства должна быть связана с востребованными временем формами интеграции капитала в экономическую деятельность и предпринимательство»¹⁸.

Если вести речь про этапы поступательного развития института сделок с заинтересованностью в отечественном законодательстве, то нельзя не упомянуть о существовании соответствующих норм еще в дореволюционный период истории России.

Отправной точкой в процессе зарождения рассматриваемого нами частноправового института послужили труды известных русских цивилистов, идеи которых в дальнейшем стали внедряться в законодательство в форме общеобязательных предписаний и нормативных установлений.

В те времена учеными-правоведами не единожды отмечалось, что личный интерес участвующего порой может преобладать над интересом члена товарищества, что требует внесения соответствующих изменений в правовое регулирование деятельности компаний. На проблему злоупотребления директорами своими полномочиями, которая неизбежно приводит к увеличению финансовых издержек и ущербу репутации для деятельности акционерных обществ, одним из первых обратил свое внимание выдающийся цивилист Г.Ф. Шершеневич¹⁹. Вслед за ним другой русский правовед В.А. Томсинов в своих работах отмечал, что причиной множества злоупотреблений может быть отсутствие запрета «состоять директором, членом Правления или

¹⁷ См.: Макеева А.А. Рецепция отдельных положений зарубежного корпоративного права для обеспечения баланса в регулировании ответственности директоров // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С. 30 - 38.

¹⁸ Сеницын С.А. Корпоративные отношения в российском гражданском праве // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.

¹⁹ См.: Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: В 4 томах. Т. 1: Введение; Торговые деятели / Г.Ф. Шершеневич. 4-е изд. Санкт-Петербург: бр. Башмаковы. – 1908. – 515 с.

Совета более, чем в одном предприятии»²⁰.

В скором времени Свод Законов Российской Империи (далее – Свод Законов)²¹, а именно входившее в него положение «Об акционерных компаниях» 1836 года было дополнено рядом положений, которые в некоторой степени предшествуют современным нормам о сделках с заинтересованностью и посвящены регулированию действий органов общества, в том числе при наличии конфликта интересов.

Стоит отметить, что уже тогда одним из важнейших источников регулирования деятельности компаний выступали их уставы. Помимо того, что закон позволял устанавливать ограничения для органов компаний в части порядка управления ее делами, а также в части объема полномочий, предоставленных руководству, он также прямо требовал закреплять такие ограничения в уставах, чтобы соответствующие органы управления действовали строго в пределах дозволенного и не злоупотребляли собственной властью (ст. 2158 Свода законов). Допустимо предположить, что данная норма стала прообразом отдельных положений современного законодательства, в частности п.п. 2-3 ст. 11 Закона об АО.

Также был установлен запрет на одновременное занятие должностей в кредитном учреждении и акционерной компании (прим. 4 к ст. 2174 Свода законов)²², который был продиктован все теми же целями снижения количества потенциально возможных ситуаций с возникновением конфликта интересов, в рамках которых директор мог бы злоупотребить своими полномочиями.

Позже нормы, посвященные совершению экстраординарных сделок, получили свое развитие в проекте Гражданского Уложения 1905 года (далее –

²⁰ Томсинов В.А. Проблемы акционерного права в трудах русских правоведов второй половины XIX - начала XX в. Статья первая. Юридическая природа акционерного общества // Законодательство. 1998. № 7. С. 81-84.

²¹ Свод Законов Российской Империи // Информационная правовая система «Гарант» (дата обращения: 27 апреля 2024 года).

²² Там же.

проект Гражданского Уложения)²³. К примеру, было установлено, что права голоса на собрании по вопросу о заключении сделки лишился тот участник акционерной компании, с которым последняя собиралась заключить соответствующую сделку (ст. 2350 проекта Гражданского Уложения)²⁴.

Вместе с тем, был закреплён принцип, в соответствии с которым ограничения полномочий руководства компании имели силу лишь для тех контрагентов по сделкам, которые были в курсе о таких ограничениях (ст. 2320 проекта Гражданского Уложения), что напоминает известное исключение из правил о признании сделки недействительной, установленное законодателем в п. 1 ст. 84 Закона об АО. Также была установлена обязанность директора в случае столкновения его личных интересов и интересов общества предупреждать об этом других директоров, а также ограничить свое участие в управлении компании (ст. 2322 проекта Гражданского Уложения)²⁵. При этом директору требовалось обязательное разрешение общего собрания акционеров, чтобы напрямую или опосредованно через другую компанию заниматься той же деятельностью, которой занимается товарищество, в котором он занимает должность директора.

Помимо прочего введено понятие «обычной хозяйственной деятельности» компании, которое, в отличие от положений современного законодательства, имело четкий критерий, связанный с объектом сделки – если им становилось недвижимое имущество, то сделка автоматически выходила за пределы обычной хозяйственной деятельности.

Изучая нормы проекта Гражданского Уложения, можно прийти к выводу, что дореволюционный законодатель в отдельных случаях был даже более внимателен к проблеме обеспечения прозрачности в управлении компаниями и предотвращения конфликта интересов. Так, одним из

²³ Проект Гражданского уложения Российской империи 1905. URL: <http://lib1.usla.ru/texts2/280.pdf> (дата обращения: 27 апреля 2024 года).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

эффективных механизмов по достижению перечисленных целей стало введение обязательного залога директором своих акций в количестве, предусмотренном уставом, в месячный срок после избрания в качестве меры обеспечения добросовестности исполнения своих обязательств (ст. 2311 проект Гражданского Уложения)²⁶.

В советский период законодательство не содержало положений, посвященных регулированию сделок с заинтересованностью, вплоть до момента прекращения существования СССР. Отсутствие надлежащего правового регулирования было обусловлено установлением в стране плановой экономики и упразднением любых рыночных отношений, что закономерно привело к стагнации подавляющего большинства институтов гражданского права в целом и корпоративного права в частности.

Положение об акционерных обществах 1927 года, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 17 августа 1927 года (далее – Положение об акционерных обществах)²⁷, содержало лишь одну единственную норму, целью которой являлось предотвращение конфликта интересов общества и членов его правления. Данная норма предусматривала обязанность последних получать разрешение общего собрания общества для того, чтобы иметь возможность заниматься от своего имени или за свой счет деятельностью аналогичной той, которую осуществляет непосредственно само общество (ст. 86 Положения об акционерных обществах)²⁸. По сути, речь идет о правиле, которое нашло свое отражение еще в упомянутом нами ранее Гражданском Уложении.

В последующие годы существования СССР после вступления в силу Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1962

²⁶ Там же.

²⁷ Положение об акционерных обществах (утв. Постановлением ЦИК СССР, СНК СССР от 17 августа 1927 года) // СЗ СССР. – 1927. – № 49. Ст. 5000. Отдел первый.

²⁸ Там же.

года²⁹ и Гражданского кодекса РСФСР 1964 года³⁰ такой вид организационно-правовой формы предприятия как акционерное общество будет упразднен.

Таким образом, несмотря на ощутимый рост интереса к институту сделок с заинтересованностью уже в начале XX века, в последующем наблюдается не просто спад внимания к обозначенной проблеме, а практически полное ее игнорирование.

Даже постановление Совмина СССР от 19 июня 1990 года N 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах»³¹, принятое уже в период перестройки и практически на рубеже развала страны, не содержало никаких правил, касающихся экстраординарных сделок. Нормы данного закона лишь устанавливали абстрактную возможность ограничения в уставе круга полномочий правления и общего собрания, в том числе и на совершение тех или иных сделок.

Отдельные вопросы экономической зависимости рассматривались в качестве зарубежного опыта в научных работах В.П. Мозолина (1966 г.³²), М.И. Кулагина (1987 г.³³); однако этих исследований было явно недостаточно для необходимых правовых решений, когда этого потребовала логика экономического развития конца 1980-х - начала 1990-х годов. «Создавать модель экономической зависимости в начале 1990-х годов пришлось «с нуля»³⁴.

²⁹ Закон СССР от 08 декабря 1964 года «Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

³⁰ Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 года) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

³¹ Постановление Совета Министров СССР от 19 июня 1990 года № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах» // Собрание постановлений СССР. 1990. № 15. Ст. 82.

³² См.: Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право в США. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 398 с.

³³ См.: Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Кулагин М.И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 14 – 182.

³⁴ Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 12.

Представляется, что в качестве нового подъема в сфере регулирования сделок с заинтересованностью и первого шага к полноценному формированию рассматриваемого института в современной России можно назвать принятие Указа Президента РФ от 01 июля 1992 года № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества»³⁵.

В 1992 г. в нашем праве появляются определения «аффилированного лица» и «аффилированной группы»³⁶ для целей управления конфликтом интересов при осуществлении деятельности инвестиционным фондом.

После этого был принят Федеральный закон от 26 декабря 1995 года N 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО)³⁷, за период действия которого в него вносилось более семидесяти изменений и дополнений, а вслед за ним и Федеральный закон от 8 февраля 1998 года N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)³⁸, перенесший за период своего действия сорок пять редакций.

В рамках периода действия указанных законов также допускается выделение нескольких стадий развития института сделок с заинтересованностью.

В качестве первой такой стадии можно назвать принятие указанных законов. Закон об АО был принят в 1995 год, а Закон об ООО – в 1998 году.

³⁵ Указ Президента РФ от 1 июля 1992 года № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1992. № 1. Ст. 3 (утратил силу).

³⁶ См.: Положение об инвестиционных фондах, утвержденное Указом Президента РФ от 7 октября 1992 г. № 1186. Подробнее об истории появления понятия «аффилированность» в российском праве см.: Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат / Отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2014. С. 50 - 98.

³⁷ Федеральный закон от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Информационная правовая система «Гарант» (дата обращения: 09.04.2024 года).

³⁸ Федеральный закон от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Информационная правовая система «Гарант» (дата обращения: 09.04.2024 года).

При этом важно отметить, что изначально нормы о сделках с заинтересованностью внедрялись в законы о хозяйственных обществ без должного осмысления целей данного института, о чем указывают некоторые ученые³⁹.

Вторая стадия развития института была ознаменована принятием Федерального закона от 7 августа 2001 года № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»⁴⁰.

Со стороны государства произошла детализация механизма получения согласия на совершение сделки с заинтересованностью в рамках корпораций. Вместе с тем были внесены изменения, дополняющие перечень субъектов, имеющих заинтересованность, лицами, имеющими право давать обязательные указания обществу. В Закон об ООО аналогичные правки были внесены в 2008 году.

Также была добавлена фигура выгодоприобретателя и закреплена возможность при желании дополнять условия возникновения заинтересованности, перечисленные в законе, внесением соответствующих положений в текст устава общества.

В последующем был принят Федеральный закон от 19 июля 2009 года № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴¹, который предусмотрел изменения в нормативные правовые акты о хозяйственных обществах, устанавливающие запрет судам на удовлетворение исков о признании сделок с заинтересованностью недействительными в случаях, установленных законом.

Третья стадия развития института сделок с заинтересованностью

³⁹ Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. – С. 6.

⁴⁰ Федеральный закон от 7 августа 2001 года № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» // «Российская газета». № 151-152, 9 августа 2001 года.

⁴¹ Федеральный закон от 19 июля 2009 года № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 29. – Ст. 3642.

ознаменована реформированием российского гражданского законодательства⁴² и принятием Постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 16 мая 2014 года № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» (далее – Постановление Пленума ВАС РФ № 28)⁴³, в котором содержалось указание на то, что положения ст. 173.1 ГК РФ распространяются лишь на те сделки, которые не регулируются специальными нормами о крупных сделках и сделках с заинтересованностью (п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ № 28). Ко всему прочему было указано, что наличие согласия на совершение таких сделок уполномоченного органа не отменяет возможности оспорить их на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ, однако позже в п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»⁴⁴ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 27) будет указано, что данное правило не подлежит применению.

Четвертым и завершающей к этапом необходимо считать принятие Федерального закона от 3 июля 2016 года № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»⁴⁵ (далее

⁴² Федеральный закон от 26 июля 2017 года № 212-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 31. – Ст. 4761.

⁴³ Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 16 мая 2014 года № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

⁴⁴ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 июня 2018 года № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. – 2018. – № 145. 6 июля // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

⁴⁵ Федеральный закон от 03 июля 2016 года № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с

– Закон № 343-ФЗ).

Можно сделать вывод что указанный закон стал полноценной реформой института экстраординарных сделок и ознаменовал собой отказ законодателя от единой концепции их недействительности, так как в соответствии с его положениями крупные сделки теперь могли оспариваться по правилам ст. 173.1 ГК РФ. Недействительность же сделок с заинтересованностью могла инициироваться по правилам п. 2 ст. 174 ГК РФ. Поменялась система раскрытия информации о таких сделках, порядок их внутрикорпоративного согласования и обжалования. Более того, усилились различия между регулированием сделок с заинтересованностью в хозяйственных обществах и такими же сделками в других юридических лицах.

В науке Ю.С. Харитоновна обоснованно утверждает, что «степень влияния и глубина трансформации корпоративных отношений носит различный характер в зависимости от глубины изменения самих общественных отношений, регулируемых корпоративным правом»⁴⁶. Подчеркнем, что, впервые появившись в российском праве в 1995 г., частнопредпринимательский институт сделок с заинтересованностью продолжает динамично развиваться как в современной теории частного права, так и в правоприменительной деятельности. «Нормативная и институциональная матрицы современного мира коэволюционируют: меняются социальные паттерны, перестраиваются бизнес-модели, управленческие практики»⁴⁷. За прошедшие десятилетия было написано немало научных работ, посвященных анализу правового регулирования, тенденций развития и недостатков подходов отечественного законодателя и судов к проблеме⁴⁸.

ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Российская газета. – 2016. – № 149.

⁴⁶ Харитоновна Ю.С. Трансформация основных институтов корпоративного права в условиях цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 24.

⁴⁷ Мажорина М.В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 185 -186.

⁴⁸ См., напр.: Габов А.В. Институт крупной сделки в российском праве: основные этапы, тенденции и перспективы развития // Предпринимательское право. 2018. № 3; Шиткина

Сформулируем выводы в отношении этапов развития правового регулирования сделок с заинтересованностью в России и становления и поступательного развития вышеуказанного частноправового института.

1. Частноправовой институт сделок с заинтересованностью первоначально возник и далее поступательно развивался ввиду необходимости обеспечения нормативной защиты интересов организаций и их участников и предотвращения ущерба, причиняемого недобросовестными действиями заинтересованных лиц.

В последние годы между учеными-цивиристами вновь развернулась дискуссия, в рамках которой озвучивались как предложения по необходимости последующей модернизации в части правовой регламентации института сделок с заинтересованностью⁴⁹, так и радикальные позиции, обосновывающие либо полную отмену указанного института, либо максимальное сужение сферы его действия⁵⁰.

2. Генезис развития сделок с заинтересованностью позволяет заключить, что рассматриваемый в настоящей работе частноправовой институт был подвержен серьезным изменениям в части либерализации оснований порядка согласования сделок с заинтересованностью, возрастания роли диспозитивного начала установленных норм и приближения процедуры их обжалования к общим нормам ГК РФ о признании сделок недействительными.

Вышеупомянутые тенденции привели к тому, что для обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ институт сделок с заинтересованностью существенным образом утратил

И.С. Правовой режим экстраординарных сделок // Хозяйство и право. 2016. № 5. С. 14 - 26; Степанов Д.И. Новый режим оспаривания крупных сделок: реформа ради реформы? // Закон. 2015. № 9. С. 110 - 141; Ломакин Д.В. Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. 2001. № 3. С. 18 - 25.

⁴⁹ См.: Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1: Общие положения о юридических лицах / отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. М., 2015. – 384 с.

⁵⁰ См.: Фейзрахманова Д. Р. Реформирование института крупных сделок и сделок с заинтересованностью: результаты, проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96) ноябрь. С. 14-18.

прежнюю актуальность, так как в отношении названных форм корпораций установлены правила, имеющие чересчур широкие диспозитивные границы с закрепленной возможностью полного отказа от их применения путем внесения соответствующих положений в устав общества.

3. В рамках генезиса института сделок с заинтересованностью выстроена система его периодизации, включающая в себя три этапа: дореволюционный период, советский период, современный период, состоящий из четырех условных стадий.

4. Делая обобщение относительно проведенного в настоящем параграфе исторического генезиса и историко-правового анализа прогрессивного развития института сделок с заинтересованностью, можно прийти к выводу, что периодизация правового регулирования сделок с заинтересованностью включает в себя не только стадии его развития в рамках современного законодательства, но и этапы его становления в дореволюционное и советское время, когда данный институт еще не сформировался, но уже имели место отдельные нормы, посвященные конфликту интересов и путям предотвращения рисков причинения вреда интересам юридического лица его руководителями и членами коллегиальных органов управления.

1.2. Методологическое значение и применение категории «аффилированность» для сделок, в которых имеется заинтересованность

Для рассматриваемой в диссертации категории сделок конструкция «аффилированные лица» является одной из центральных, имеющих немаловажное значение и, соответственно, требующих своего доктринального и практического обоснования.

«Юридическое лицо - это отдельная функциональная система как одна из

основных единиц гражданского, экономического оборота»⁵¹. В развитие данного суждения профессора А.А. Мохова полагаем, что одной из болевых точек отечественного частного права при организации деятельности юридических лиц, стала ключевая форма, опосредующая на нормативном правовом уровне интеграционные процессы, связанность субъектов предпринимательской деятельности – аффилированность. Российское законодательство и частноправовая доктрина уже на протяжении более тридцати лет не позволяют сформировать однозначных выводов о правовой природе аффилированности – основного понятия, опосредующего в самом широком понимании отношения связанности субъектов частноправовых отношений. Несмотря на многочисленные подходы и попытки трансформировать институт в целостную правовую конструкцию, по крайней мере, в рамках доктрины гражданского и предпринимательского права, не привели, ни к однозначным результатам, ни к единству научных мнений.

По справедливому мнению А.В. Ефимова, «экономическая деятельность в современном мире зачастую осуществляется с участием множества лиц, которые состоят между собой в определенных связях»⁵². Большинство исследователей, посвятивших научные работы аффилированности, рассматривают современный период с момента введения понятия в российское законодательство в 1992 году. Учитывая, что, по мнению ряда учёных, аффилированность представляет собой форму экономической зависимости⁵³, либо тождественно ей⁵⁴, наиболее полное исследование его

⁵¹ Мохов А.А. Юридическое лицо как функциональная система // Гражданское право. 2015. № 4. С. 21.

⁵² Ефимов А.В. Правовое обеспечение баланса интересов в корпоративных группах // Закон. 2022. № 6. С. 102.

⁵³ См.: Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8; Раевская Т.С. Понятие и правовое регулирование аффилированных лиц по законодательству Российской Федерации // Право и политика. № 1(109). 2019. С. 102 – 103 и др.

⁵⁴ См.: Анисимов А.В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 19.

становления и применительно к дореволюционному и советскому периодам. «Аффилированность рассматривается как разновидность отношений экономической зависимости»⁵⁵.

В научных трудах правоведов неоднократно указывалось, что употребление в корпоративном законодательстве указанного термина, значительно расширяет круг лиц, участие которых в заключении влияет на признание любого договора сделкой с заинтересованностью. Таким образом, длительное время регулирование корпоративных отношений подвергалось негативному воздействию⁵⁶.

Доктринальную разработанность понятия «аффилированность» в данный период можно назвать низкой, что обусловлено отсутствием опыта регулирования подобных отношений. Одной из проблем, неоднократно поднимаемой в частноправовой доктрине, стала отраслевая принадлежность понятия. По мнению И.В. Редькина⁵⁷, А.Н. Варламовой⁵⁸, поскольку Антимонопольный закон 1991 года практически не использовал данное понятие, как и в дальнейшем его не использует Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о конкуренции), несмотря на публично-правовую природу антимонопольного законодательства, его допустимо использовать в других правовых институтах и отраслях.

Ю.Н. Андреев обоснованно определяет, что «в юриспруденции, как и в

⁵⁵ Ефимов А.В. К вопросу об аффилированности между Министерством обороны Российской Федерации и подведомственными федеральными государственными учреждениями // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 4. С. 115 – 118; Ефимов А.В. Влияние аффилированности на компетенцию органов юридических лиц: проблемы квалификации принятия решения о совершении сделки зависимым юридическим лицом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 77 - 86.

⁵⁶ См.: Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. С. 375.

⁵⁷ См.: Редькин И.В. Аффилированные лица по законодательству РФ: правовое регулирование, теория и практика // Юридический мир. 1998. № 11-12. С. 34 – 35.

⁵⁸ См.: Варламова А.Н. Группа лиц и аффилированные лица: общее и особенное // Законодательство. 2007. № 12. С. 31

иных отраслях знаний, зачастую невозможно с помощью краткой дефиниции дать полную характеристику того или иного правового явления, правового средства (инструмента)»⁵⁹.

Подход к созданию отдельного закона об аффилированных лицах не была отвергнута, а идея его разработки была в целом позитивно оценена такими известными учеными, как А.В. Габов⁶⁰, О.Р. Зайцев⁶¹ и другими цивилистами и специалистами в сфере корпоративного права.

В данный период в доктрине рассматриваемое понятие получило наибольшую разработанность. Укрепился подход к аффилированности как к форме экономической зависимости. Так, Н.М. Ребельский небезосновательно выделил две ее взаимосвязанные формы - управленческую и имущественную, а одним из свойств обозначил воздействие на органы управления корпорации⁶². Многими исследователями в рамках частного права подчеркивалась охранительная природа аффилированности, проявляющаяся в таких целях как защита государственных и общественных интересов, защита интересов акционеров от недобросовестных лиц, защита малых инвесторов от последствий реорганизации корпораций⁶³. Был предложен подход к понятию как к правовому средству разрешения конфликта интересов между корпорацией и директорами⁶⁴.

Дальнейшее развитие получила научная дискуссия относительно отраслевой принадлежности аффилированности. Большинство исследователей-цивилистов была поддержана идея о целесообразности

⁵⁹ Андреев Ю.Н. О соотношении правовых принципов и методов правового регулирования // Цивилист. 2023. № 3. С. 18.

⁶⁰ См.: Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2014. С. 89.

⁶¹ Видеозапись: «Кто такие аффилированные лица» // URL: <https://inlnk.ru/PmAaGO> (Дата обращения 03.05.2024 г.).

⁶² См.: Городулин К.В. Правовой статус аффилированных лиц по российском законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 83 – 85.

⁶³ См.: Габов А.В. Указ. соч. С. 78.

⁶⁴ Габов А.В. Указ. соч. С. 73 – 98.

формирования общего для всех отраслей понятия. По мнению А.Н. Ахмедшиной, цель регулирования отношений с участием аффилированных лиц можно дифференцировать в зависимости от той отрасли, где используется эта категория⁶⁵. Противоположной точки зрения в доктрине придерживалась А.В. Калинина: понятие «аффилированные лица» является родовой категорией по отношению к категориям «взаимозависимые лица», «зависимые лица», «группа» лиц», поскольку они обладают одними признаками, и законодательство нуждается в отдельном законе, универсальном, как для публичного, так и частного права⁶⁶.

Наибольшее развитие понятие получило в доктрине корпоративного права, в частности, в работах Ломакина Д.В.⁶⁷, Долинской В.В.⁶⁸, Городулина К.В.⁶⁹, Сергеева А.Г.⁷⁰, Суханова Е.А.⁷¹, Шиткиной И.С.⁷²

«Связь аффилированности с влиянием на предпринимательскую деятельность юридических лиц обуславливает постановку вопроса о соотношении аффилированности и отношений экономической зависимости»⁷³. И.С. Шиткина отмечает, что аффилированность представляет собой "взаимоотношения между двумя и более хозяйствующими субъектами, основанные на различных формах экономической зависимости»⁷⁴.

⁶⁵ См.: Ахмедшина А.Н. Аффилированные лица: правовые нормы и проблемы их применения // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 65.

⁶⁶ Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2010. С. 9.

⁶⁷ См.: Ломакин Д.В. Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005. С. 80 – 84.

⁶⁸ См.: Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 91 – 96.

⁶⁹ См.: Городулин К.В. Указ. соч. С. 90.

⁷⁰ См.: Сергеев А.Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. – 179 с.

⁷¹ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С. 248 – 254.

⁷² См.: Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 214 – 216;

⁷³ Ефимов А.В. Квалификация аффилированности юридических лиц в отношениях, основанных на экономической зависимости // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 69 - 72.

⁷⁴ Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8. С. 29.

Основной для реформирования положений об аффилированности стало российское гражданское законодательство. Причем, ключевой проблемой в разработке норм выступил механизм ее установления: должна ли аффилированность исчерпываться перечнем отношений или лиц, определяемых в законодательстве, либо суду, наряду с формальными критериями, должны быть предоставлены дискреционные полномочия по ее установлению⁷⁵. Вводимая в ГК РФ ст. 53.2 в первоначальном варианте сочетала отсутствие определения, перечень аффилированных лиц, а также право суда устанавливать аффилированность при отсутствии формальных признаков, и обратную ситуацию, в которой он мог ее не устанавливать при их наличии⁷⁶.

В науке распространенным является разделение аффилированности на «горизонтальную» и «вертикальную», которое изначально сформировалось в праве Германии⁷⁷. В первом случае речь идет об отношениях между так называемыми сестринскими компаниями - членами одной группы, имеющими общий оперативный центр, общего бенефициара, но самостоятельно (по отдельности) неспособными влиять на деятельность друг друга. Во втором случае понимаются именно отношения контроля и подчинения, т.е. подчиненность организации своим акционерам (участникам), бенефициару, воля компании в этом случае связана волей ее оперативного центра, т.е. фактически речь идет об отношениях контроля⁷⁸.

Раскрывая категорию «аффилированность» проявляется сложность в выделении ее признаков и критериев, установив которые можно сформулировать законодательное определение. Поскольку устоявшегося подхода нет ни в законодательстве и правоприменительной практике, ни в

⁷⁵ Габова А.В. Указ. соч. С. 76 – 79.

⁷⁶ Там же. С. 78.

⁷⁷ См., например: Paulus C., Berberich M. National Report for Germany. In: Faber D., Vermunt N., Kilborn J. eds. *Ranking and Priority of Creditors*. Oxford: OUP, 2016. P. 267 - 312.

⁷⁸ См.: Воронов Ф.А. Аффилированность при несостоятельности (банкротстве): понятие, виды, практика применения и зарубежный опыт // *Хозяйство и право*. 2023. № 9. С. 36.

доктрине, необходим анализ сложившихся подходов к понятию. Можно выделить две группы подходов 1) в зависимости от механизма законодательного регулирования; 2) в зависимости от содержания и функционального назначения.

Первая группа характеризует общие воззрения на порядок определения понятия «аффилированность», закрепления его признаков, механизма установления отношений аффилированности, безотносительно содержания.

1) Позитивистская (нормативная) концепция.

Данный подход получил воплощение на ранних стадиях формирования российского законодательства в 1990-е годы, а также в процессе подготовки законопроектов, в частности, Законопроекта 2007 года⁷⁹. Его суть сводится к формированию законодательного определения понятия, которое содержало бы все нормативные признаки и (или) перечисление субъектов, которые в силу закона считаются аффилированными. В его рамках признаётся существование только юридической, но не фактической аффилированности, дискреционные полномочия суда по ее установлению *ad hoc* отсутствуют. Можно выделить два варианта воплощения данного подхода – наличие только формального перечня аффилированных лиц, либо наличие сопутствующего им определения и исходных признаков, опционально с перечислением примерного перечня субъектов права, которые являются аффилированными. Второй вариант видится более последовательным, поскольку позитивное перечисление аффилированных в законодательстве лиц приведёт к очередной дискуссии о необходимости дополнения данного перечня новыми субъектами или связями между субъектами⁸⁰, что подрывает суть самого подхода.

⁷⁹ Из практики Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства при Президенте Российской Федерации (проект Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации (в части регулирования крупных сделок, сделок с заинтересованностью и аффилированных лиц)») // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 105 - 122.

⁸⁰ См.: Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 105.

Нынешняя гражданско-правовая законодательная модель регулирования аффилированности имеет дуалистический характер. С одной стороны, ст. 53.2 ГК РФ является общей нормой, которая устанавливает один законодательный признак аффилированности – «связанность», и относит порядок и критерии в рамки иных законодательных актов, либо других разделов самого ГК РФ. С другой стороны, данная ст. 53.2 ГК РФ не содержит общего правила о допустимости (недопустимости) установления аффилированности судом, или введения такого правила в других законодательных актах, равно как и не содержит сущностных признаков.

Убеждены, что данная концепция отвечает принципу правовой определенности, соответствует отечественной правовой доктрине юридических лиц как самостоятельных субъектов гражданского оборота и обуславливает последовательное развитие принципа ограниченной ответственности участников. В ином случае, когда границы для применения конструкции, не имеющей формальных признаков, отсутствуют, как и сопутствующие ей определенные правовые последствия, экономические, главным образом, предпринимательские риски необоснованно возрастают⁸¹.

2) Мягкая позитивистская концепция.

Данная концепция предполагает наличие у суда или иного юрисдикционного органа дискреционных полномочий по установлению отношений аффилированности наряду с закрепленным в законодательстве определением понятия, выделением определенных признаков, одного или нескольких критериев. Концепция получила воплощение в ходе разработки законопроекта, вносящего изменения в ГК РФ с 2011 по 2013 гг.⁸², но была отвергнута в ходе научной дискуссии и при дальнейшем реформировании⁸³.

⁸¹ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С. 250.

⁸² Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012).

⁸³ См.: Габов А.В. Указ. соч. С. 106 – 107.

Основным достоинством данной концепции являются наличие формально определенных критериев для установления аффилированности, перечня лиц, которых можно считать аффилированными, которые могут послужить для правоприменительных органов своеобразным ориентиром.

Необходимо отметить достаточно тонкую грань между данным подходом и подходом, когда аффилированность устанавливается исключительно *ad hoc*. Зарубежные, главным образом, континентальные правовые порядки, в которых не используется понятие «аффилированность», но используются достаточно схожие с ней по содержанию категории, не отказываются от закрепления общих признаков и критериев таких категорий, но оставляют определенное поле для судебной дискреции. Например, в австрийском правовом порядке в законодательстве используется конструкция косвенного владения акциями корпорации, как и допускается установление косвенного контроля, но наряду с ними используются нормативные перечни признаков данных понятий⁸⁴.

3) Деформализованная концепция.

В настоящий момент в российском правовом порядке фактически действует именно деформализованная концепция, несмотря на закрепление общих признаков аффилированных лиц в антимонопольном законодательстве. Такое закрепление применительно к современным рыночным отношениям, и существует лишь постольку, поскольку иные попытки закрепить какие-либо критерии не привели к ожидаемым результатам. «Границы» аффилированности существуют лишь иллюзорно и полностью зависят от судебного усмотрения.

Существенным недостатком такого подхода является бессодержательность понятия, неопределенность для участников оборота, о

⁸⁴ Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Eigenkapitalersatz-Gesetz, Fassung vom 23.04.2024. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20002949> (Дата обращения 10.04.2024).

каких именно связях и с какими лицами они должны информировать других участников оборота, какие правовые последствия их ожидают применительно к конкретной ситуации. Маковский А.Л. и Суханов Е.А. отмечают, что данный подход устраняет правовую определенность⁸⁵. При его господстве существуют объективные и ясные критерии в одних институтах, например, среди презумпций, предусмотренных в рамках оспаривания фraudаторных сделок, но при этом объективный критерий, содержанием которого является заранее неопределенная конструкция, автоматически рискует стать таким же бессодержательным и неопределенным. Конструкцией «фактическая аффилированность» в ряде случаев вуалируется недобросовестность кредиторов при осуществлении той или иной сделки, на которой может быть основано требование, и она превращается в негативный маркер отношений, влекущий аналогичные правовые последствия.

Представляется, что судам может быть дано полномочие устанавливать аффилированность *ad hoc*, однако, для того должны быть выработаны ясные критерии и самостоятельные правовые средства и механизмы, позволяющие надлежащим образом применять нормы или позиции об аффилированности.

В частности, в делах о банкротстве постепенно формируется практика по установлению признаков предпринимательской группы⁸⁶, которая по аналогии с немецкой моделью «связанных предприятий»⁸⁷ могла бы локально вытеснить достаточно неопределенную конструкцию фактической аффилированности, поскольку количество вырабатываемых критериев для выделения такой группы, а также правовых последствий ее выявления в аспекте исследования сложной структуры корпоративных связей внутри группы постепенно повышается. Аналогичное следует отметить и в

⁸⁵ См.: Суханов Е.А. Указ. соч. С. 251 // Вестник гражданского права. 2008. № 2. С. 135.

⁸⁶ Пункт 31 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. (утв. Президиумом ВС РФ 26.04.2023) // СПС «Консультант Плюс» [Дата обращения: 05.04.2024].

⁸⁷ См.: Шайдуллин А.И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис.... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 51 – 52.

отношении уже сформировавшегося в отечественном праве механизма субординации требований кредиторов, для целей регулирования которого аффилированность не рассматривается в качестве самостоятельного основания для понижения требований, напротив, к необходимым условиям ее применения относятся определенные обстоятельства⁸⁸.

Таким образом, полагаем, что каждая из указанных концепций имеет существенные недостатки, однако, любая из них допустима при более последовательной выработке законодателем механизмов и смежных правовых конструкций, которыми она будет опосредоваться.

В основе второй классификации лежит группа признаков, по мнению исследователей, определяющих понятие «аффилированность».

1) Аффилированность как форма экономической зависимости.

Поскольку российское законодательство не содержит прямого указания на экономическую зависимость как конститутивный признак аффилированности, отношение к ней в таком качестве представляет собой скорее не какой-то единый подход, а группу подходов.

Анисимов А.В. отождествляет понятия «экономическая зависимость» и «аффилированность», выделяя следующие признаки: возможность оказания влияния на волеизъявление; наличие не менее двух самостоятельных субъектов; обоснование возможности оказывать влияние; необходимость учета интереса главенствующего лица и ориентация на его результаты⁸⁹. Одним из конститутивных признаков, согласно данному подходу, является возможность оказания одним лицом влияние на другого⁹⁰. Несколько более модифицированным подходом представляется выделение критерия подчинения воли одного субъекта другому⁹¹. Е.Д. Суворов, признавая

⁸⁸ См.: Шайдуллин А.И. Указ. соч. С. 83 – 117.

⁸⁹ См.: Анисимов А.В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 18-19.

⁹⁰ См.: Городулин К.В. Указ. соч. С. 9 – 14.

⁹¹ Егорова М.А. Институциональная принадлежность категорий «группа лиц» и «аффилированные лица» // Юрист. 2013. № 11. С. 31 – 33.

целесообразным выделить категорию «связанность», являющейся более широким понятием, выделяет такой критерий как «смещение воли корпорации»⁹², при этом, подразумевая именно смещение, а не подчинение, более типичную для отношений экономической зависимости категорию.

Рассматриваемый подход в доктрине был поддержан не всеми. В.В. Тихонов, анализируя правовую природу аффилированности уже после введения ст. 53.2 в ГК РФ, содержащей в качестве единственного признака «связанность», считает, что, во-первых, подход к аффилированности как к форме экономической зависимости следует считать устаревшим, поскольку его сторонники ориентировались на содержание актуальной на момент развития данного подхода нормы антимонопольного законодательства, имеющей соответствующую функциональную направленность. Во-вторых, содержание понятия значительно шире, и не может исчерпываться лишь отношениями зависимости, что детерминировано новой гражданско-правовой дефиницией. Автором предлагается использование конструкции «отношения координации», вместо экономической зависимости⁹³. С таким подходом можно было бы согласиться, однако автором используется сугубо позитивистское понимание экономической зависимости и подчеркивается неуместное для цивилистического дискурса использование конструкции «зависимость», по его мнению, характерной для антимонопольного законодательства⁹⁴. Между тем, игнорируется, экономико-правовая сущность отношений зависимости, в частности, между материнскими и дочерними хозяйственными обществами, вовсе не характерными правовыми конструкциями для антимонопольного права. Следует учитывать и тот факт, что, исходя из историко-правового анализа экономической зависимости,

⁹² См.: Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2019, № 4, 5. С. 76 – 78.

⁹³ См.: Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированности в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. С. 62.

⁹⁴ См.: Там же. С. 67.

проведенного в предыдущем параграфе, понятие получило развитие именно в цивилистической доктрине, несмотря на принадлежность к публичному законодательству. Констатация устаревания подхода к аффилированности как к экономической зависимости является поспешной.

Одной из проблем подхода является разграничение понятия «аффилированность» со смежными правовыми понятиями, в частности, «контроль», «контролирующее лицо» и «контролирующее должника лицо», также опосредующими отношения экономической зависимости⁹⁵. Понятие «контроль» применительно к корпорациям имеет не менее сложную и противоречивую природу⁹⁶. Его формальные признаки и критерии можно обнаружить в различных законодательных актах. Так, в ГК РФ законодатель не раскрывает понятие «контроль», однако, его сущностные признаки присутствуют в положениях о дочерних хозяйственных обществах. Конститутивными признаками выступают возможность общества в силу преобладающего участия в уставном капитале, либо в соответствии с заключенным договором определять решения, принимаемые дочерним обществом. В пп. 24 п. 1 ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» дается определение контролирующего лица на основании таких вариативных признаков как «прямой» - «косвенный», и законодательных критериев, устанавливающих процентных порог воздействия на подконтрольную корпорацию. В п. 1 ст. 61.10 Закона о банкротстве дается значительно большее широкое по содержанию понятие контролирующего должника лица, конститутивным признаком которого является возможность физического или юридического лица определять действия должника. При этом, в п. 2 ст. 61.10 Закона о банкротстве приводится перечень критериев, по которым устанавливается данная связь. В этом пункте

⁹⁵ См.: Тихонов В.В. Указ. соч. С. 83.

⁹⁶ См.: Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве // Вестник экономического правосудия РФ. Прил. к Ежемесячному журн. № 9 (79). С. 32.

содержатся как формально-правовые признаки: должностное положение, наличие оформленных полномочий на совершение сделок и др., так и фактические, устанавливаемые посредством указания на неисчерпывающий перечень – «иным образом». Как и применительно к аффилированности, контроль может быть юридическим и фактическим⁹⁷.

В науке И.В. Горбашев отмечает, что перед судами стоит ключевая задача определить факт контроля, при этом понятия «юридический» и «фактический» применительно к нему являются лишь указанием на алгоритмы поведенческой активности стороны, намеревающейся подобный факт доказать⁹⁸. Одним из квалифицирующих признаков контроля автор выделяет возможность лица определять судьбу прибыли, которую получает корпорация⁹⁹.

Дополнительную сложность представляет подход, распространенный в правоприменительной практике по делам о банкротстве, в соответствии с которым аффилированность понимается как критерий контроля. В частности, степень существенности контроля в правоприменительной практике обозначается в качестве аффилированности¹⁰⁰, где последняя выступает своеобразным критерием или показателем. Данный подход укладывается в ранее предложенные А.В. Габовым, но не принятые положения, которые устанавливали бы безусловное отнесение к числу аффилированных лиц контролирующих¹⁰¹.

⁹⁷ См.: Бирюков Д. О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности. М.: Статут, 2020. С. 194.; Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц. С. 1011.

⁹⁸ См.: Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург., 2022. С. 52.

⁹⁹ См.: Горбашев И.В. Указ. соч. С. 57.

¹⁰⁰ Пункт 12 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС Консультант Плюс».

¹⁰¹ См.: Габов А.В. Аффилированность в делах о несостоятельности (банкротстве) / А.В. Габов // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского / Ответственные редакторы В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 98.

Исходя из анализа соотношения аффилированности и контроля, как на основе системного толкования законодательных норм, так и позиций, изложенных в доктрине в разное время, можно сделать вывод о том, что аффилированность опосредует отношения экономической зависимости, выступая их формой, и применительно к отдельным конструкциям выступает родовым понятием, однако, вопрос о том, исчерпывается ли оно отношениями зависимости является дискуссионным. Представляется, что в силу законодательной и доктринальной традиции содержание аффилированности, при отсутствии в позитивном праве категории «зависимость» должно ограничиваться именно возможностью оказывать влияние на волю одного лица на, при этом, такая возможность должна являться не свершившимся фактом смещения воли, а именно наличием достаточного у физического или юридического лица объема правовых средств, будь то существенная доля участия в капитале или соглашение. В свою очередь иные правовые механизмы должны позволять устанавливать смещение воли в целях пресечения совершения такими субъектами недобросовестных действий.

2) Аффилированность как отношения связанности.

Ст. 53.2 ГК РФ определяет понятие «аффилированность» через «отношения связанности», при этом рядом с термином «связанность» в скобках указана «аффилированность». В ходе анализа исторического пути развития понятия был сделан вывод о цели такой формулировки – ввести в гражданское законодательство общую норму об аффилированности, а правовые последствия ее наступления в других законодательных актах. Связанность, исходя из такого подхода, рассматривается как конститутивный признак аффилированности. В частности, с подходом соглашается Тихонов В.В., поскольку считает, что целевой направленностью аффилированности является правовое опосредование социальных взаимосвязей лиц, которые законодатель учитывает, как юридически значимые в процессе правового регламентирования, а в правореализационном процессе аффилированность

выступает детерминантом стабильности¹⁰². Однако «связанность» в качестве конститутивного признака, во-первых, обуславливает наполнение понятия абсолютно любым содержанием. Во-вторых, термин «связанность» является тождественным термину «аффилированность». Термины буквально являются идентичными как исходя из текста самой нормы – «отношения связанности (аффилированности)», так и семантически. Выходит, что общим конститутивным признаком аффилированности выступает сама аффилированность. Становится неясно, как бессодержательная и максимально абстрактная норма, не определяющая никаких признаков социальных взаимосвязей, может выступать детерминантом стабильности. Если применительно к данному подходу рассматривать ст. 53.2 ГК РФ исключительно как абстрактную норму, закрепляющую допустимость использования понятия в иных отраслях права с любым функциональным назначением, то его можно считать, в целом, оправданным, но лишь с утилитарной точки зрения. Использование же связанности в качестве признака, характеризующего правовую природу, представляется спорным, поскольку без конкретного содержания не ясно, о каких юридических фактах (составах) в законодательстве идёт речь. На это может лишь косвенно указывать расположение данной нормы в гл. IV ГК РФ, посвященной юридическим лицам. Бессодержательность такого признака обуславливает его замещение какой-либо иной доктринальной или нормативной категорией.

Представляется, что абстрактная норма, не содержащая конкретных признаков или одного сущностного признака может быть наполнена любым содержанием, в зависимости от воззрений конкретного исследователя, либо в результате судебного усмотрения, о чём свидетельствует правоприменительная практика, в которой используется расширенная до немыслимых пределов конструкция фактической аффилированности¹⁰³, где не

¹⁰² См.: Тихонов В.В. Указ. соч. С. 62.

¹⁰³ См.: Домнин С.В. Резиновая» аффилированность // Адвокатская газета // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/rezinovaya-affilirovannost/> [Дата обращения: 12.04.2024].

принципиально, являются такие отношения экономической зависимости, или отношениями координации, либо иной формой взаимоотношений¹⁰⁴.

3) Аффилированность как средство разрешения конфликта интересов.

Данный подход является одним из самых распространенных уже на ранних этапах существования института¹⁰⁵, и также имеет различные модификации. Представляется, что подход имеет свои корни в первоначальных целях, которые преследовались при введении понятия в отечественное законодательство – защита определенной группы субъектов от различного рода злоупотреблений. Уже длительное время он усматривается в правоприменительной практике по делам о банкротстве и корпоративным спорам, где за понятием закрепилось и сохраняется преимущественно негативное значение. А.В. Габов обоснованно считает истинной природой аффилированности скрытый конфликт интересов, но им справедливо подчёркивается противоречивость подхода к нему как правонарушению, влекущему негативные правовые последствия¹⁰⁶. Отождествление аффилированности с правонарушением или недобросовестностью можно назвать крайним проявлением подхода, усилившимся после появления конструкции фактической аффилированности. Так, по мнению И.М. Шевченко, понятие «аффилированность» выступает антиподом понятия «фидуциарность»: если при фидуциарном характере отношений доверительный характер носит положительные цели, то при аффилированности, наоборот, - для причинения вреда третьим лицам¹⁰⁷.

Существуют и более мягкие вариации данного подхода. А.Л. Эбралидзе

¹⁰⁴ См.: Маковская А.А. Контролирующее и подконтрольное лица в сделках с заинтересованностью // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики. М., 2018. С. 364.

¹⁰⁵ См.: Ахмедшина А.Н. Указ. соч. С. 63.

¹⁰⁶ См.: Габов А.В. Указ. соч. С. 108.

¹⁰⁷ См.: Шевченко И.М. К вопросу о рассмотрении в делах о банкротстве требований, основанных на отношениях внутрикорпоративного характера // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 45.

считает, что понятие «аффилированные лица» представляет собой правовое средство, одной из производных функций которого является функция выявления отношений неравенства и конфликтов интересов в сфере предпринимательской деятельности¹⁰⁸. Несмотря на то, что квалификация аффилированности в качестве правового средства представляется очень спорной, следует согласиться с такой характеристикой данной функции как «производная». Представляется, что посредством исполнения аффилированными лицами информационной обязанности, либо в рамках корпоративно-правовой обязанности раскрыть информацию об аффилированных лицах, либо в рамках доказывания реальности и экономической целесообразности, например, совершенной сделки, которая может быть основанием для установления требований в деле о банкротстве, может выполняться такая функция, но не в качестве основной, а производной.

Несомненно, не следует отрицать предпосылки для введения понятия в российское законодательство, в частности, в антимонопольное, имеющее публично-правовой характер и обеспечивающее защиту интересов государства и частных лиц от негативных последствий монополистической деятельности, или в законодательство о банкротстве, где конфликт интересов наличествует, прежде всего, при многочисленных злоупотреблениях. Но абсолютизировать такой подход и трансформировать установление аффилированности в фактическое установление правонарушения представляется крайне противоречивым¹⁰⁹. В зарубежной доктрине установлено, что «отслеживание персонализированных предложений и их искоренение по причине необоснованности сегодня является объектом

¹⁰⁸ См.: Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. С. 81.

¹⁰⁹ См.: Курбатов А.Я. Аффилированность как средство борьбы с третейскими судами // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 19 – 20.

пристального внимания антимонопольных служб всего мира»¹¹⁰.

Во-первых, представляется, что конструкция «аффилированные лица» является правовым статусом, независимо от того, установлен он в законодательстве или определяется *ad hoc*, который в силу особой экономико-правовой связи с корпорацией предполагает наделение их дополнительными обязанностями, и прежде всего, связанными с раскрытием информации¹¹¹. Это актуально как для корпоративного права, в одном из центральных институтов которого действуют положения об аффилированных лицах: «раскрытие корпорацией информации» (гл. XIII Закона об АО), так и для правового регулирования банкротства, в котором данный статус требует применения повышенного стандарта доказывания, например, при установлении требований кредиторов.

Во-вторых, сам факт наличия признаков аффилированности не свидетельствует о злоупотреблении или нарушении. Современные экономико-правовые тенденции сводятся к тому, что лишь применительно к охраняемым отношениям, участником которых становится аффилированное лицо, как может предполагать исполнение ими дополнительных обязанностей, либо установлении для них определенных правовых последствий, так и может не предусматривать никаких последствий. В отдельных случаях обладание данным правовым статусом действительно может повлечь негативные последствия для таких лиц, например, при ограничении их участия в утверждении кандидатуры арбитражного управляющего после установления требований. Однако, данное правило служит правовым средством само по себе, сужая круг прав и обязанностей аффилированного лица в конкретном правоотношении в соответствии с целями правового регулирования соответствующих отношений. Кроме того, существует широкий круг

¹¹⁰ Maggiolino M. Personalized prices in European competition law // Bocconi Legal Studies Research Paper. 2017. N 2984840; Zuiderveen Borgesius F., Poort J. Online price discrimination and EU data privacy law // Journal of consumer policy. 2017. T. 40. С. 347 - 366.

¹¹¹ См.: Тихонов В.В. Указ. соч. С. 104.

общественных отношений, не охватываемых правоприменительной практикой, в которых субъекты даже будучи аффилированными, могут не вступать в конфликт интересов ни с корпорацией, ни с независимыми кредиторами, а существовать наряду с ними и исполнять предусмотренные, например, корпоративным договором обязанности, но при этом их статус будет сохранять значение для других участников оборота, например, в рамках инвестирования. Такую позицию можно обнаружить и в правоприменительной практике. Так, ВС РФ отметил: «в обычном обороте аффилированные юридические лица, действующие добросовестно и разумно, не имеют объективных причин взыскивать долги друг с друга, они стремятся оптимизировать внутригрупповую задолженность»¹¹².

4) Аффилированность как юридический факт-состояние.

Одной из проблем, редко поднимаемых в доктрине, является соотношение понятий «аффилированность» и «аффилированные лица». Представляется, что отождествление указанных понятий недопустимо, но не в содержательном и смысловом аспектах, а в силу привязанности к различным элементам правового регулирования. Понятие «аффилированность» по смыслу ст. 53.2 ГК РФ обозначает отношения «связанности». Безотносительно содержательного аспекта, раскрывающего критерии «связанности», следует признать то, что это, прежде всего, правовая характеристика отношений. Даже при наполнении понятия иными сущностными характеристиками, в частности, понятиями «экономическая зависимость», «влияние», «координация», само понятие «аффилированность» будет опосредовать определенный тип общественных отношений.

Таким образом, наиболее правильным, представляется, отнесение понятия «аффилированность» в аспекте функционального назначения к юридическим фактам-состояниям, то есть к длительному существующему

¹¹² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629(2) по делу № А40-122605/2017 // СПС «Консультант Плюс» [Дата обращения: 12.04.2024].

юридическому свойству¹¹³. При этом, понятие «аффилированное лицо» относится к такому элементу как субъект, и применительно к рассматриваемым отношениям выступает в качестве правового статуса.

5) Аффилированность как избыточная конструкция.

Целесообразность использования в российском праве понятия «аффилированность» была признана не всеми исследователями. Так, Е.А. Суханов в период реформирования корпоративного законодательства в 2008 – 2014 гг. неоднократно отмечал, что данное понятие было совершенно необоснованно заимствовано у право порядков стран общего права. По его мнению, фактически сложилась ситуация, в которой изначально понятие было заимствовано, а затем, когда оно стало широко использоваться, возникла необходимость в наполнении его конкретным правовым содержанием, которое не противоречило бы континентально-правовой концепции юридического лица как самостоятельного субъекта, характерной для российского право порядка¹¹⁴. А.В. Габов, небезосновательно, не отвергая целесообразность существования конструкции, поставил под сомнение идею деформализованной концепции аффилированности, и использования в целях ее применения понятия «аффилированность» как таковое¹¹⁵.

Данный подход, как представляется, можно считать справедливым, однако за долгие годы существования в законодательстве понятия, отрицать целесообразность его использования для обозначения определенных экономических или социальных связей между корпорацией представляется противоречивым. Действительно, на основе исследованных теорий можно считать проблемным определение содержания понятия, однако, представляется, что истинная проблема коренится в несовершенстве иных правовых механизмов, при дефиците которых аффилированности придаётся

¹¹³ См.: Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений (вопросы теории и практики): Дис. ... к.ю.н.: Саратов, 2010. С. 28 – 30.

¹¹⁴ Видеозапись: «Научный круглый стол «Доктрина аффилированности в контексте реформы ГК РФ». Часть 1». URL: <https://inlnk.ru/70M9gl> [Дата обращения 03.04.2024 г.].

¹¹⁵ См.: Габов А.В. Указ. соч. С. 110.

негативное значение.

Обратившись к судебной практике, можно увидеть недостатки использования понятия «аффилированности» к рассматриваемой категории сделок. Так, между ОАО «Обнефтегазгеология» и ООО «СКС» заключен договор купли-продажи недвижимого имущества. Вышеуказанный договор подписан генеральными директорами. Акционеры ОАО «Обнефтегазгеология» полагая, что в совершении сделки имеются признаки заинтересованности и нарушен порядок ее заключения, обратились с исковым заявлением в Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа. В удовлетворении исковых требований отказано.¹¹⁶

Предполагалось, что единоличные исполнительные органы хозяйственных обществ (контрагенты по сделке) в родственных отношениях по смыслу ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации¹¹⁷ не состояли ни на момент совершения оспариваемой сделки, ни на момент возникновения спора.

В обоснование своей позиции суды руководствовались положениями Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности», в соответствии с которыми стороны сделки аффилированными лицами не признавались. Фактически брачные отношения не порождают последствий, предусмотренных для супругов. Тем самым, наличие заинтересованности в спорной сделке не признано.

В данном случае суды отказали в удовлетворении требований лишь по формальным признакам аффилированности. Факт действительной заинтересованности в рассматриваемом случае должным образом не устанавливался.

В науке корпоративного права А.В. Ефимов, анализируя категорию

¹¹⁶ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2010 по делу № А75-7315/2009 // СПС «Консультант-Плюс».

¹¹⁷ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 01.01.1996. № 1. ст. 16.

аффилированности, пришел к выводу, что органы зависимого юридического лица действуют в пределах своей компетенции, но содержание их воли может определяться и выражаться другими лицами; компетенция органов одних юридических лиц может трансформироваться в компетенцию органов других юридических лиц»¹¹⁸.

Сформулируем основные выводы в отношении категории «аффилированность» в контексте рассмотрения сделок с заинтересованностью.

1. Установлено, что исключение законодателем понятия «аффилированности» значительно сузило круг лиц, признаваемых заинтересованными, и освободило хозяйственные общества от необходимости получения одобрения сделок лишь при наличии формальной заинтересованности¹¹⁹. Что, безусловно, следует рассматривать в качестве положительного фактора в рамках совершенствования правового регулирования сделок с заинтересованностью, направленного на защиту прав и законных интересов участников корпораций и иных лиц.

2. Полагаем, что цель использования понятия «аффилированность» не должна предопределяться потенциальной возможностью аффилированных лиц повлиять негативно на корпоративные или иные общественные отношения.

3. Сформированы две группы подходов к понятию «аффилированность»:

- 1) в зависимости от механизма законодательного регулирования:
 - а) позитивистская (нормативная) концепция;
 - б) мягкая позитивистская концепция;
 - в) деформализованная концепция;

¹¹⁸ Ефимов А.В. Влияние аффилированности на компетенцию органов юридических лиц: проблемы квалификации принятия решения о совершении сделки зависимым юридическим лицом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 77 - 86.

¹¹⁹ См.: Нарайкин О. В. Категории лиц, признаваемых заинтересованными в совершении сделок // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 298.

2) в зависимости от содержания и функционального назначения:

- а) форма экономической зависимости;
- б) отношения связанности;
- в) средство разрешения конфликта интересов;
- г) юридический факт-состояние;
- д) правовая конструкция.

Несмотря на наличие существенных недостатков, в каждом из подходов (концепций) выявлен наиболее универсальный признак аффилированности – наличие факта деформации воли корпорации посредством оказания влияния как формально, так и фактически (косвенно) связанными с ней лицами.

4. Установлено, что деформация воли корпорации при аффилированности в значительной степени тяготеет к концепции экономической зависимости.

Обосновано, что наиболее оптимальной позицией к аффилированности является подход, в соответствии с которым она признается юридическим фактом-состоянием.

5. В условиях дефицита нормативных признаков аффилированности и, как следствие, непоследовательной практики по установлению оснований фактической аффилированности, выработанное ВС РФ количество критериев для применения материальной консолидации видится явно недостаточным и абстрактным.

Отсутствие иных критериев, приводимых в доктрине, приводит к существенным рискам. Если в результате применения механизма оспаривания сделок лица, признанные фактически аффилированными, несут имущественные потери локально, применительно к конкретным обязательствам, то при материальной консолидации они утрачивают правосубъектность.

6. Доказано, что в механизме частноправового регулирования аффилированные лица не должны выполнять роль правового средства защиты, такая роль должна быть отведена собственно правовым средствам, их

основным и производным функциям, в частности, в аспекте правового регулирования банкротства определенными законодательством или правоприменительной практикой стандартами доказывания, механизмом субординации требований аффилированных кредиторов, критериями независимости арбитражного управляющего, наличием или отсутствием злоупотреблений, направленными на соответствующие цели, поскольку сама по себе установленная или не установленная судом аффилированность в любом из ее существующих в правоприменительной практике проявлений не обладает ни признаками самостоятельных или производных функций правовых средств, а представляет лишь правовой статус.

7. Установлено, что при обнаружении формальных или косвенных (если принимать действующую правоприменительную парадигму) признаков аффилированности, должны совершенствоваться соответствующие правовые механизмы, обуславливающие выделение самостоятельных правовых средств, для которых аффилированность выступает, прежде всего, субъектным элементом.

1.3. Правовая природа и виды сделок с заинтересованностью

Как обоснованно отмечает в правовой доктрине А.В. Габов, «реализация своих интересов одним субъектом влияет на возможности достижения другими субъектами своих экономических интересов»¹²⁰. Экономика, которая состоит из формально самостоятельных и ни с кем не связанных субъектов – это идеалистическая, недостижимая модель современной организации предпринимательской деятельности. «Отличительной особенностью современного рынка является господствующее положение групп

¹²⁰ Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11.

компаний»¹²¹. «Усложнение экономического оборота обуславливают необходимость внедрения новых экономических моделей, правовых механизмов и правовых средств»¹²².

Хотя конструкция сделок с заинтересованностью включена в текст многих федеральных законов, посвященных регламентации деятельности коммерческих и некоммерческих корпораций, коммерческих унитарных предприятий и некоммерческих унитарных организаций, в настоящей работе детальному анализу подверглись положения законов о хозяйственных обществах, поскольку именно в коммерческих корпорациях проблематика таких сделок получила наибольшее распространение на практике.

В доктрине небезосновательно отмечено, что «анализируя тенденции судебной практики в преломлении к экстраординарным сделкам, можно найти ряд существенных пробелов, возникающих на основе трех проблем корпоративного права в этой части регулирования (защита интересов участников и кредиторов, защита генерального директора от злоупотребления правом, распределение бремени доказывания)»¹²³.

«В правоприменительной деятельности очевидны отдельные результаты реформы, направленные на применение специальных договоров. Данные договорные конструкции позволяют определять типовые условия, включаемые в содержание договоров, устанавливать общие правила договорного сотрудничества сторон в будущем»¹²⁴. Ю.Н. Андреев обоснованно определяет, что «помимо обязательственных гражданско-правовых договоров возможны действующие на основе универсальной

¹²¹ Федчук В.Д. Правовое регулирование групп компаний: отход от права концернов как современная тенденция (на примере права Италии) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 4. С. 97.

¹²² Мохов А.А. Кластерная политика и поддержка малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 58.

¹²³ Шелудяев В.В., Зверюкова Е.А. Привлечение к ответственности по крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью, проблемы и специфика // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 4. С. 22.

¹²⁴ Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 20.

цивилистической модели договоры в сфере корпоративной деятельности»¹²⁵. Обратим внимание, что действующее российское законодательство не содержит как такового понятия сделки с заинтересованностью, а лишь закрепляет круг лиц, которые могут иметь заинтересованность в совершении сделки, и основания установления связи с такими лицами другой стороны сделки¹²⁶. Итак, российское законодательство допускает включение в устав организации, помимо обязательных, иных не противоречащих законодательству положений»¹²⁷.

Как обоснованно отмечает в правовой доктрине А.В. Габов, главной «экономической целью законодательного регулирования института сделок с заинтересованностью в современном праве России является выявление и преодоление конфликта интересов, или же обеспечение экономической эффективности заключаемого договора»¹²⁸. «Определение того, что же является интересом общества с ограниченной ответственностью в сделке, в совершении которой имеется заинтересованность, - важный элемент правового регулирования таких сделок, так как нарушение интереса корпорации является обязательным условием, с которым закон связывает возможность признать сделку недействительной»¹²⁹.

Полагаем, что среди главных тенденций развития современного корпоративного права справедливо назвать его унификацию, на что обоснованно обращено внимание в науке О.В. Гутниковым, в отношении

¹²⁵ Андреев Ю.Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 24.

¹²⁶ См.: Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: Монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова [и др.]; Ответственный редактор О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП; Статут, 2021. – С. 244.

¹²⁷ Лаптев В.А. Положения о возмещении потерь в локальных нормативных актах корпоративных организаций и правовых обычаях // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 11. С. 77.

¹²⁸ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 7.

¹²⁹ Борисенко А.В. Нарушение интереса общества с ограниченной ответственностью при совершении сделки, в которой имеется заинтересованность, в практике Верховного Суда РФ // Закон. 2020. № 11. С. 90.

корпораций различных организационно-правовых форм¹³⁰. «Корпоративный договор в современных реалиях является действенным механизмом осуществления прав участников корпоративных отношений и выступает как способ защиты прав его участников и третьих лиц»¹³¹.

Но, к глубокому сожалению, применительно к институту сделок с заинтересованностью говорить однозначно о наличии указанной тенденции затруднительно ввиду того, что до сих пор действуют различные правила в отношении разных видов юридических лиц. Более того, в отношении некоторых организационно-правовых форм (например, общественных объединений) правила о сделках с заинтересованностью в принципе не действуют, так как они не нашли свое отражение в специальных законах¹³².

В настоящей редакции ФЗ об ООО данная конструкция аффилированности упразднена 343-ФЗ, вместо нее введен институт контролирующих лиц. Как замечает Ю.В. Ершова, регулирование «по смысловой нагрузке не претерпело качественных изменений», введение данного института «способствовало конкретизации и расширению субъектного состава сделок, совершаемых с заинтересованностью»¹³³.

Хотя конструкция сделок с заинтересованностью включена в текст многих федеральных законов, посвященных регламентации деятельности коммерческих и некоммерческих корпораций, коммерческих унитарных предприятий и некоммерческих унитарных организаций, в рамках настоящей работы детальному анализу подверглись положения законов о хозяйственных обществах, поскольку именно в коммерческих корпорациях проблематика таких сделок получила наибольшее распространение на практике.

¹³⁰ См.: Гутников О. В. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития законодательства: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, М.Ю. Тихомиров. М., 2017. С. 454.

¹³¹ Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 6.

¹³² См.: Нарайкин О.В. Тенденции развития и перспективы регулирования сделок с заинтересованностью // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 85-86.

¹³³ Ершова Ю.В. Аффилированные лица и сделки с имуществом корпорации // Власть Закона. 2018. № 3. С. 49 – 60.

«Будучи правовым средством гражданско-правового регулирования корпоративных отношений, корпоративные соглашения (соглашения акционеров, участников обществ с ограниченной ответственностью) имеют много общих черт с классическим гражданско-правовым договором»¹³⁴. Применительно в рамках корпоративных отношений следует вести речь о корпоративном договоре.

Обратим особое внимание на то обстоятельство, что в науке подчеркивается: «действующее законодательство конкретно закрепляет круг лиц, которые могут иметь заинтересованность в совершении сделки»¹³⁵.

В соответствии со ст. 81 Закона об АО и ст. 45 Закона об ООО сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, признается сделка, в совершении которой имеется заинтересованность: члена совета директоров (наблюдательного совета) общества; единоличного исполнительного органа; члена коллегиального исполнительного органа общества; лица, являющегося контролирующим лицом общества; лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания.

Указанные лица признаются заинтересованными в совершении обществом сделки в случаях, если они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) подконтрольные им лица (подконтрольные организации):

- 1) являются стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке;
- 2) являются контролирующим лицом юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или представителем в сделке;
- 3) занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося стороной, выгодоприобретателем, посредником или

¹³⁴ Андреев Ю.Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. С. 156.

¹³⁵ См.: Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: Монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова [и др.]; Ответственный редактор О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП; Статут, 2021. – С. 244.

представителем в сделке, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица.

Информационное обеспечение деятельности общества регулируется положением об информационной политике общества¹³⁶. Для понимания правовой природы рассматриваемого института необходимо раскрыть понятие заинтересованности и конфликта интересов, которые не содержатся ни в нормах общего, ни нормах специального законодательства, мало того, отсутствует и единое его понимание в научной литературе юридико-экономического и управленческого характера. Более того, некоторые авторы вообще относят конфликт интересов не к правовой, а к социологической категории¹³⁷.

Совершенно очевидно, что в процессе осуществления предпринимательской деятельности любая организация, выступающая стороной по сделке, стремится максимизировать свою прибыль и получить наибольшую пользу от совместных деловых операций со своими контрагентами для достижения целей своего бизнес-плана в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Именно с этой целью экономические субъекты нередко снижают стоимость своих товаров, работ и услуг, предоставляют иные выгодные условия и идут на любого рода уступки и компромиссы для своих деловых партнеров. В этом проявляется заинтересованность в общепринятом понимании этого слова.

В связи с этим кажется справедливым замечание В.В. Лаптева о том, что заинтересованность сама по себе имеется в совершении каждой сделки со стороны всех ее участников¹³⁸. По этой причине некоторыми учеными выдвигается предложение заменить понятие «сделка с заинтересованностью»

¹³⁶ Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Информационная составляющая в корпоративных отношениях в условиях цифровой экономики // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 9.

¹³⁷ См.: Андреев В.К. Корпоративный характер сделки с заинтересованностью // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 52-63.

¹³⁸ См.: Лаптев В.В. Акционерное право. М.: Контракт, 1999. –С. 100.

на более подходящий термин «сделка с конфликтом интересов»¹³⁹.

Каждый из участников любой коммерческой организации заинтересован в получении прибыли в результате такого участия за счет роста стоимости принадлежащих ему акций, доли или пая. Организация, в свою очередь, также преследует цель успешного ведения бизнеса и преумножения собственной прибыли, недопущение утраты собственной эффективности¹⁴⁰.

Однако из этого нельзя сделать вывод, что интересы организации во всем совпадают с частными интересами ее участников. Как правило складывается такая неоднозначная правовая ситуация, при которой «интересы корпорации преобладают над частными интересами ее участников»¹⁴¹. То же самое можно сказать относительно соотношения интересов юридического лица и органов его управления, несмотря на то что последние формируют и выражают волю первого.

В науке предпринимательского права профессор А.Н. Левушкин обоснованно отмечает, что «определение юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств является в настоящее время наиболее дискуссионным и принципиальным вопросом, имеющим значение для правоприменительной договорной деятельности, в особенности применительно к предпринимательским обязательствам»¹⁴². Сделки с заинтересованностью, как известно, имеют корпоративную природу. «При

¹³⁹ Абакумова Е.Б. Проблема конфликта интересов в корпоративных правоотношениях с участием единоличного исполнительного органа хозяйственного общества // *Russian journal of economics and law*. 2021. № 3 С. 537.

¹⁴⁰ См.: Габов А.В. Проблемы и перспективы правового регулирования сделок акционерного общества, требующих особого порядка их совершения // *Цивилист*. 2007. № 1. С. 53-60.

¹⁴¹ Акционерные и другие хозяйственные общества и товарищества: Постатейный комментарий статей 66 - 106 Гражданского кодекса Российской Федерации / К.П. Беляев, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010. 285 с.

¹⁴² Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Исполнение договора морского страхования в сфере эксплуатации транспорта при перевозке груза в России и Великобритании // *Транспортное право*. 2022. № 4. С. 68 – 75; Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: учебник. М.: Проспект, 2021. С. 126; Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // *Современный юрист*. 2020. № 2. С. 151.

наличии в предмете корпоративного договора организационного признака, отражающего воздействие на осуществление корпоративных прав и имущественного признака, когда стороны согласовывают порядок приобретения или отчуждения акций (долей)»¹⁴³.

«Специфика сделок с заинтересованностью повышает для директора порог доказывания добросовестности»¹⁴⁴. В вопросе соотношения интересов корпорации и ее участников в юридической науке отсутствует единство мнений. Так, указанную выше позицию не разделяет Д.В. Плешков, настаивая на том, что интерес общества полностью совпадает по содержанию с интересами его членов¹⁴⁵.

Особого внимания заслуживает разработанная на Западе доктрина стейкхолдеров (stakeholders)¹⁴⁶, в соответствии с которой интересы корпорации включают в себя не только интересы ее участников, но интересы других субъектов, вступающих в правоотношения с такой корпорацией (кредиторы, наемные работники, потребители и другие группы влияния).

Если вкладывать в понятие заинтересованности юридический смысл, то сделки с заинтересованностью многократно увеличивают вероятность нарушения баланса интересов одной из сторон такой сделки – общество рискует не получить то встречное предоставление по сделке, на которое могло бы рассчитывать при отсутствии конфликта интересов.

Конфликт интересов возникает, когда лицо, имеющее возможность оказывать воздействие на принятие обществом тех или иных управленческих решений, участвует не только в делах самого общества, но и в делах его контрагента, и такое участие потенциально может привести к столкновению

¹⁴³ Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. О месте корпоративного договора в системе гражданско-правовых договоров // Конкурентное право. 2022. № 2. С. 29.

¹⁴⁴ См.: подробнее: Шелудяев В.В., Зверюкова Е.А. Привлечение к ответственности по крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью, проблемы и специфика // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 4. С. 20 - 24.

¹⁴⁵ Плешков Д.В. Интерес акционерного общества в контексте статьи 71 Закона об АО // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 1. – С. 23-29.

¹⁴⁶ Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2009. № 3. С. 142-206.

интересов этого лица и интересов корпорации и ее участников¹⁴⁷.

Заинтересованность лица в данном случае может проявляться в определении условий при формировании договора (в том числе условий цены, сроков, ответственности) или в выборе контрагента по сделке¹⁴⁸, исходя из собственных представлений о личной выгоде, без учета интересов самого общества, которое будет выступать стороной по такой сделке и правам которого может быть нанесен ущерб в результате заключения такой сделки.

По этой причине допустимо сделать вывод, что раскрытие и преодоление конфликта интересов, а если преодоление такого конфликта невозможно – обеспечение экономической целесообразности совершаемой сделки и есть первостепенная цель нормативного регулирования порядка совершения таких сделок¹⁴⁹.

В отсутствие же конфликта интересов общества и лица, способного воздействовать на это общество при принятии им управленческих решений, говорить о специальном правовом регулировании сделок не приходится. Это подтверждается в том числе подавляющей частью дефиниций сделок с заинтересованностью, содержащейся в научных трудах. Определения рассматриваемого института, которые даны Филипповой С.Ю.¹⁵⁰, Телюкиной М.В.¹⁵¹ и Стариковой Л.А.¹⁵², содержат в себе указание на наличие конфликта

¹⁴⁷ Постановление ФАС Московского округа от 5 августа 2011 года № КА-А40/7851-11 по делу № А40-146025/10-147-977 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁴⁸ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 31 августа 2011 года по делу № А74-4025/2010 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.05.2024).

¹⁴⁹ См.: Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 7.

¹⁵⁰ См.: Филиппова С.Ю. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда по вопросам применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью // Российский судья. 2009. № 6. С. 24-28.

¹⁵¹ См.: Телюкина М.В. Понятие сделок с заинтересованностью // Законодательство и экономика. 2005. № 2. С. 46-49.

¹⁵² См.: Старикова Л.А. Понятие и предмет крупных сделок и сделок с заинтересованностью, отнесение сделок к крупным или сделкам, в совершении которых имеется заинтересованность, порядок их одобрения // Акционерное общество. Вопросы корпоративного управления. 2006. № 8. С. 44-59.

интересов общества и интересов лица, имеющего возможность побуждать или вынуждать общество заключать те или иные сделки.

В законодательстве указан закрытый перечень случаев возникновения такого конфликта, то есть наличие или отсутствие последнего определяется на основе объективных критериев – факта наличия у одного из лиц, указанных в законе, интересов, противоречащих интересам юридического лица¹⁵³. При этом выявление заинтересованности в совершении той или иной сделки у тех лиц и на тех условиях, которые прямо не указаны в законе, не позволяет суду расширять установленный законом перечень оснований квалификации сделки в качестве сделки с заинтересованностью за счет фактических обстоятельств конкретного дела.

Для квалификации сделки в качестве сделки с заинтересованностью, в отличие от крупных сделок, не имеют значения количественные и качественные показатели. При несоблюдении таких критериев сделка не перестает быть сделкой с заинтересованностью – на нее лишь не распространяются требования закона о таких сделках.

Важной особенностью таких сделок является то, что они могут быть как двусторонними, так и односторонними¹⁵⁴. И.С. Шиткина обоснованно утверждает, что их нельзя приравнивать к любым гражданско-правовым сделкам, так как на волю юридического лица оказывают свое влияние лица, в отношении которых установлена презумпция конфликта интересов¹⁵⁵. Указанный вывод также следует из самого факта презюмирования конфликта интересов, что противоречит правилам п. 3 ст. 1 и п. 5 ст. 10 ГК РФ, согласно которым добросовестность участников гражданского оборота предполагается.

¹⁵³ См.: Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. С. 166.

¹⁵⁴ Постановление ФАС Московского округа от 08 декабря 2004 года № КГ-А40/11393-04; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 мая 2006 года № 09АП-4985/06 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024). – Режим доступа: ограниченный. – Текст: электронный.

¹⁵⁵ См.: Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. / Отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 2. – М.: Статут, 2018. С. 491.

Следует лишь отчасти согласиться с выводом В.К. Андреева, что сделку с заинтересованностью нельзя отнести к отдельному виду договора, так как она представляет из себя обязательство, осложненное корпоративным элементом¹⁵⁶.

Следует в полной мере согласиться с позицией А.В. Габова, который раскрывает категорию заинтересованности через психическую волевую направленность конкретного лица к своему конкретному действию¹⁵⁷, так как в соответствии с требованиями законодательства сделка признается сделкой с заинтересованностью даже в том случае, если лица, имеющие возможность участвовать в формировании воли общества, не имеют реального намерения поступать вопреки интересам последнего и даже не осведомлены о своей заинтересованности¹⁵⁸.

Рассмотрим вопросы, исключающих применение режима для сделок с заинтересованностью.

Одним из обстоятельств является заключение сделки с заинтересованностью всеми заинтересованными участниками общества, владельцами голосующих акций. Однако для применения указанного основания необходимо установить факт отсутствия заинтересованности в ее совершении у иных лиц. Правило не является абсолютным, поскольку в силу закона, уставом общества с ограниченной ответственностью и непубличного акционерного общества может быть предусмотрено право участника, акционера потребовать получение согласия на заключение такой сделки до ее совершения.

Ошибочно предполагать, что нормы, регулирующие институт сделок с заинтересованностью, применяются исключительно в интересах

¹⁵⁶ См.: Андреев В.К. Корпоративный характер сделки с заинтересованностью // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 52-63.

¹⁵⁷ См.: Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 21.

¹⁵⁸ См.: Телюкина М.В. Понятие сделок с заинтересованностью // Законодательство и экономика. 2005. № 2. С. 46-49.

юридического лица, все же нельзя отрицать, что его составной частью являются интересы участников. В случае, когда все участники (акционеры) согласны на совершение сделки, может показаться необоснованным применение рассматриваемого режима лишь ввиду наличия заинтересованного лица в составе органов управления.

Вместе с тем органы управления непосредственно участвуют в ее заключении, влияют на формировании условий сделки. В таком случае не исключена вероятность возникновения конфликта интересов.

Основания освобождения от обозначенного режима допустимо разделить на общие и специальные. Режим, установленный для сделок с заинтересованностью, не применяется к:

- отношениям, которые возникают при переходе прав на имущество в процессе реорганизации хозяйственного общества;
- договорам по размещению облигаций, путем открытой подписки, или приобретению обществом размещенных им облигаций;
- сделкам, заключенным на идентичных с предварительным договором условиях, если такой договор содержит все сведения, предусмотренные Законом об акционерных обществах и Законом об обществах с ограниченной ответственностью, а также получено согласие на его заключение в установленном порядке;
- сделкам, заключаемым на открытых торгах или по их результатам, если условия проведения или участия в них предварительно утверждены советом директоров общества.

Вышеназванные обстоятельства являются общими для хозяйствующих субъектов.

Ввиду наличия особенностей вида деятельности юридических лиц и организационно-правовых форм, действующее законодательство предусматривает особые обстоятельства, при которых рассматриваемый режим не применяется. В частности, ввиду того, что переход доли в уставном капитале или же ее части определен Законом об обществах с ограниченной

ответственностью, применение режима, установленного для сделок с заинтересованностью неразумно, в связи с чем он не подлежит применению, даже при наличии заинтересованности. Таким образом, введение данного исключения оправдано.

Для акционерных обществ правовой режим сделок с заинтересованностью не применяется к сделкам, связанным с размещением, в том числе посредством подписки, акций общества и эмиссионных бумаг, конвертируемых в акции общества.

К отношениям, вытекающим из положения законодательства об электроэнергетике,¹⁵⁹ рассматриваемый правовой режим так же не применим.

В совершении сделки имеется заинтересованность единоличного исполнительного органа, членов коллегиального органа юридического лица, их родственников и контролирующих лиц, в связи с чем может возникнуть риск нанесения ущерба интересам общества¹⁶⁰. Как обоснованно установлено в науке «все участники гражданского оборота хотят работать с надежными и добросовестными контрагентами, будь то юридические лица или индивидуальные предприниматели, которые выполняют все принятые обязательства»¹⁶¹.

Объединяющей чертой корпоративных обязательства в массе всех сделок, выступает то, что члены корпорации оказывают воздействие на заключение или оспаривание договорного обязательства¹⁶².

Как правило сделки с заинтересованностью носят гражданско-правовой

¹⁵⁹ Федерального закона от 26.03.2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // «Собрание законодательства Российской Федерации». 31.03.2003. № 13. ст. 1177.

¹⁶⁰ См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. М., 2017. С. 163 - 164; Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. № 3. С. 7.

¹⁶¹ Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 38.

¹⁶² См. подробнее: Андреев В.К. Корпоративный характер сделок и сделки с заинтересованностью // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 52-63; Андреев В.К. Применение общих положений об обязательствах ГК РФ к корпоративным отношениям (корпоративные обязательства) // Гражданское право. 2016. № 4. С. 3 - 6.

характер. Чаще всего к рассматриваемым сделкам относят договоры купли-продажи движимого и недвижимого имущества, аренды. Вместе с тем, в дополнительных соглашениях к трудовым договорам, мировых соглашениях, соглашениях о прощении долга также усматриваются признаки заинтересованности.

Акционеры и участники обществ довольно часто обращаются с иском о признании трудового договора между хозяйственным обществом и генеральным директором недействительным, ввиду наличия в нем признаков заинтересованности.

Вместе с тем анализ судебной практики дает основание полагать, что сам трудовой договор сделкой с заинтересованностью не является.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации не растолковал возможность оспаривания отдельных положений трудового договора по правилам обжалования экстраординарных сделок.

Исключение трудового договора из категории сделок, которые подпадают под правовой режим сделок с заинтересованностью, устранило некоторую неопределенность в правоприменительной практике и альтернативность в вопросе подведомственности.¹⁶³

Так, Арбитражный суд Северо-Западного округа, рассматривая спор о признании трудового договора сделкой с заинтересованностью, совершенной с нарушением установленного порядка, пришел к выводу, что полномочия генерального директора основываются не на трудовом договоре, а на решении уполномоченного органа управления юридического лица, трудовым договором регулируются непосредственно трудовые отношения генерального директора и общества¹⁶⁴.

Однако, дополнительное соглашение к трудовому договору может

¹⁶³ См.: Лаптев В.А. Новые подходы в правовом режиме совершения экстраординарных сделок в Постановлении Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27 // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 10-13.

¹⁶⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.12.2021 № Ф07-17508/2021 по делу № А56-100045/2020 // СПС «Консультант Плюс».

расцениваться в качестве сделки, в совершении которой имеются признаки заинтересованности. К примеру, участник общества полагал, что дополнительное соглашение, заключенное хозяйствующим субъектом с генеральным директором, предметом которого являлась выплата ему компенсации в случае расторжения трудового договора по решению общего собрания, имеет признаки недействительной сделки, поскольку было заключено с неуполномоченным лицом, без одобрения участников хозяйственного общества в нарушение положений его устава. Истец полагал, что лицо, заключившее с ответчиком дополнительное соглашение, не было уполномочено остальными участниками на его заключение, а выгодоприобретатель по ней – директор общества. Таким образом, путем заключения оспариваемой сделки была распределена чистая прибыль общества только в пользу одного участника.

Решением от 12.11.2020 Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области при рассмотрении указанного дела заключил, что в оспариваемом соглашении имеются признаки заинтересованности. Вместе тем ввиду того, что причинение ущерба обществу не установлено, в удовлетворении исковых требований отказано¹⁶⁵.

На практике довольно распространенным являлся вопрос признания договора о передаче функций единоличного органа управляющей компании сделкой с заинтересованностью.

Ответ на указанный вопрос содержится в толковании Верховного Суда Российской Федерации. Так, суд разъяснил, что решение об образовании единоличного исполнительного органа, в том числе о передаче его полномочий управляющей компании (управляющему), и избрании членов коллегиальных органов не требует отдельного одобрения в порядке, установленном для одобрения сделок с заинтересованностью.

Кроме того, положение о премировании директора также может

¹⁶⁵ Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 12.11.2020 по делу № А56-20124/2020 // СПС «Консультант Плюс».

одобряться по правилам о сделках с заинтересованностью. Так, Арбитражный суд Поволжского округа пришел к правомерному выводу, что единоличный исполнительный орган не обладает полномочиями по принятию решения о выплате себе денежных средств в виде премии, как генеральному директору корпорации, без согласия работодателя в лице хозяйственного общества.¹⁶⁶

Обратившись вновь к судебному толкованию, а именно к п. 6 постановления Пленума ВС РФ № 27, увидим, что правила о порядке заключения сделки, в совершении которой имеются признаки заинтересованности, применяются и к мировому соглашению, если одной из сторон выступает хозяйственное общество.

В частности, одним из акционеров АО «Инмар» подано исковое заявление в суд о взыскании с бывшего единоличного исполнительного органа общества ущерба, который общество понесло в результате ненадлежащего исполнения последним своих обязанностей. В ходе рассмотрения дела установлено, что между АО «Инмар» и ООО «АП», ООО «ЛК» заключен договор подряда. Согласно вышеуказанной сделке, АО «Инмар» выступало в качестве поручителя, заказчиком по договору являлось ООО «АП» перед генеральным подрядчиком ООО «ЛК».

Впоследствии между указанными субъектами заключено мировое соглашение в лице их единоличных исполнительных органов. Согласно условиям, определенным в мировом соглашении, АО «Инмар» отказывалось от встречных требований о взыскании денежной суммы, ранее уплаченной им как поручителем.

Суд установил факт наличия конфликта интересов между акционерным обществом и его директором, определив, что единоличный исполнительный орган руководствовался лишь своим интересом, отличным от хозяйственного общества.

Заинтересованность в совершении сделки выражена в наличии

¹⁶⁶ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.01.2019 № Ф06-41685/2018 по делу № А65-9528/2018 // СПС «Консультант Плюс».

зарегистрированного брака между учредителем ООО «АП», являвшегося выгодоприобретателем по мировому соглашению, и директором АО «Инмар».

Сведения о родственных отношениях между сторонами мирового соглашения до акционеров общества не доведены, надлежащим образом не раскрыты, акционеры должным образом о совершении сделки с заинтересованностью не извещены. Таким образом, участники общества были лишены права направить требование о проведении общего собрания с целью выражения своего согласия или его отсутствия на заключение спорной сделки.

В результате заключения мирового соглашения общество лишилось имущественного права требования, тем самым ему причинены убытки, в связи с чем исковое заявление подлежало удовлетворению, и сделка с заинтересованностью признана недействительной.¹⁶⁷

Кроме того, суды приходят к выводу, что должник может признаваться выгодоприобретателем и по договору поручительства. Исключение составляют случаи, когда сделка заключена не в интересах должника или без его согласия.

Специфика сделок с заинтересованностью в судебной практике подразумевает фактическое разделение на два вида: общехозяйственную и экстраординарную добросовестность¹⁶⁸,

Сформулируем базовые выводы по данному параграфу.

1. Аргументирована, необходимость обособления в рамках частноправовых отраслей права межотраслевого правового института сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, что предопределяет его комплексную правовую природу,

2. Доказывается, что институт сделок с заинтересованностью имеет комплексную природу и включает в себя нормы корпоративного права,

¹⁶⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.09.2018 по делу № А21-5157/2016 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁶⁸ Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2022 г. № 16АП-3349/13 по делу № А77-1351/2009 // СПС КонсультантПлюс.

гражданского права, предпринимательского права, семейного права, арбитражного процессуального права и гражданского процессуального права. Тем самым, частноправовой, межотраслевой институт сделок с заинтересованностью тесно взаимосвязан с обязательственным правом, семейными правоотношениями, институтом корпоративных сделок, недействительности сделок.

3. Для признания договора сделкой с заинтересованностью, необходимо в первую очередь оценить его на наличие конфликта интересов. На основании решений судов можно сделать вывод, что практически каждая сделка может признаваться сделкой с элементами заинтересованности, при доказанности вышеуказанного факта. Однако, основной массив составляют гражданско-правовые сделки.

В связи с вышеизложенным закономерно встает вопрос о принципиальной необходимости сохранения в законодательстве института сделок с заинтересованностью в том числе и для публичных акционерных обществ. В условиях действия п. 2 ст. 174 ГК РФ наличие данного института кажется бесперспективным, тем более что соблюдение отдельных закрепленных в законодательстве правил влечет существенные транзакционные издержки для общества, требует значительных организационных усилий, которые не предоставляют никаких гарантий с точки зрения итогового правового результата.

4. Определено, что сохранение указанного института не совсем корректно объяснять необходимостью возложения обязанности возмещения убытков на заинтересованных лиц в случае их причинения в результате заключения сделки с заинтересованностью, так как названная обязанность и так закреплена положениями гражданского законодательства и может быть возложена на любых лиц, которые фактически имеют возможность определять решения общества о заключении соответствующей сделки (ст. 53.1 ГК РФ).

При этом стоит отметить, что указанный правовой механизм в гораздо большей степени отвечает целям защиты прав и интересов хозяйствующих

субъектов, так как специальные правила Законов об АО и ООО возлагают такую обязанность на ограниченный круг заинтересованных лиц, не допуская учет любых других неформальных связей и фактической возможности оказывать влияние на решения, принимаемые организацией.

Более того, Верховный суд Российской Федерации уже указывал, что применение упомянутого механизма возможно вне какой-либо зависимости от факта оспаривания сделки с заинтересованностью, и даже если в иске о признании такой сделки будет отказано, то это не будет являться основанием для отказа в удовлетворении требования о возмещении убытков, причиненных обществу лицами, названными в ст. 53.1 ГК РФ, а также не будет создавать препятствий для удовлетворения другого иска – с требованием исключить из общества участника (акционера), который заключил оспариваемую сделку в ущерб интересам последнего, либо дал указание на ее заключение или голосовал за ее одобрение на общем собрании участников (акционеров) (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 27).

После вступления в силу Закона № 343-ФЗ многие такие правила для обществ с ограниченной ответственностью и непубличных акционерных обществ стали особыми положениями их уставов, которые не соответствуют нормам действующего закона, однако имеют силу ввиду диспозитивного характера последних.

5. Таким образом, реформа, которая была проведена в отношении института сделок с заинтересованностью, теряет свой смысл, если большая часть непубличных обществ продолжают руководствоваться теми «архаичными» правилами, которые были включены в их уставы на основе уже недействующих норм, а не «революционными» положениями, введенными Законом № 343-ФЗ¹⁶⁹.

Вместе с тем стоит согласиться с мнением И.С. Шиткиной, которая

¹⁶⁹ См.: Маковская А.А. Императивные и диспозитивные нормы в корпоративном законодательстве (ошибки в формулировках, проблемы толкования и правоприменения) // Вестник гражданского права. 2019. № 5. // СПС КонсультантПлюс.

полагает, что «количество сделок с заинтересованностью значительно сократилось из-за устранения неопределенного критерия аффилированности как основания квалификации сделок с конфликтом интересов»¹⁷⁰.

6. На основании всего вышесказанного можно сделать вывод, что сохранение рассматриваемого института в том виде, в котором он на данный момент времени существует в Законах об АО и ООО, лишено перспектив и какого-либо практического смысла, так как сам институт представляет собой скорее фикцию, требующую лишних издержек, нежели востребованный в рамках хозяйственной деятельности и реально функционирующий правовой механизм.

В свете вышеизложенного вспоминается озвученная достаточно давно позиция А.В. Габова, который обоснованно отметил, что институт сделок с заинтересованностью не только не содействует реализации защиты прав и законных интересов акционеров (участников) общества, но и в определенных случаях играет роль вредоносного для хозяйственной практики института¹⁷¹. С момента написания А.В. Габовым данных суждений, в регулировании данного института, даже после принятия Закона № 343-ФЗ, практически ничего существенно не поменялось, разве что у отдельных хозяйственных обществ появилась возможность полностью игнорировать положения закона в рассматриваемой сфере.

По мнению автора, идея о полной ликвидации из действующего законодательства положений, посвященных специальному регулированию сделок с заинтересованностью, является необоснованной, так как ее реализация лишней раз поставит под угрозу интересы субъектов корпоративных отношений. Сохранение специального режима обжалования таких сделок в любом случае будет являться наиболее эффективным

¹⁷⁰ Шиткина И.С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С. 123.

¹⁷¹ См.: Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М., 2005. С. 6.

средством борьбы с недобросовестным поведением заинтересованных лиц, нежели другие способы защиты нарушенных прав. К примеру, взыскание убытков с должностных лиц при заключении сделки с заинтересованностью навряд ли будет приносить ожидаемый результат ввиду трудности реального взыскания крупных денежных сумм с физических лиц¹⁷².

8. Все же стоит признать, что если отечественный законодатель не разделяет ранее озвученную позицию Габова А.В., то перед ним встает объективная потребность в повторном реформировании указанного института и обсуждении возможности и целесообразности отказа от отдельных изменений, которые были внесены в законодательство по результатам принятия Закона № 343-ФЗ – в частности, предлагается оценить последствия отказа законодателя от процедуры получения предварительного согласия на заключение сделки с заинтересованностью.

По крайней мере, требование о получении такого согласия имеет смысл сохранить для тех организаций, которые имеют социальное значение (например, для публичных акционерных обществ) или являются непосредственной частью государственного сектора экономики (к примеру, для государственных корпораций, публично-правовых компаний, учреждений). В рамках правового регулирования таких организаций считаем допустимым нормативное закрепление в качестве основания признания сделки с заинтересованностью недействительной неполучение предварительного согласия уполномоченного органа на ее совершение в порядке ст. 173.1 ГК РФ. При этом отсутствие ущерба в результате совершения такой сделки не должно становиться причиной для отказа в удовлетворении требований.

Вместе с тем, в указанном вопросе законодателю требуется установить оптимальный баланс интересов, так как нормативное закрепление все новых и новых формальных ограничений заключения сделок с заинтересованностью

¹⁷² Шиткина И.С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. – 2019. – №. 12. – С. 129.

может выступать очевидной причиной затруднения деятельности субъектов гражданского оборота, что недопустимо объяснять одной лишь потребностью соблюдения публичных и общественных интересов.

Как обоснованно указывает в доктрине корпоративного права И.С. Шиткина, «расширение круга сделок, совершаемых по правилам сделок с заинтересованностью, возможно, но такие сделки переходят в категорию сделок, порядок совершения которых устанавливается уставом общества, и в случае нарушения этого порядка применяются правила, установленные для уставных ограничений»¹⁷³.

8. Среди главных тенденций развития современного корпоративного права справедливо назвать его унификацию в отношении корпораций различных организационно-правовых форм¹⁷⁴.

К сожалению, применительно к институту сделок с заинтересованностью говорить однозначно о наличии указанной тенденции затруднительно ввиду того, что до сих пор действуют различные правила в отношении разных видов юридических лиц.

Более того, в отношении некоторых организационно-правовых форм (например, общественных объединений) правила о сделках с заинтересованностью в принципе не действуют, так как они не нашли свое отражение в специальных законах.

Ко всему прочему, по результатам принятия Закона № 343-ФЗ правовой режим сделок с заинтересованностью в хозяйственных обществах приобрел множество существенных различий с режимом аналогичных сделок, действующим применительно к юридическим лицам иных организационно-правовых форм. Можно отметить отсутствие гармонизации Законов об АО и ООО не только с другими специальными законами, посвященными

¹⁷³ Шиткина И.С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С. 128.

¹⁷⁴ Гутников О.В. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития законодательства: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, М.Ю. Тихомиров. – М., 2017. – С. 451-463.

деятельности отдельных видов юридических лиц, но и с положениями ГК РФ в целом¹⁷⁵.

9. В юридической литературе не единожды акцентировалось внимание на проблеме существования необоснованного разнообразия в правовом регулировании фактически одних и тех же отношений, а вследствие проведенной реформы данная проблема усугубилась, приобрела новые масштабы. Ранее Высший арбитражный суд Российской Федерации в целях содействия сближению правовых режимов распространял разъяснения, посвященные лишь хозяйственным обществам, на иные виды юридических лиц (государственные и муниципальные унитарные предприятия, кооперативы, а также автономные учреждения и иные некоммерческие организации), если иное не предусмотрено законом или «не вытекает из существа отношений» (п. 13 Постановления Пленума ВАС РФ № 28).

10. По мнению автора, законодателю следует способствовать процессу по созданию общих правил правового регулирования и устранению различий в нормативно-правовых актах в той части, которая касается сделок с заинтересованностью, особенно в связи с тем, что большая часть имеющихся расхождений, в сущности, не носит какого-либо осмысленного характера¹⁷⁶ и обусловлена, как представляется, отсутствием единого взгляда на институт сделок с заинтересованностью, а также комплексного понимания задач, которые стоят перед ним, и функций, которые он призван выполнять.

Нетрудно заметить, что в свете реформирования ГК РФ наметилась устойчивая тенденция расширения пределов применения принципа диспозитивности в области корпоративного права, что не могло также не

¹⁷⁵ Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2018. – № 9. – С. 45-65.

¹⁷⁶ Габов А.В. Институт крупной сделки в российском праве: основные этапы, тенденции и перспективы развития // Предпринимательское право. – 2018. – № 3. – С. 3-30.

отразиться на правовом регулировании сделок с заинтересованностью¹⁷⁷.

Нормы, которые некогда носили исключительно императивный характер и всякое нарушение которых могло привести к признанию сделки недействительной, теперь все чаще содержат внутри себя оговорки о потенциальной возможности отступления от установленных правил в случае, если уставом общества будет предусмотрено иное требование к порядку совершения и одобрения сделок с заинтересованностью.

11. Обосновано, что путь к расширению горизонтов диспозитивности законодательного регулирования в рассматриваемой сфере был медленным и постепенным, поскольку предполагал предоставление организациям все новых и новых возможностей для установления собственных правил в части регламентации экстраординарных сделок. В конце концов такая тенденция привела к тому, что из закона были в принципе исключены требования о наличии обязательного согласия для совершения сделок с заинтересованностью, а вместе с тем была и устранена возможность их оспаривания на основании ст. 173.1 ГК РФ.

Была предусмотрена возможность непубличных обществ устанавливать в своих уставах любой другой порядок совершения сделок с заинтересованностью, отличный от того, который предусмотрен законодательством, либо сделать оговорку о том, что на них вообще не распространяются требования законодательства в части регулирования таких сделок. Также теперь возможно указать, что одни правила Закона об АО или Закона об ООО подлежат применению, тогда как применение других норм исключается.

Подобные правила допускается закреплять в уставе либо при непосредственном учреждении общества, либо при внесении изменений в текст уже утвержденного устава. Единственное требование ко внесению таких

¹⁷⁷ Маковская А.А. Императивные и диспозитивные нормы в корпоративном законодательстве (ошибки в формулировках, проблемы толкования и правоприменения) // Вестник гражданского права. – 2019. – № 5. – С. 79 – 109.

положений в текст учредительного документа – наличие единогласного согласия всех участников общества (п. 8 ст. 83 Закона об АО, п. 9 ст. 45 Закона об ООО).

Положениями учредительных документов не могут быть изменены или отменены условия признания сделок недействительными, закрепленные законодательством и определяющие наличие ущерба в качестве обязательного основания для оспаривания сделки с заинтересованностью. К императивным стоит также отнести те правила, которые касаются условий о круге лиц, имеющих возможность оспаривать соответствующие сделки, условия о распределении бремени доказывания, о праве акционеров, имеющих возможность оспаривать сделки с заинтересованностью, на получение информации об этих сделках и т.д.

Таким образом, непубличным обществам была дана возможность закрепить в своих учредительных документах возможность практически полного отказа от института сделок с заинтересованностью. На публичные общества указанные правила не распространяются, что представляется автору работы целесообразным с точки зрения защиты прав миноритарных акционеров.

13. Также установлено, что положения о сделках с заинтересованностью не распространяются на сделки, предметом которых является имущество, не превышающее 0,1% балансовой стоимости активов общества.

14. Резюмируя вышеизложенное, реформа института сделок с заинтересованностью, значительно упростила порядок заключения незначительных по сумме и иным параметрам договоров, в совершении которых имеются признаки заинтересованности. Кроме того, при наличии единогласного решения о заключении сделки с заинтересованностью, акционеры непубличных акционерных обществ и участники обществ с ограниченной ответственностью вправе самостоятельно определить порядок согласования указанных сделок, в том числе в некоторых случаях полностью исключить необходимость согласования.

Подобного рода изменения оказывают позитивное воздействие на правореализационную деятельность, поскольку упростили порядок совершения большого количества сделок с заинтересованностью, заключаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности, в силу федерального законодательства или на незначительную сумму.

15. Анализ норм действующего законодательства и правоприменительной практики позволяет выявить и другие тенденции правового регулирования сделок, совершаемых юридическими лицами в особом порядке.

Глава 2. Правовой статус субъектов правоотношений, участвующих в совершении сделок с заинтересованностью

2.1. Основания и критерии для признания лиц, заинтересованными в совершении сделки

«Содержание гражданских прав, вытекающих из обладания акциями (долями), достаточно разнообразно и не имеет единой классификации и полного перечня, так как зависит от разновидности юридического лица и дополнительного закрепления этих прав в учредительных документах или корпоративном договоре»¹⁷⁸.

В п. 1 ст. 45 ФЗ об ООО устанавливается два основных признака для определения лица в качестве контролирующего. Первый - наличие у контролирующего лица права распоряжаться более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации. Второй - право назначать или избирать единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации.

Законодатель также конкретизирует, в силу каких обстоятельств, может возникать право, предусмотренное первым критерием для определения лица в качестве контролирующего. Здесь также перечисляется два основания.

Первое и наиболее очевидное - участие в самом ООО. «Понятие «доля» в уставном капитале является ключевым для всех корпоративных коммерческих организаций»¹⁷⁹. То есть владение долями в размере более 50 процентов от уставного капитала при условии, что одна доля равна одному голосу и данный

¹⁷⁸ Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Наследование корпоративных прав // Наследственное право. 2019. № 1. С. 8.

¹⁷⁹ Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И. Сравнительный анализ правовой природы права на долю в уставном капитале и права на ликвидационную долю (квоту) // Юрист. 2020. № 6. С. 57.

порядок не изменен уставом. При определении статуса контролирующего лица важен именно факт наличия более 50 процентов голосов на общем собрании, а не более 50 процентов от уставного капитала. Так как именно возможность голосовать на общем собрании более 50 процентами голосов дает возможность определять наиболее важные решения общества, отнесенные к компетенции высшего органа управления, а как следствие и иметь контроль над обществом.

Второй фактор, определенный законодателем, в силу которого лицо может обладать более 50 процентами голосов, можно определить как иные основания, не связанные с участием в ООО. Здесь законодателем перечислены договорные основания возникновения возможности влияния на принятие общим собранием решений по повестке дня. Перечисляя договорные конструкции, законодатель указывает, что передавать право голоса возможно и посредством непоименованного договора, в связи с чем в статью включена формулировка: «иное соглашение, предметом которого является осуществление прав, удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации». Такое упоминание иных соглашений логично и обосновано, поскольку закрытый перечень перечисляемых договоров привел бы к ситуации, в которой сторонами специально заключались непоименованные и смешанные договоры для обхода норм о контролирующих лицах. Следовательно, иная законодательная формулировка рождала бы злоупотребление правом.

Также следует проанализировать второй критерий признания лица контролирующим - возможность определять лиц, осуществляющих руководство корпорацией. Законодатель в ФЗ об ООО предусмотрел два основания возникновения контроля - в силу возможности распоряжаться более 50 процентами голосов в уставном капитале общества, и в силу возможности избирать или назначать исполнительные органы. Как можно заметить, критерии сформулированы достаточно четко и ясно. Открытый перечень, указывающий на размытость формулировки, присутствует только при

перечислении договоров, в силу которых лицо может получить возможность распоряжаться более 50 процентами голосов.

Необходимо отметить, что законодательная формулировка подразумевает признание лица контролирующим корпорацию как при наличии одного признака, так и при наличии совокупности двух проанализированных критериев. Сформулированная таким образом норма обоснована, поскольку при наличии любого из этих критериев, но при отсутствии другого, контроль у лица над обществом уже возникает. Совокупность же приведенных признаков просто приводит к усилению возможности лица влиять на общество.

Необходимо указать, что контролирующим лицом может признаваться не любой участник гражданского оборота. Законодательно введено ограничение на признание контролирующим лицом публично-правовых образований. Как отмечено в научно-практическом комментарии к ФЗ об ООО, такое ограничение является логичным, поскольку, хоть публично-правовые образования и являются равноправными участниками гражданских правоотношений, но их участие в корпорации обычно осложнено специальной целью, имеющей публично-правовой интерес¹⁸⁰. В качестве примера можно привести участие Российской Федерации как публично-правового образования в уставном капитале ОАО «РЖД». Российская Федерация в данном случае является учредителем и единственным акционером ОАО «РЖД», и по правилам закона без учета исключения данная ситуация должна попадать под признание такого лица контролирующим. Однако, как было указано, РФ не будет считаться контролирующим лицом, поскольку ее участие в данной корпорации обусловлено публично-правовым интересом - обеспечением функционирования железнодорожной транспортной сети на территории государства, следовательно и бесперебойное осуществление

¹⁸⁰ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021. Т. 2. С.85.

перевозок пассажиров и грузов.

Приводить подробный анализ определения контролирующего лица, данного законодателем в ФЗ об АО не имеет смысла, так как толкование анализируемого термина в данном нормативно-правовом акте идентично приводимому в ФЗ об ООО.

Также при анализе сформулированных в нормативно-правовых актах критериев, по которым лицо признается контролирующим, необходимо проанализировать положения ГК РФ, а именно п. 3 ст. 53.1. Данные положения анализируются после специального законодательства в моей работе, поскольку являются более общими, и изначально внимание было обращено на специальные акты, так как институт контролирующих лиц в целом достаточно размыт, а задачей исследования стоит его изучение именно при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью.

В силу своей динамичности гражданское законодательство не раз реформировалось в отношении возложения на контролирующих лиц корпораций гражданско-правовой ответственности. По итогам последних изменений обязанность действовать добросовестно и разумно стала распространяться не только на органы юридического лица, но также и на лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица. Также на указанную категорию лиц законодатель возложил ответственность за убытки, причиненные обществу.

Однако при данном реформировании не было четкое определено, какие лица являются для общества контролирующими. Норма п. 3 ст. 53.1 ГК РФ позволяет вывести такой признак лица, контролирующего корпорацию, как фактическая возможность определять действия юридического лица, в том числе возможность давать указания лицам из состава органов юридического лица. Однако сама норма термины «контролирующее лицо» и «подконтрольное лицо» не использует.

Здесь следует обратить особое внимание на формулировку. Термин «фактическая» вызвал множество споров среди ученых. И.С. Шиткина

смотрит на указанный вопрос следующим образом: «участник общества, имеющий преобладающую долю участия в уставном капитале, имеет возможность определять решения этого общества, однако не в силу фактических, а в силу юридических оснований - наличия корпоративных прав, обусловленных владением долей в уставном капитале».¹⁸¹ Также данной проблеме уделяет внимание В.В. Долинская: «Но ФЗ о несостоятельности воспринял спорную формулировку новой нормы п. 3 ст. 53.1 ГК – «лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе давать указания лицам, названным в п. п. 1 и 2 ст. 53.1 ГК», т.е. юридическая связь потеснена фактической».¹⁸² Авторы проводят различие между фактической возможностью влиять на решения общества и юридической, имеющейся у лица, например, в силу участия в уставном капитале организации. Можно сделать вывод, что правоведами различается формальный контроль над обществом и фактический контроль, который может возникать без видимой юридической связи и наличия корпоративных прав.

Если обратить внимание на пояснительную записку к законопроекту, который ввел в действие норму п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, то можно увидеть, что, прописывая в пояснениях одно понятие рядом с другим, авторы законопроекта приравнивают один статус к другому, то есть не различают фактическую возможность влияния на принимаемые обществом решение и обладание контролем над обществом в силу юридических оснований.

Полезно для понимания критериев, по которым лицо признается контролирующим, обратиться к анализу проекта Федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные

¹⁸¹ Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114 – 133.

¹⁸² См.: Долинская В.В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 16–20.

законодательные акты Российской Федерации»¹⁸³. Изменения, касающиеся регулирования статуса контролирующих лиц, были утверждены Федеральным законом от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Основным критерием, положенным в основу определения контролирующего лица, является возможность определять действия (решения) подконтрольного юридического лица. Указанное положение воспроизведено и в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, редакция которой все же «увидела свет». Однако не принятыми остались положения проекта, посвященные конкретизации критериев, по которым лицо будет считаться контролирующим по отношению к юридическому лицу. В редакции ст. 53.3 проекта, которая не вошла в утвержденную редакцию, приводятся следующие варианты оснований для возникновения контроля:

- в силу прямого или косвенного преобладающего участия в его уставном капитале;
- на основании договора;
- в силу возможности давать обязательные для такого юридического лица указания;
- в силу возможности определять избрание (назначение) единоличного исполнительного органа (управляющей организации или управляющего) и (или) более половины состава коллегиального органа управления такого юридического лица.

Полагаем, что усматривается попытка упорядочить статусы лиц, обладающих контролем над обществом. Согласно анализируемым положениям, понятие контролирующего лица является родовым, и в него включается контроль из различных оснований. Это основания формального

¹⁸³ Проект Федерального закона № 47538–6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012] // СПС «КонсультантПлюс».

контроля - преобладающее участие в уставном капитале подконтрольного общества, контроль на основании договора, а также возможность определять состав исполнительных органов корпорации. И также основания фактического контроля - возможность давать обществу обязательные для него указания.

По смыслу суть статуса контролирующего лица действительно сводится к возможности влиять на принимаемые корпорацией решения и предпринимаемые ею юридически значимые действия. Но таким же определением можно охарактеризовать и лицо, имеющее право давать обязательные указания, например. И если не разграничивать критерии, по которым лицо относится к тому или иному статусу, будет порождаться правовая неопределенность. Ранее в работе уже были приведены различия между указанными понятиями, что подтвердило различие их статусов при действующем правовом регулировании. Однако и в сделанных выводах упоминалось, что корпоративный контроль присущ обоим правовым категориям, просто различны основания его возникновения.

В проекте внесения изменений в ГК РФ, которые так и не были утверждены в окончательной редакции, предпринята попытка объединить в статусе контролирующего лица различные основания возникновения контроля. Это может привести к трудностям на практике. Во-первых, потребуется реформирование законодательства в случае, если ГК РФ будет воспринята подобная концепция статуса контролирующего лица, как минимум будут необходимы изменения в нормах о сделках с заинтересованностью. Во-вторых, понятие контролирующего лица будет размыто. Если сейчас согласно ФЗ об ООО и ФЗ об АО по однозначно сформулированным критериям установить контролирующую корпорацию лиц проще, то при широком круге оснований этот процесс будет осложнен. Тем более, как было установлено ранее, нет и не может быть однозначного понимания признаков, по которым лицо можно отнести к имеющему право давать обязательные указания. При реализации анализируемого законопроекта вновь будет возвращена широта судебного усмотрения при

признании лица контролирующим при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью, на преодоление чего и было направлено введение института контролирующих лиц взамен понятия «аффилированности». Таким образом, можно сделать вывод, что концепция введения общего понятия контролирующего лица вне зависимости от оснований возникновения контроля, будь то формальные или фактические основания, для применения на практике и введения подобных норм в ГК РФ нецелесообразна.

Были приведены примеры критериев, выделяемых для определения контролирующих лиц в нормативно-правовых актах. Необходимо обратиться к анализу доктрины дабы выяснить, применяются ли учеными какие-либо иные подходы для определения лица в статусе контролирующего помимо тех, которые восприняты законодательством.

А.А. Глушецкий небезосновательно выделяет два подхода к признанию лица контролирующим: монистический и дуалистический. Данные подходы сформулированы автором на основе определения временного промежутка, в течение которого лицо будет считаться контролирующим - на момент голосования на общем собрании, где лицу принадлежало более 50 % голосов, или же в каждый момент времени отдельно вне зависимости от количества голосов на отдельно взятом общем собрании, - а также как будет решаться вопрос о моменте перехода контроля от одного лица к другому при продаже долей.

Суть монистического подхода состоит в том, что контролирующие лица определяются на один момент времени по одному критерию — правовым последствиям их голосования в общем собрании участников корпорации. Данный критерий в равной мере применим к участникам хозяйственного общества и к лицам, не являющимся участниками общества, но имеющим право участвовать в общем собрании участников. То есть, например, залогодержателям долей, которые в силу условий договора залога могут осуществлять предоставляемое долями право голоса на общем собрании. Согласно дуалистическому подходу - разные контролирующие лица

определяются в разный момент времени по разным критериям: одни - по правовым последствиям их голосования в общем собрании участников хозяйственного общества; другие - по данным реестров, удостоверяющих количество принадлежащих им акций или размер доли в уставном капитале общества, и потенциальной возможности голосования в будущем.

Можно прийти к выводу, что наиболее применимым является монистический подход, так как отражает реальное положение дел в обществе. В качестве примера приводятся ситуации, где в период владения лицом более 50% долей в уставном капитале не проводилось общего собрания и у него не было возможности сформировать исполнительные органы. В то время как в другой ситуации лицо владело более 50% голосов, сформировало исполнительный орган, а в дальнейшем в результате сделки по отчуждению долей утратило часть принадлежащей ему доли и стало владеть менее 50%¹⁸⁴.

Анализируя приведенные доктринальные критерии признания лиц контролирующими в разные моменты времени относительно факта проведения общего собрания и приобретения либо отчуждения долей, нельзя согласиться ни с одним из приведенных подходов. Наличие у контролирующего лица контроля — это особо правовое состояние, которое позволяет такому лицу определять принимаемые корпорацией решения. При этом успело ли контролирующее лицо реализовать такую возможность до факта отчуждения - не имеет существенного значения, так как потенциальная возможность имелаась в любом случае. Также крупные пакеты акций в АО, позволяющие обрести контроль над обществом, и доли в ООО в размере более 50% достаточно часто приобретаются участниками осознанно для обретения контроля над корпорацией, и сделки, направленные на отчуждение контрольных пакетов, не столь частое явление в отдельно взятых корпорациях. Также определение контролирующего лица в таком статусе необходимо не только при учете распределения голосов на общем собрании, как приводится

¹⁸⁴ См. подробнее: Глушецкий А.А. Контролирующее лицо для целей совершения сделок с заинтересованностью // Хозяйство и право. № 8 (511). 2019. С. 22 – 28.

в примерах, но и для определения категории сделки. Будет ли очередная совершаемая корпорацией сделка подпадать под признаки сделки, в совершении которой имеется заинтересованность. Учитывая высокое количество сделок, совершаемых любым обществом, необходим постоянный учет лиц, которые являются контролируемыми по отношению к подконтрольной корпорации.

Далее следует обратиться к судебной практике для наиболее полного анализа и выделить критерии, по которым лица признаются контролирующими в судебных актах.

Решения судов признают контролируемыми лицами участников, имеющих наибольшую долю участия в уставном капитале. Например, в постановлении арбитражного суда Московского округа от 02.08.2018 по делу № А40-160761/2017 указано: «Н.В. принадлежит доля в обществе в размере 90% уставного капитала, что свидетельствует о том, что она является лицом, имеющим фактическую возможность определять действия юридического лица, в том числе давать обязательные указания единоличному и коллегиальному исполнительному органу общества». В определении Верховного Суда Российской Федерации от 05.12.2016 по делу № 310-ЭС16-17965 также указывается на обладание более 50 процентов доли в уставном капитале как на решающий фактор для определения решений корпорации: «Общество как участник юридического лица с 75,004%-ной долей в уставном капитале имеет фактическую возможность определять действия юридического лица». Из приведенных судебных актов следует, что суды не разграничивают понимание фактической и юридической возможности влияния на действия и решения корпорации.

Есть также судебные акты, в которых возможность определять решения и действия корпорации устанавливается не только по критерию наличия преобладающей доли в уставном капитале. Так, в постановлении арбитражного суда Московского округа от 26.12.2016 по делу № А40-56167/2016 суд привлекает к ответственности акционера банка В.В. Гудкова,

имеющего долю всего 16 процентов, однако при этом ранее участвующего в органах управления и сохранившего свое влияние в обществе. Данное постановление очень интересно для анализа. В данном случае суды установили наличие фактического контроля при отсутствии на то формальных оснований. Применительно к сложившейся ситуации суд не разделяет два понятия. В данном судебном постановлении в целом воспринята логика проекта реформы ГК РФ, где под термином контролирующее лицо подразумевается контроль как из фактических обстоятельств, так и из формально определенных, юридических. Стоит сделать оговорку о том, что данный судебный акт был принят до реформы института контролирующих лиц в 2017 году. Однако даже несмотря на указанный факт, нельзя согласиться с тем, что излагает суд в анализируемом постановлении. Признание подобного лица с незначительным участием в уставном капитале, контролирующим на основании вторичных, неочевидных факторов нарушает принцип правовой определенности. При несоблюдении четко установленных законодателем критериев отнесения лица к статусу, контролирующих не ясно, в какой ситуации и какое лицо может обладать над обществом контролем. Это может вводить в заблуждение как контрагентов корпорации, планирующих сделку, так и само общество. При несоблюдении правила о согласовании или последующем одобрении сделки с заинтересованности при участии контролирующего лица может наступить риск оспаривания сделки и признания таковой недействительной. При недостаточной определенности в том, какие лица будут являться для общества контролирующими, возрастает риск размытия круга тех сделок, для которых необходим особый порядок одобрения. Также отсутствие четких, однозначно сформулированных критериев приводит к расширению судебного усмотрения. То есть в каждом конкретном случае суд будет решать самостоятельно, насколько сильное влияние то или иное лицо имело на корпорацию при заключении сделки. Это возлагает на суды слишком широкий круг полномочий, учитывая закрепленное в системе российского права верховенство закона, а не

судебного прецедента. Повышается и загруженность судов, так как любая неопределенность порождает спор. При сомнениях в том, являлось ли лицо контролирующим, стороны будут обращаться в суд для разрешения спора значительно чаще, чем если бы были ясно установленные признаки контролирующего общества лица.

Круг лиц, признаваемых заинтересованными в их совершении, ограничен. Так, с января 2017 года уставами хозяйствующих субъектов предусмотреть иные основания заинтересованности лиц не представляется возможным в силу законодательного запрета.

Не исключена вероятность возникновения ситуации, когда договор заключен директором юридического лица за счет самого общества по обеспечению собственных обязательств. Если рассматривать определение выгодоприобретателя с точки зрения его ограниченности, то юридическое лицо и его акционеры (участники) не имеют возможности реализовать право на защиту законных интересов.

При широком подходе, данная проблема разрешается, вместе с тем, создаются неограниченные возможности для дестабилизации оборота через выявление выгодоприобретателя в каждой ситуации¹⁸⁵.

Ввиду отсутствия легального определения выгодоприобретателя в сделке с элементами заинтересованности, дано разъяснение высшим судебным органом Российской Федерации.

В п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 г. № 27 (далее – постановление Пленума ВС РФ № 27)¹⁸⁶ закреплено достаточно четкое понятие выгодоприобретателя. Следует исходить из того, что выгодоприобретателем является лицо, не являющееся стороной сделки, которое в результате ее совершения может быть освобождено от обязанностей перед обществом или третьим лицом, либо

¹⁸⁵ См.: Москвитин О.А. Указ. соч. // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 г. № 27 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 8. Август. 2018.

получает права по данной сделке, или же любым другим способом получает имущественную выгоду. Исключение составляют случаи, когда установлено, что договором поручительства или договором залога интересам должника причинен ущерб либо его согласие на заключение сделок вовсе не получено.

Так, один из участников ООО «Астраханский» обратился с иском в суд к Лобаеву О.Н. о признании недействительным договора о предоставлении адвокатских услуг и применении последствий его недействительности.

В ходе рассмотрения дела судом установлено, что между адвокатом Лобаевым О.Н. и ООО «Астраханский» в лице генерального директора Барановой Н.В. в пользу третьего лица заключен договор о предоставлении адвокатских услуг, по условиям которого адвокат обязался предоставить высококвалифицированную юридическую помощь доверителю.

Из материалов следует, что спорный договор заключен от имени общества Барановой Н.В., действовавшей в качестве генерального директора и единоличного исполнительного органа, при этом выгодоприобретателем по договору является Баранова Н.В., непосредственно получающая юридическую помощь по договору.

Важным для дела служит факт того, что договор заключен без информирования участника общества и в отсутствии одобрения с его стороны.

Ввиду того, в данной сделке присутствуют признаки заинтересованности, она не отвечает интересам общества и нарушен порядок ее совершения, решением Арбитражного суда г. Москвы от 14.06.2020 по делу № А40-11763/20 требования удовлетворены¹⁸⁷.

Как следует из толкования положений постановления Пленума ВС РФ № 27, перечень оснований для признания лица выгодоприобретателем в целях квалификации сделки с заинтересованностью является открытым.

Состояние в браке и родство сторон сделки также является основанием для признания лиц заинтересованными в ее совершении.

¹⁸⁷ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.06.2020 по делу № А40-11763/20 // СПС «Консультант Плюс».

Так, Второй арбитражный апелляционный суд признал договор недействительным, ввиду установления в нем признаков заинтересованности. Суд определил, что стороны оспариваемого договора находились в родственных отношениях¹⁸⁸.

Также, постановлением Семнадцатого арбитражного суда от 25.08.2021 № 14АП-7066/2021(1)-АК по делу № А50-18358/2019 признал сделку недействительной и применил последствия признания ее таковой. Принимая решение суд учел, что в момент ее заключения стороны находились между собой в браке, тем самым подтвердил наличие признаков заинтересованности¹⁸⁹.

Кроме того, анализ судебной практики показывает, что даже при отсутствии брачных отношений лица могут быть признаны заинтересованными в заключении сделки в связи с наличием у них общих детей.

Арбитражным судом Центрального округа в рамках дела о банкротстве, установлено, что стороны договора купли-продажи имеют общего ребенка в связи с чем, помимо уменьшения конкурсной массы должника, в совершенной сделке присутствуют признаки заинтересованности¹⁹⁰.

В Кодексе корпоративного управления¹⁹¹ также рассмотрен вопрос оснований признания лиц, заинтересованными в сделке. Так, в п. 138 Кодекса корпоративного управления отношения фактической связанности субъектов также можно расценивать как основание для признания заключенных между ними сделок, сделками, заинтересованность в совершении которых имеет юридическое значение.

¹⁸⁸ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 13.03.2020 № 02АП-120/2020 по делу № А82-17123/2019 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁸⁹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2021 № 17АП-7066/2021(1)-АК по делу № А50-18358/2019 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁹⁰ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.01.2023 № Ф10-3648/2021 // СПС «Консультант Плюс».

¹⁹¹ Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06–52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // СПС «Консультант Плюс».

В частности, в указанном рекомендательном акте предлагается считать заинтересованным в совершении сделки члена наблюдательного совета, который формально не является членом органа управления, вместе с тем наделен управленческими полномочиями работником контрагента.

В науке обоснованно установлено, что «в зависимости от наличия условий купли-продажи акций (долей) договор можно охарактеризовать как возмездный или безвозмездный, если корпоративный договор содержит лишь условия о голосовании на общем собрании определенным образом»¹⁹².

Применительно к регулированию сделок с заинтересованностью отсутствие четких критериев рассматриваемой конструкции позволяет выделить ряд актуальных вопросов, несмотря на сравнительную редкость ее применения в судебной практике.

Достаточно часто можно натолкнуться на неверное толкование норм Законов об АО и ООО, согласно которому к лицам, имеющим давать обществу обязательные для него указания, допустимо и целесообразно относить членов совета директоров общества, единоличный исполнительный орган, членов коллегиального исполнительного органа общества. Данное заблуждение разделяют как некоторые правоведы в своих научных трудах¹⁹³, так и суды при вынесении решений по отдельным спорам¹⁹⁴.

Считаем, что во многом данный подход обусловлен позицией Верховного суда Российской Федерации, который при рассмотрении одного из дел указал, что при определении состава лиц, имеющих право давать обязательные указания или возможность иным образом определять действия общества, нужно учитывать положения законодательства, определяющие

¹⁹² Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. О месте корпоративного договора в системе гражданско-правовых договоров // Конкурентное право. 2022. № 2. С. 27–32.

¹⁹³ См.: Хребтов И.И., Иванова С. А. Проблема формальной и фактической заинтересованности при совершении сделок с конфликтом интересов // Образование и право. – № 6. 2018. – С. 121–125.

¹⁹⁴ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 сентября 2021 года по делу № А41-27561/2020 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

компетенцию общего собрания, компетенцию совета директоров, порядок одобрения сделок, устава общества¹⁹⁵. Однако разумность такого подхода применительно к правовому регулированию сделок с заинтересованностью кажется нам весьма сомнительной.

При этом видится необходимым согласиться с позицией о том, что члены органов управления организации признаются заинтересованными в совершении сделки в силу своего правового статуса, а не из-за наличия права давать обществу обязательные указания¹⁹⁶.

Рассматриваемая категория лиц, по мнению некоторых ученых, также включает в себя доверительного управляющего, который осуществляет управление 100% долей в уставном капитале общества¹⁹⁷, членов ликвидационной комиссии, арбитражного управляющего при банкротстве общества¹⁹⁸.

Арбитражные суды, применяя данное основание для установления заинтересованности, признают участников гражданского оборота лицами, имеющими право давать обязательные указания, например, в следующих случаях:

- лицо является покупателем доли по опционному договору, по условиям которого продавцы приняли на себя обязательство по согласованию с покупателем своих действий по управлению обществом¹⁹⁹ (примечательно, что в соответствии с условиями договора указанное лицо могло давать

¹⁹⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2017 года № 305-КГ17-14147 по делу № А40-105789/2016 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

¹⁹⁶ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». Том 1 / Под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2021–622 с.

¹⁹⁷ См.: Бахтина А., Александров А. Рубрика «Правовые консультации (гражданское право)». URL: http://www.garant.ru/consult/civil_law/431694/ (дата обращения: 23.04.2024).

¹⁹⁸ См.: Алиева К.М. Сделки акционерного общества, в совершении которых имеется заинтересованность // Право и экономика. 2006. № 1 С. 9-14.

¹⁹⁹ Постановление ФАС Центрального округа от 17 июля 2013 года по делу № А23-1803/12; Постановление ФАС Московского округа от 14 февраля 2013 года по делу № А41-20269/1 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024). – Режим доступа: ограниченный. – Текст: электронный.

обязательные указания участникам общества, но не самому обществу (то есть имело место оказание опосредованного, а не прямого воздействия на волю общества);

- лицо, одновременно являющееся руководителем организации и единственным участником другого общества²⁰⁰;

- лицо в соответствии с положениями устава общества имело право заключать от имени общества договоры, а также на основании карточки банка было уполномочено распоряжаться денежными средствами, находящимися на его расчетном счете²⁰¹.

В данном случае автор считает необходимым учитывать общую цель правовой регламентации сделок с заинтересованностью. Вне зависимости от той формы, в которой выражается требование лица, адресованное обществу и побуждающее последнего к заключению сделки, такое лицо следует рассматривать как «имеющее право давать для общества обязательные указания»²⁰².

Обратим внимание на то обстоятельство, что предметом регулирования Закона об АО и Закона об ООО были и остаются гражданско-правовые отношения. По этой причине кажется крайне сомнительным, что в рассматриваемую категорию лиц, наряду с членами органов управления общества и контролирующими лицами, законодатель мог включить субъектов, которых с обществом связывают властные административные правоотношения.

Различные дискуссии ведутся в научной литературе вокруг вопроса о

²⁰⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 июня 2021 года № Ф08-5254/21 по делу № А63-11407/2020; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 5 сентября 2011 года по делу № А45-24407/2009 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁰¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 августа 2014 года N Ф03-3442/2014 по делу № А59-2886/2012 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁰² Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут. 2020. – С. 92-93.

том, насколько правильным был отказ законодателя от использования категории «аффилированные лица» и ее замена на «контролирующих и подконтрольных лиц», понятия которых раскрыты в абз. 6 п. 1 ст. 81 Закона об АО и абз. 6 п. 1 ст. 45 Закона об ООО.

Такая замена объяснялась отдельными исследователями, в частности необходимостью сузить круг заинтересованных в совершении сделки субъектов. Действительно, понятие аффилированного лица значительно шире понятия контролирующего лица – если в первом случае речь идет исключительно об оказании влияния на другое лицо, то во втором также учитывается возможность определять чужие решения²⁰³.

Включение в нормы корпоративного законодательства такой категории как «контролирующие и подконтрольные лица», по мнению некоторых ученых, внесло правовую определенность за счет четких формализованных критериев и закрытого перечня оснований контроля²⁰⁴.

Однако реформа корпоративного законодательства в части отказа от понятия «аффилированные лица» при регулировании сделок с заинтересованностью принесла с собой и некоторые очевидные проблемы, которые будут рассмотрены нами ниже.

Во-первых, с момента внесения соответствующих изменений институт аффилированных лиц в Законах об АО и ООО стал существовать параллельно с институтом контролирующих и подконтрольных лиц, что может создавать определенного рода сумбур. Так, понятие «аффилированные лица» по-прежнему используется законодателем при регламентации порядка приобретения крупных пакетов акций публичного акционерного общества и порядка предоставления информации акционеру (участнику).

Представляется целесообразным использовать в названных законах

²⁰³ См.: Бойко Т.С. Что осталось за скобками реформы Гражданского кодекса в части регулирования юридических лиц // Закон. 2014. № 7 С. 56 - 61.

²⁰⁴ См.: Кузнецов А.А. Реформа крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Что изменилось в регулировании // Арбитражная практика. 2017. № 1. С. 78.

единую конструкцию «контролирующих и подконтрольных лиц», особенно посредством закрепления в ст. 91 Закона об АО и ст. 50 Закона об ООО обязанности общества по безусловному предоставлению любому акционеру и участнику списка таких лиц и исключения специального порядка раскрытия информации о контролирующих и подконтрольных лицах, закрепленного в ст. 82 Закона об АО и ст. 45 Закона об ООО²⁰⁵.

К слову, соответствующая актуализации также требуется для правовых позиций, которые содержатся в разъяснениях Верховного суда Российской Федерации и Высшего арбитражного суда Российской Федерации, посвященных вопросам корпоративного права вообще и регулированию сделок с заинтересованностью в частности (в первую очередь, речь идет об Информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2011 года № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ»²⁰⁶).

Во-вторых, категория «аффилированных лиц» в законах, регулирующих деятельность иных юридических лиц, содержится в тех же самых правовых конструкциях, где Законами об АО и ООО уже давно используются понятия «контролирующих и подконтрольных лиц». Речь идет, к примеру, о правовом регулировании данного института в законодательстве о публично-правовых компаниях²⁰⁷, унитарных предприятиях²⁰⁸, сельскохозяйственном кооперативе

²⁰⁵ См.: Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» // М.: Статут, 2020. С. 99.

²⁰⁶ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2011 года № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

²⁰⁷ Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Информационная правовая система «Гарант».

²⁰⁸ Федеральный закон от 14 ноября 2002 года № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Информационная правовая система «Гарант».

и их союзов²⁰⁹.

Вопрос о допустимости использования разных терминов при регулировании одного и того же института остается дискуссионным в научной литературе²¹⁰.

В-третьих, при замене категории «аффилированные лица», дефиниция которых раскрывалась в Закон РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (далее – Закон о конкуренции²¹¹), на фигуры «контролирующие и подконтрольные лица», законодатель повторно полностью заимствовал существующие понятия, содержащиеся в Федеральном законе от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»²¹² без учета специфики и целей корпоративного законодательства и складывающихся корпоративных правоотношений.

Однако совершенно очевидно, что цели и задачи корпоративного законодательства не являются полностью тождественными целям и задачам законодательства о ценных бумагах.

Те же самые отношения подчиненности могут определять и иные термины, которые упоминаются в гражданском законодательстве. К примеру, функцию контролирующих лиц для целей регламентации заключения сделок с заинтересованностью могли бы выполнять лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания. Также можно было бы использовать вместо категории «контролирующие лица» категорию, указанную в ст. 53.1 ГК РФ, а именно лиц, имеющих фактическую

²⁰⁹ Федеральный закон от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Информационная правовая система «Гарант».

²¹⁰ См.: Фейзрахманова Д. Р. Реформирование института крупных сделок и сделок с заинтересованностью: результаты, проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96) ноябрь. – С. 14-18.

²¹¹ Закон РСФСР от 22 марта 1991 года № 948-I «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16. – Ст. 499.

²¹² Федеральный закон от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Информационная правовая система «Гарант».

возможность определять действия юридического лица. Более того, Пленум Верховного суда Российской Федерации в п. 3 своего Постановления от 21 декабря 2017 года N 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» (далее – Постановление Пленума ВС РФ N 53) напрямую ссылается на упомянутую выше норму ГК РФ, когда раскрывает категорию контролирующего лица, используемой в Законе о банкротстве²¹³.

В-четвертых, нельзя отрицать тот факт, что в отдельных конкретных случаях механизм аффилированных лиц помог бы гораздо эффективнее достигать целей установления особого правового режима для сделок с заинтересованностью.

Так, в рамках одного из арбитражных дел оспаривалась сделка купли-продажи недвижимого имущества, заключенная акционерным обществом с падчерицей генерального директора. Высший арбитражный суд Российской Федерации, отменяя судебные акты, отметил, что требования Закона об АО в указанном случае распространяют свое действие также на аффилированных лиц этих родственников, перечисленных в законе. Из этого следует, что супруга директора и ее дочь образуют группу лиц, и вторую можно считать аффилированным лицом первой, а потому оспариваемая сделка отвечала признакам сделки с заинтересованностью²¹⁴.

Аналогичного умозаключения, к которому пришел Высший арбитражный суд Российской Федерации при рассмотрении указанного дела, навряд ли бы получилось добиться при рассмотрении отношений матери и дочери через конструкцию взаимоотношений контролирующего и подконтрольного лица.

²¹³ Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

²¹⁴ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 года № 14613/11 по делу № А60-41550/2010-С4 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

В-пятых, вызывает определенные вопросы само определение контролирующего лица и подконтрольного лица, содержащееся в Законах об АО и ООО.

В законе указано, что подконтрольным лицом может быть только юридическое лицо. При этом упускается из виду, что отношения контроля могут оказаться опосредованными целой цепочкой подконтрольных лиц, одним из которых может быть физическое лицо. И кажется довольно сомнительным признание отсутствия отношений контроля на одном лишь основании, что одним из звеньев такой цепи является физическое лицо.

Странным выглядит невозможность квалификации физического лица в качестве подконтрольного в то время, когда законодатель в этих же самых положениях законах о хозяйственных обществах фактически ставит знак равенства между супругами, родителями, детьми, полнородными и неполнородными братьями и сестрами, усыновителями и усыновленными контролирующего лица и подконтрольными лицами.

Следует прийти к заключению, что законодателем снова не учитывается, что контроль может быть опосредованным и реализовываться с помощью третьих лиц, которые не обладают статусом хозяйственного общества (например, производственные кооперативы, потребительские кооперативы и т. д.).

Конечно, допуская возможность возникновения цепочек подконтрольных лиц, законодателю следовало бы указать, необходимо ли воспринимать в качестве контролирующего лица только конечное звено цепочки или же контролирующими лицами также признаются все общества в отношении каждого предыдущего звена в соответствующей цепочке подконтрольности. При этом в науке превалирует мнение, что только самое дальнее звено в цепи подконтрольных лиц может быть признано контролирующим²¹⁵.

²¹⁵ См.: Петрова Н.Н. Отличие контролирующих лиц от аффилированных // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. – 2016. – № 12 (151). – С. 22.

Как отмечалось ранее, заинтересованность лица, входящего в установленный Законами об АО и ООО перечень, может проявляться как прямо (когда условия, перечисленные абз. 3 - 5 п. 1 ст. 81 Закона об АО и в абз. 3 - 5 п. 1 ст. 45 Закона об ООО, относятся непосредственно к данному лицу), так и косвенно (когда такие условия распространяются на его супруга, родителей, детей, полнородных и неполнородных братьев и сестер, усыновителей и усыновленных и (или) подконтрольных ему лиц).

Однако в Законах об АО и ООО не учитываются лица, которые официально не состоят в браке, однако находятся в фактических брачных отношениях. В данном случае речь идет не только о тех людях, брак которых еще не зарегистрирован в органах записи актов гражданского состояния, но и про бывших супругов, сохранивших свои близкие отношения. Такая категория лиц может злоупотреблять своим правом посредством сокрытия факта существования брачной связи друг с другом для целей заключения сделки с заинтересованностью²¹⁶.

При рассмотрении гражданский дел в связи с установлением сделок с заинтересованностью, выявляются особенности, связанные с имеющимися фактическими, а иногда и прекратившимися супружескими правоотношениями. Брачные отношения подтверждаются совместным проживанием и (или) ведением общего экономического результата²¹⁷, наличие детей²¹⁸, а также доказательства из социальных сетях, например фотографии,

²¹⁶ См.: Ахмедшина А.Н., Тордия И.В. Сделки в ущерб интересам хозяйственного общества: проблемы теории и практики // Журнал «Эко». – 2011. – 7 (445). – С. 99.

²¹⁷ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 июля 2019 года по делу № А40-163832/2017 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).

²¹⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 февраля 2019 года по делу № А66-7724/2016; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 октября 2017 года по делу N А73-2826/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 января 2018 года по делу № А47-5415/2016 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).

указывающие на «близкие» отношения²¹⁹.

1. Указанный перечень можно расширить и другими обстоятельствами, свидетельствующими о наличии конфликта интересов: например, факт подачи заявления в орган записи актов гражданского состояния, приобретение билетов на соседних местах в самолете или поезде, регистрация по одному и тому же адресу, пользование одним автомобилем, работа в одной организации или обучение в одном учебном заведении и т.д.²²⁰. По этой причине некоторыми исследователями предлагается внести соответствующие корректировки в законодательство, закрепив критерии заинтересованности лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, так как данный пробел позволяет отдельной категории лиц злоупотреблять своими правами²²¹.

Таким образом, были приведены аргументы в пользу наличия однозначно сформулированных критериев для определения лица в статусе контролирующего. Соответственно, наиболее применимым из проанализированных подходов к определению критериев признания лица контролирующим целесообразно признать подход законодателя, который выделяет признаки на основании участия в уставном капитале и возможности определять состав исполнительных органов корпорации. В данном случае может возникнуть вопрос: с какой целью необходимо разграничивать формальный контроль и фактический контроль (который имеют лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания), если заинтересованность обеих категорий переводит сделку в режим особого порядка одобрения? Цель данного разграничения - правовая определенность.

Принцип правовой определенности - один из новых, на первый взгляд,

²¹⁹ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2018 года по делу № А76-16724/2016 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.10.2024).

²²⁰ См.: Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: монография / под ред. О. А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 196 с.

²²¹ Конфликт интересов в юридических лицах: монография (Малкина В.И.; под ред. д.ю.н., проф. РАН О.А. Беляевой). – М.: Юстицинформ, 2022. – С. 41-42.

принципов права. Некоторые исследователи признают его конституционным²²², другие же полагают, что он является одновременно и конституционным принципом, и принципом международного (европейского) права²²³. Упоминание принципа правовой определенности можно найти в трудах дореволюционных российских правоведов, что подчеркивает значимость указанного принципа. Так, например, в труде «Основные проблемы гражданского права» И.А. Покровский писал: «Если каждый отдельный человек должен подчиняться праву, если он должен приспособлять свое поведение к его требованиям, то очевидно, что первым условием упорядоченной общественной жизни является определенность этих требований. Всякая неясность в этом отношении противоречит самому понятию правопорядка и ставит человека в весьма затруднительное положение: неизвестно, что исполнять и к чему приспособляться»²²⁴. Для законодателя требование определенности правовых норм - это важная цель и одновременно показатель качества, эффективности законотворческой деятельности²²⁵.

В науке высказывается точка зрения, согласно которой принцип правовой определенности применяется лишь к процессуальному законодательству²²⁶, однако такой подход представляется чрезмерно узким. Представляет правильным отнести принцип правовой определенности к многоаспектным принципам. Его содержание заключается в ясности и недвусмысленности правовых предписаний. Субъект права должен понимать правовые последствия совершаемых им действий. Участникам

²²² См.: Абызова Е.Р., Рябов А.А. Обязательные неналоговые платежи и конституционный принцип определенности правовых норм // Финансовое право. 2017. № 3. С. 23 – 27.

²²³ См.: Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10. С. 33 – 36.

²²⁴ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. С. 91.

²²⁵ См.: Бондарь Н. С. Правовая определенность - универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4 – 10.

²²⁶ См.: Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: монография. М., 2016. С. 52 – 53.

правоотношений должно гарантироваться отсутствие произвольных и непредсказуемых изменений их официально признанного правового статуса. Применительно к статусу контролирующих лиц правовая определенность будет выражаться в четком разграничении лиц, которые находятся в данном статусе по отношению к подконтрольной корпорации, и лиц, чье влияние находится за рамками статуса контролирующего лица. Согласно принципу правовой определенности, необходимо исключить такие случаи, как признание лица контролирующим на основании формальных критериев – например, владение более 50 % уставного капитала, и в то же время – на основании данных в прессе интервью относительно корпорации, как это указывалось в ранее приведенном судебном акте. Такое разночтение недопустимо с точки зрения принципа правовой определенности.

Определим основные выводы в отношении определения оснований и критериев для признания лиц заинтересованными в совершении сделки.

1. Институт контролирующих лиц необходимо сохранять формальным, в строго определенных законодателем границах, поскольку как общество, так и контрагенты должны без излишних затруднений и сомнений иметь возможность определить контролирующих корпорацию лиц. Это необходимо как для оперативного принятия решений обществом - одобрять или не одобрять сделку, будет ли в ней заинтересованность, так и для сокращения судейского усмотрения. Понятие лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания не связано такими критериями, как контролирующее лицо, и остается в формулировке нормы о регулировании сделки с заинтересованностью «на крайний случай», когда фактический контроль и влияние на общество очевидны, но нет возможности установить формальную связь, то есть для исключения злоупотреблений, все из которых невозможно урегулировать законодательно.

2. Были рассмотрены критерии, по которым необходимо устанавливать статус контролирующего лица. Критерии, по которым лицо признается подконтрольным, отдельно не прописываются в законодательстве, в доктрине

и судебных актах существуют различные подходы. Подконтрольность устанавливается при наличии контроля над организацией со стороны контролирующих лиц. ФЗ об ООО о подконтрольных лицах говорит следующее: «Подконтрольным лицом (подконтрольной организацией) признается юридическое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем контролирующего лица». Это отсылает к определению контролирующего лица, которое обладает прямым или косвенным контролем. В толковании термина не дублируются основания установления контроля над подконтрольным обществом, это более существенно для определения контролирующего лица. Соответственно, для идентификации лица в статусе подконтрольного необходим единственный критерий - наличие над ним контроля, прямого или косвенного.

3. Итак, в данном параграфе были проанализированы следующие проблемы правового регулирования сделок, осложненных конфликтом интересов, в части определения лиц, имеющих заинтересованность в совершении сделки, даны ответы и сформулированы вывод:

- отсутствие в законодательстве определения лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания;
- проблема параллельного существования конструкции аффилированных лиц и конструкции контролирующих и подконтрольных лиц;
- понятия «контролирующее и подконтрольное лицо» не адаптированы для целей правового регулирования сделок с заинтересованностью;
- подконтрольным лицом признается исключительно юридическое лицо, тогда как на практике физические лица также могут находиться в состоянии фактической подконтрольности;
- невозможность установления отношений заинтересованности между лицами, состоящими в фактических брачных отношениях без официальной регистрации брака.

4. Подводя итоги сказанному, стоит отметить, что попытка законодателя

нормативно предусмотреть буквально всех потенциально заинтересованных субъектов закономерно привела к трудностям в правоприменительной практике из-за невозможности выходить за границы формальных предписаний.

В связи с этим целесообразно законодательно закрепить общие признаки конфликта интересов для тех ситуаций, когда совершению сделки способствуют те субъекты, которые заинтересованы, однако не были поименованы в законе и используют формальный подход законодателя к процедуре согласования таких сделок с целью реализации своих недобросовестных замыслов.

5. Таким образом, законодателем определены основания для признания лиц заинтересованными. Вместе с тем судебная практика по указанному вопросу довольно противоречива²²⁷. В целях установления единообразия в правоприменении следует более детально урегулировать данный вопрос через толкование и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в постановлении Пленума.

2.2. Понятие и виды лиц, участвующих в совершении сделок с заинтересованностью

Сделка с заинтересованностью в корпорациях определяется не своим существом, видом, а корпоративным характером. Главным, конститутивным, определяющим элементом сделок с заинтересованностью является специфический субъектный состав. В совершении сделки имеется заинтересованность единоличного исполнительного органа, членов

²²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 14 декабря 2020 г. № 303-ЭС20-1962 по делу № А51-1294/2019 // СПС КонсультантПлюс; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 апреля 2018 г. N Ф09-920/18 по делу № А07-13106/2016 // СПС КонсультантПлюс.

коллегияльного органа юридического лица, их родственников и контролирующих лиц, в связи с чем может возникнуть риск нанесения ущерба интересам общества²²⁸.

В российском праве реализуется широкий подход к трактовке заинтересованных лиц. Как указывают отдельные авторы, дефиниция «лица, заинтересованные в совершении обществом сделки» является крайне неудачной и могла бы быть заменена на формулировку «лица, у которых может возникнуть конфликт интересов»²²⁹.

Субъектов, имеющих заинтересованность в совершении сделки, допустимо разделять на две категории лиц: тех, кто непосредственно принимает участие в принятии управленческих решений обществом, и тех, кто опосредованно оказывает влияние на формирование воли общества²³⁰.

К заинтересованным могут быть отнесены и лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания. Вместе с тем законодатель не раскрывает данное понятие, что создает значительные трудности при ответе на вопрос об отнесении тех или иных лиц к указанной категории. Все это обуславливает серьезное расширение границ судейского усмотрения и доктринального толкования²³¹.

По сути, все гражданское законодательство основано на существовании между участниками гражданского оборота таких отношений, при которых одно лицо (именуемое кредитором) имеет право требовать от другого лица (именуемого должником) определенного поведения — совершить определенное действие или, наоборот, воздержаться от его выполнения. Но является ли обязательство в общегражданском смысле тождественным по

²²⁸ См.: Андреев В.К. Корпоративный характер сделки с заинтересованностью // Журнал российского права. — 2019. — № 3. — С. 52-63.

²²⁹ Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер. 2004. С. 74-75.

²³⁰ См.: Мухамадеева Р.А. Сделки с заинтересованностью в хозяйственных обществах: проблемы правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. С. 121.

²³¹ См.: Батурина Н.И., Медведев А.И. Сделки с заинтересованностью: вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. № 3 (42). 2017. С. 30.

своему значению праву давать обязательные указания?

Возможность одного субъекта гражданских правоотношений давать обязательные указания другому субъекту изначально была закреплена в ст. 105 ГК РФ. Этой статьей, утратившей силу с 1 сентября 2014 года, предусматривалась возможность основного общества определять решения, принимаемые дочерним обществом, а также было упомянуто о праве основного общества давать обязательные указания дочернему обществу. Позже положения данной статьи в модифицированном виде будут частично отражены в ст. 67.3 ГК РФ.

Если возможность определения решений фактически презюмируется и раскрывается через наличие преобладающего участия основного общества в уставном капитале дочернего общества или соответствующего договора между ними, а также в иных случаях, то относительно права давать обязательные указания его форма в принципе не обозначена законом.

Из анализа законодательных предписаний следует сделать вывод, что категории «право давать обязательные указания» и «возможность определять действия общества» равнозначны друг другу, в отличие от положений ст. 105 ГК РФ. Их отождествление едва ли можно назвать удачным, так как право всегда основано на юридических основаниях, в отличие от возможности, которая не всегда должна носить правовой характер.

В Законе об акционерных обществах и Законе об обществах с ограниченной ответственностью определен исчерпывающий перечень категорий субъектов, чья заинтересованность имеет юридическое значение, поскольку применяется особый порядок совершения.

Круг лиц, заинтересованность которых в сделке важна, определен положениями п. 1 ст. 84 Закона об акционерных обществах и п. 1 ст. 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью.

К числу таких лиц действующее законодательство относит:

- члена наблюдательного совета;
- директора общества;

- члена коллегиального исполнительного органа;
- лицо, контролирующее общество;
- лицо, имеющее право давать обществу обязательные указания.

В основном данные категории указанных субъектов сомнений не вызывают. Приобретение статуса члена совета директоров, единоличного исполнительного органа, члена коллегиального исполнительного органа четко урегулировано действующим федеральным законодательством. Оформляется соответствующим решением.

Стоит отметить, что при квалификации сделок с заинтересованностью речь должна идти именно о «внешнем» по отношению к юридическому лицу праве давать обязательные указания. Как справедливо отмечено в науке, «члены органов управления общества признаются заинтересованными поскольку обладают правовым статусом единоличного исполнительного органа, члена наблюдательного совета, правления»²³².

Полагаем, что нарушение баланса между мажоритарными и миноритарными акционерами вполне заслуженно в доктрине и практике считается одной из самых сложных проблем корпоративного права. Необходимость получения прибыли в условиях экономического неравенства при одновременном состоянии требуемого компромисса порождает различные виды ущемления прав и интересов участников корпораций²³³.

Представляется, что обеспечение принципа правового равенства в части охраны прав и законных интересов миноритарных и мажоритарных участников и самих организаций будет отвечать целям, которые ставил перед собой законодатель, формируя институт сделок с заинтересованностью.

Подводя итоги сказанному, важно отметить следующее. Несмотря на то, что принятие Закона № 343-ФЗ не стало решением некоторых прежних

²³² См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах. В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др.; под ред. И.С. Шиткиной // М.: Статут. 2021. Т. 2. С. 486.

²³³ См.: Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14.

проблем правовой регламентации сделок с заинтересованностью, а также повлекло за собой и возникновение новых, нельзя не упомянуть о положительных итогах реформирования рассматриваемого института. Среди них можно отметить, в первую очередь, сокращение количества согласуемых сделок и снижение общего уровня бюрократизации в организациях за счет введения понятия «контролирующее лицо», повышения порогового значения для необходимости согласования сделок с заинтересованностью, а также установления свободы регулирования таких сделок для непубличных обществ.

Те же пробелы, которые существуют на сегодняшний день в законодательстве, необходимо нивелировать, однако представляется крайне важным обеспечение стабильности правового регулирования и, как следствие, сохранение возможности субъектов гражданского оборота нормально вести хозяйственную деятельность²³⁴. Любое внесение изменений в законодательство должно происходить постепенно, так как данный процесс требует глубокого погружения законодателя в опыт правоприменения, практику компаний в создании положений устава, предусматривающих квалификацию и порядок согласования сделок, осложненных конфликтом интересов.

Необходимо подвести итог всем приведенным рассуждениям.

1. Определено, что в рамках корпоративных правоотношений, для определения понятия контролирующего лица приводятся разные трактовки. Если в рамках института банкротства говорится о таком критерии, по которому можно присвоить лицу статус контролирующего, как право давать обязательные для исполнения указания, то в рамках ФЗ об ООО упоминается только возможность распоряжаться определенным количеством долей в уставном капитале и определять состав исполнительных органов корпорации.

Думается, что указанные обстоятельства нарушают юридическую

²³⁴ См.: Якубовская Л.Р. Значение этапа квалификации в юридической процедуре одобрения сделок органами управления акционерного общества // Вестник экономики, права и социологии. 2014. №.2. С. 161.

технику приведенных для анализа законодательных актов. Очевидно, что единую трактовку понятию контролирующего лица для всех правовых сфер, в которых оно применяется, дать невозможно. Однако, используя одноименное понятие для регулирования различных правовых аспектов, законодатель не обеспечивает единообразие толкования терминов, используемых в системе нормативно-правовых актов.

Относительно данных выводов можно возразить, ведь в каждом из приведенных федеральных законов содержится указание, что данная трактовка понятия используется только для целей настоящего закона или статьи. Это, безусловно, способствует разрешению правовых коллизий на текущем этапе правового регулирования статуса контролирующих лиц в различных правоотношениях. Но сложно представить, что могут разниться понятия у более разработанных правовых институтов. Например, у понятия «сделка» существует единое понятие, закрепленное в ст. 153 ГК РФ. Сложно представить, если бы иные федеральные законы давали указанному понятию иное определение. Это породило бы размытие и сложность в понимании, что относить к понятию сделки, а что - нет. Также и в сложившейся ситуации с правовым регулированием понятия контролирующего лица. На мой взгляд, помимо указания законодателя на использование определенной трактовки в рамках конкретного правового акта, необходима конкретизация самого понятия. Например, не вводить единый понятийный аппарат, называя контролируемыми лиц и в сделках с заинтересованностью, и при банкротстве корпорации, смешивая при этом различные основания возникновения контроля над обществом, а развести указанные понятия. Единое понятие лица, имеющего возможность влиять на общество, при этом может существовать в законодательстве даже на межотраслевом уровне, но как более общее понятие, должно иметь и более общую трактовку. По аналогии, как существует понятие «сделка», а в корпоративном праве более конкретизированные термины, определяющие институты – «сделка, в совершении которой имеется заинтересованность» и «крупная сделка». В данном случае определения более

конкретные не противоречат общему, но и нет дублирования понятийного аппарата.

Таким образом, в данной работе предлагается для улучшения юридической техники законодательных актов и более точного урегулирования статуса контролирующего лица, а также во избежание противоречий в правоприменении, ввести родовое понятие «лиц, обладающих влиянием на общество» в целом для корпоративного права как отрасли. При этом будут сохраняться такие понятия как «контролирующее лицо», которое четко сформулировано в ФЗ об ООО и ФЗ об АО для регулирования сделки с заинтересованностью. В единый термин будут включаться и иные лица, обладающие возможностью влиять на общество, например «лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания». Данное решение позволит конкретизировать статус контролирующих лиц внутри правовой отрасли.

Также анализ правовой базы показал, что помимо корпоративного права, статус контролирующего лица встречается также на межотраслевом уровне, в налоговом праве, например. В данном случае вопрос коллизии понятий при различных определениях можно решить конкретизацией. В налоговом праве контролирующие лица упоминаются при регулировании статуса иностранных подконтрольных организаций, что как раз и уточняет данную трактовку понятия контролирующего лица в налоговом праве.

2. Думается, что несмотря на все недостатки проведенного реформирования, оно имело положительный эффект. Категория аффилированности не в полном мере отражала потребности регулирования отношений контроля при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью. При наличии столь широкого определения размывался круг лиц, чье участие в сделке переводило таковую в разряд сделок с заинтересованностью, что порождало неопределенность как для участников корпорации, так и для контрагентов. Также подобное определение порождало широкое судебское усмотрение при оспаривании данных сделок.

Современное правовое регулирования сделок с заинтересованностью получило более четко определенный институт контролирующих лиц, где четко определены критерии и границы признания лица в данном статусе. Пусть реформа проведена не без недостатков, однако она показывает, что законодателем избран путь правовой определенности в регламентации рассматриваемых в настоящей работе частноправовых отношений, и вопрос того, какие лица будут считаться контролирующими и подконтрольными будет определяться не судебной практикой с учетом мнения судьи на основе судейского усмотрения, а нормой закона по сформулированным нормативным критериям и условиям, что обеспечит законность правоприменения.

2.3. Правовой статус контролирующего лица, его права и соотношение со смежными правовыми категориями при совершении сделок с заинтересованностью

Категория «контролирующие лица» в дальнейшем трактуется в контексте реализации корпорациями различных сделок с элементами заинтересованности. Однако, при широком анализе иных областей права, помимо корпоративного, не составляет труда установить, что одноименное понятие встречается, например, в налоговом, а также в гражданском праве.

Для регулирования порядка совершения сделок с заинтересованностью применяется понятие «контролирующего лица», данное в ФЗ об ООО и ФЗ об АО. В ФЗ об ООО п. 1 ст. 45 дает определение понятию «контролирующего лица» как «лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организации и (или) на основании договоров доверительного управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав,

удостоверенных акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации». В указанном пункте имеется уточнение, что данное понятие используется для целей настоящей статьи закона, которая посвящена регулированию совершения сделок, в заключении которых имеется заинтересованность. Соответственно, указание законодателя на использование данного термина только в целях анализируемой статьи позволяет установить уникальность и формулировку толкования термина исключительно для регулирования порядка совершения сделки с заинтересованностью обществами с ограниченной ответственностью. Но все ли так однозначно?

Для проведения сравнительного анализа толкований термина «контролирующее лицо» необходимо обратиться к еще одному нормативному акту, регулирующему корпоративные правоотношения - Федеральному закону от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»²³⁵ (далее - ФЗ о рынке ценных бумаг). Законодатель в подпункте 24) п. 1 ст. 2 приводит абсолютно идентичное определение понятия «контролирующего лица». Однако здесь уже содержится указание, что данное понятие используется для целей ФЗ о рынке ценных бумаг. Данное совпадение можно объяснить тем, что указанные законодательные акты регулируют сходные корпоративные правоотношения, а значит вполне могут содержать идентичные понятия. Что же касательно иных отраслей права?

Как уже упоминалось, понятие «контролирующее лицо» встречается также и в налоговом праве. В п. 3 ст. 25.13 части первой Налогового кодекса

²³⁵ О рынке ценных бумаг: Федеральный закон №39-ФЗ: текст с изм. на 15.08.2023: [принят Государственной Думой 20.04.1996] // Собрание законодательства РФ. 22.04.1996. № 17. Ст. 1918.

Российской Федерации²³⁶ (далее - НК РФ) через признаки определяется лицо, которое в целях НК РФ будет считаться контролирующим по отношению к иностранной организации: 1) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации составляет более 25 процентов; 2) физическое или юридическое лицо, доля участия которого в этой организации (для физических лиц - совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 10 процентов, если доля участия всех лиц, признаваемых налоговыми резидентами Российской Федерации, в этой организации (для физических лиц - совместно с супругами и несовершеннолетними детьми) составляет более 50 процентов. Здесь можно наблюдать уже другое процентное соотношение долей для признания лица контролирующим по налоговому законодательству, также отсутствует указание на иные способы установления контроля (например, не в силу участия в уставном капитале, а путем заключения различных договоров: доверительного управления, поручения, простого товарищества). Однако сетевая составляющая остается той же. Понятия являются одноименными, и определяющее значение имеет также доля, которой могут распоряжаться контролирующие лица. Различие заключается в упоминании в корпоративном законодательстве такого основания для присвоения статуса контролирующего лица, как возможность определять состав участников исполнительных органов корпорации (избирать или назначать лицо в качестве единоличного исполнительного органа, определять состав коллегиального исполнительного органа)

Стоит также обратить внимание на антимонопольное право, как близкое к корпоративному, а ранее напрямую взаимосвязанное из-за заимствования термина «аффилированности». В Федеральном законе от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»²³⁷ (далее - ФЗ о защите конкуренции) под контролем

²³⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

²³⁷ О защите конкуренции: Федеральный закон №135-ФЗ: текст с изм. на 01.09.2023: [принят Государственной Думой 08.07.2006] // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

подразумевается возможность лица прямо либо косвенно определять решения, которое принимается другим юридическим лицом. Данное определение сформулировано достаточно абстрактно. Не приводятся четкие критерии, нет определенной границы в признаках, по которым можно отнести лицо к контролирующим. Трактовка контролирующего лица, данная в ФЗ о защите конкуренции, наиболее широкая среди приведенных.

Подобная же формулировка встречается и в ГК РФ, где в п. 3 ст. 53.1 упоминается лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, а также давать обязательные указания лицам из числа органов управления общества. Здесь не упоминается непосредственно такой терминологии как «контроль» или «контролирующее лицо», однако на имеется указание на признаки наличия у лица фактического контроля над обществом. Данная формулировка также достаточно абстрактна, так как не разъяснено, в силу чего может возникать фактическая возможность, отличается ли чем-то фактическая возможность от юридической. Также остается открытым вопрос, определяются ли в данном пункте именно контролирующие корпорацию лица, либо иные, которые могут обладать влиянием над обществом.

Очередное упоминание термина «контролирующее лицо» и его определение встречаются также в Федеральном законе от 07.02.2011 № 7-ФЗ «О клиринге, клиринговой деятельности и центральном контрагенте»²³⁸ (далее - ФЗ о клиринге). В подпункте 10) п. 1 ст. 2 ФЗ о клиринге приводится понятие, полностью повторяющееся с ранее упоминавшимся в ФЗ об ООО.

Если обратиться к Федеральному закону от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»²³⁹, также регулирующему корпоративные

²³⁸ О клиринге, клиринговой деятельности и центральной контрагенте: Федеральный закон №7-ФЗ: текст с изм. на 22.08.2021: [принят Государственной Думой 28.01.2011] // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 904.

²³⁹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон №127-ФЗ: текст с изм. на 01.09.2023: [принят Государственной Думой 27.09.2002] // Собрание законодательства РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

правоотношения, то в п. 1 ст. 61.10 контролирующее должника лицо определяется как «физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее <...> право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий». Данное определение схоже с теми признаками, которые приводятся в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Также указывается на возможность определять действия и давать обязательные указания. Однако в данном случае отсутствует указание на то, что возможность фактическая, что указывает на противоречие и вызывает вопросы: одно и то же ли юридическая и фактическая возможность? Любая ли возможность влиять на общество приводит к возникновению контроля над ним?

Из приведенных правовых норм можно сделать следующие выводы.

Во-первых, понятие контролирующее лица не уникально для сделок с заинтересованностью, одноименные понятия используются не только при регулировании иных правовых институтов корпоративного права, но и в совершенно иных правовых отраслях.

Во-вторых, в рамках корпоративных правоотношений, для определения понятия контролирующего лица приводятся разные трактовки. Если в рамках института банкротства говорится о таком критерии, по которому можно присвоить лицу статус контролирующего, как право давать обязательные для исполнения указания, то в рамках ФЗ об ООО упоминается только возможность распоряжаться определенным количеством долей в уставном капитале и определять состав исполнительных органов корпорации.

Думается, что указанные обстоятельства нарушают юридическую технику приведенных для анализа законодательных актов. Очевидно, что единую трактовку понятию контролирующего лица для всех правовых сфер, в которых оно применяется, дать невозможно. Однако, используя одноименное понятие для регулирования различных правовых аспектов, законодатель не обеспечивает единообразие толкования терминов, используемых в системе нормативно-правовых актов.

Относительно данных выводов можно возразить, ведь в каждом из приведенных федеральных законов содержится указание, что данная трактовка понятия используется только для целей настоящего закона или статьи. Это, безусловно, способствует разрешению правовых коллизий на текущем этапе правового регулирования статуса контролирующих лиц в различных правоотношениях. Но сложно представить, что могут различаться понятия у более разработанных правовых институтов. Например, у понятия «сделка» существует единое понятие, закрепленное в ст. 153 ГК РФ. Сложно представить, если бы иные федеральные законы давали указанному понятию иное определение. Это породило бы размытие и сложность в понимании, что относить к понятию сделки, а что - нет. Также и в сложившейся ситуации с правовым регулированием понятия контролирующего лица. На мой взгляд, помимо указания законодателя на использование определенной трактовки в рамках конкретного правового акта, необходима конкретизация самого понятия. Например, не вводить единый понятийный аппарат, называя контролирующими лиц и в сделках с заинтересованностью, и при банкротстве корпорации, смешивая при этом различные основания возникновения контроля над обществом, а развести указанные понятия. Единое понятие лица, имеющего возможность влиять на общество, при этом может существовать в законодательстве даже на межотраслевом уровне, но как более общее понятие, должно иметь и более общую трактовку. По аналогии, как существует понятие «сделка», а в корпоративном праве более конкретизированные термины, определяющие институты – «сделка, в совершении которой имеется заинтересованность» и «крупная сделка». В данном случае определения более конкретные не противоречат общему, но и нет дублирования понятийного аппарата.

Таким образом, в данной научной работе предлагается для улучшения юридической техники законодательных актов и более точного урегулирования статуса контролирующего лица, а также во избежание противоречий в правоприменении, ввести родовое понятие «лиц, обладающих влиянием на

общество» в целом для корпоративного права как отрасли. При этом будут сохраняться такие понятия как «контролирующее лицо», которое четко сформулировано в ФЗ об ООО и ФЗ об АО для регулирования сделки с заинтересованностью. В единый термин будут включаться и иные лица, обладающие возможностью влиять на общество, например «лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания». Данное решение позволит конкретизировать статус контролирующих лиц внутри правовой отрасли.

Также анализ правовой базы показал, что помимо корпоративного права, статус контролирующего лица встречается также на межотраслевом уровне, в налоговом праве, например. В данном случае вопрос коллизии понятий при различных определениях можно решить конкретизацией. В налоговом праве контролирующие лица упоминаются при регулировании статуса иностранных подконтрольных организаций, что как раз и уточняет данную трактовку понятия контролирующего лица в налоговом праве.

В доктрине обоснованно установлено, что корпоративные права участия и управления, согласно ст. 65.1 ГК РФ, отличаются по составу участников, так как последними обладают лишь те, кто вошел в состав высшего органа управления²⁴⁰.

Обратимся более подробно к отличительным характеристикам правовых статусов контролирующего лица и лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания, при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью.

При упоминании контролирующих лиц в доктрине часто поднимается вопрос о лицах, которые имеют права давать обществу обязательные для него указания²⁴¹. Заинтересованность указанных лиц в сделке переводит ее в

²⁴⁰ Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Защита прав семьи в корпоративных отношениях // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 23.

²⁴¹ См.: Шиткин А.О. Ответственность контролирующего лица перед третьими лицами // Предпринимательское право. 2020. № 2. С. 34 - 42.

категорию требующих особого порядка одобрения²⁴².

Очевидна смысловая схожесть между ними. Нет достаточного количества разъяснений ни в законодательстве, ни в судебной практике, ни в доктрине о том, в чем именно состоят отличия приведенных терминов. Между тем смешение данных понятий приводит к противоречию в правоприменении.

Толкование анализируемых понятий приводит к размытию границ, позволяющих определить лицо как имеющее право давать обществу обязательные для него указания. Признание лица заинтересованным в совершении сделки будет происходить в силу прямого указания на его статус члена органа управления. Наличие у данного лица права давать обществу обязательные для него указания, во-первых, имеется в силу участия в органах управления корпорации. Во-вторых, наделение участника органов управления корпорацией указанным правовым статусом не приводит к новым правовым последствиям. Соответственно, так как не возникнет новых правовых последствий, регулирование не меняется, ведь сделка и так будет согласовываться или одобряться в особом порядке, потому как в ее совершении заинтересован член органа управления. Судебная практика так же не подтверждает данной теории.

Отдельные специалисты в сфере частного права полагают, что лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания, связаны с самой корпорацией посредством гражданском-правовых договоров, то есть по отношению к обществу их можно назвать «внешними»²⁴³. Имеется доктринальное суждение, что наличие у лица возможности передавать корпорации обязательные для нее решения возникает при наличии между

²⁴² См.: Бражникова В. А. Корпоративно-правовые понятия «контролирующее лицо» и «лицо, имеющее права давать обществу обязательные для него указания»: сравнительный анализ // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 07–08 апреля 2023 года. Том 2. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 160.

²⁴³ См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах. Под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 2. С. 48 – 49.

лицами дочерних отношений²⁴⁴.

Можно задать вопрос: не соотносятся ли понятия контролирующего лица и лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания как общее и частное? Ведь и то, и то другое связано с наличием контроля. Думается, что положительный ответ на этот вопрос был бы неправомерен. Хотя контроль как правовое явление и объединяет данные категории заинтересованных в сделке лиц, его выявление и происхождение в указанных случаях существенно отличаются. Так как законодателем и судебной практикой к настоящему моменту выработаны четкие критерии и правила признания лица контролирующим, данный термин не следует размыывать и включать в него всех лиц, которые могут обладать каким-либо влиянием в отношении общества в силу различных причин. Применяя метод классификации, возможно ввести термин, объединяющий два анализируемых понятия по фактору наличия возможности влиять на принимаемые корпорацией решения. Например, «лицо, обладающее влиянием на общество». При такой формулировке общего понятия можно будет выделить виды лиц, которые имеют влияние на корпорацию в силу формальных критериев - то есть контролирующее лица в современной законодательной трактовке, а также лиц, которые обладают над обществом фактическим контролем, однако каким-либо сформулированным признакам не отвечают.

Определим базовые выводы.

Во-первых, объединяет анализируемые правовые категории возможность влияния на корпорацию. В одном случае – в силу наличия контроля по установленным законодателем критериям, во втором – при обладании правом давать обязательные указания, возникающие по иным основаниям. Как верно отмечено в литературе, лица обеих категорий имеют

²⁴⁴ См.: Телюкина М.В. Понятие сделок с заинтересованностью // Законодательство и экономика. 2005. № 2. С. 46 – 49.

над обществом контроль в общем гражданско-правовом смысле²⁴⁵.

Во-вторых, разграничивает рассматриваемые понятия различный правовой механизм определения субъектов в указанных правовых статусах. Правовой статус «лицо, имеющее право давать обществу обязательные для него указания» дает право фактически определять действия корпорации, однако формальных связей с самим обществом может и не быть. Соответственно, остается возможность пресечения злоупотреблений, которые невозможно полностью урегулировать законодательно.

Полагаем, очевидна тенденция отхода от размывания круга лиц, обладающих над корпорацией контролем. Это выразилось, в том числе, и в отказе от понятия «аффилированности» применительно к сделкам с заинтересованностью (более подробно данный вопрос рассматривался в первой главе настоящей работы). Для участников гражданско-правового оборота - корпораций, участников обществ, контрагентов по сделкам - наиболее важна правовая определенность. Попадание сделки под риск оспоримости и признания недействительной из-за размытого круга контролирующих лиц - нежелательное последствие как для участников сделки, так и для членов общества. Именно поэтому необходимы четкие формальные критерии для признания лица контролирующим. В данный момент после реформирования институт сделок с заинтересованностью наконец получил эти критерии - признание лица контролирующим по наличию возможности голосовать более 50 % голосов, а также по возможности формирования исполнительных органов.

Считаем, что важное значение имеет соотношение категорий контролирующего лица и выгодоприобретателя в рамках правового института

²⁴⁵ См. подробнее: Бражникова В. А. Корпоративно-правовые понятия «контролирующее лицо» и «лицо, имеющее права давать обществу обязательные для него указания»: сравнительный анализ / В. А. Бражникова // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 07–08 апреля 2023 года. Том 2. – Москва: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 160-161.

сделок с заинтересованностью, соответственно, данный вопрос также требует своего раскрытия и доктринального изучения в настоящей диссертационной работе.

Анализ понятия выгодоприобретателя в рамках представленного диссертационного исследования необходим, так как ФЗ об АО и ФЗ об ООО указывают, что наличие у выгодоприобретателя сделки заинтересованности в ее совершении переводит последнюю в категорию сделок, требующих особого порядка одобрения, так как же, как и наличие заинтересованности и контролирующего лица. Соответственно, для наиболее четкого определения границ статуса контролирующего лица и исключений его смешения с понятием выгодоприобретателя, необходимо выявить сходства и различия в их правовых статусах. Так как на первый взгляд очевидно, что и выгодоприобретатель, и контролирующее лицо имеют единый правовой интерес в отношении корпорации, с которой они связаны - это совершение обществом действий, ведущих к выгоде как контролирующего лица, так и выгодоприобретателя.

Термин «выгодоприобретатель» часто употребляется в доктринальных источниках, судебных актах и нормативной правовой базе. При буквальном толковании указанного понятия можно сделать вывод, что под ним имеется в виду лицо, которое по итогу получает улучшение собственного положения (доход, иные благоприятные обстоятельства) от совершения тех или иных юридически значимых действий. Как уже отмечалось, термин «выгодоприобретатель» используется законодателем в ФЗ об АО и ФЗ об ООО при регулировании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Подробное толкование данного статуса приводится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется

заинтересованность»²⁴⁶, где в п. 21 приведены разъяснения: «выгодоприобретателем в сделке признается не являющееся стороной в сделке лицо, которое в результате ее совершения может быть освобождено от обязанностей перед обществом или третьим лицом, либо получает права по данной сделке, либо иным образом извлекает имущественную выгоду ...».

Для наиболее полного анализа необходимо осветить дискуссию, которая содержится в доктринальных источниках при определении заинтересованности выгодоприобретателя²⁴⁷.

Согласно первой точке зрения, которой придерживается М.И. Брагинский, понятие выгодоприобретателя предельно конкретно и включает в себя исключительно выгодоприобретателей по заключаемым обществами договорам страхования (ст. 929 ГК РФ²⁴⁸) и доверительного управления (ст. 1012 ГК РФ). Данное суждение связано с трактовкой выгодоприобретателя как третьего лица, в пользу которого заключается договор, о чем идет речь в ст. 430 ГК РФ. Так, выгодоприобретатель «не будучи стороной в договоре, связывающем кредитора с должником, он приобретает право требовать исполнения обязательств в свою пользу»²⁴⁹. Данный подход является формально-юридическим.

Также существует и иное мнение, согласно которому в качестве выгодоприобретателем возможно считать любых лиц, при условии извлечения ими преимуществ из заключаемых сделок. Такой подход - фактический - представляется более широким, не связанным формулировками

²⁴⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴⁷ См.: Гудиева А.М. Понятие выгодоприобретателя и основания признания недействительными сделок с заинтересованностью // Корпоративный юрист. 2007. № 10. С. 45 – 50; Москвитин О.А. К вопросу о выгодоприобретателе в сделках с заинтересованностью // Законодательство. 2007. № 9. С. 37 – 40.

²⁴⁸ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 29.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018) / Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. ст. 410.

²⁴⁹ Брагинский М.И. Договор страхования. М.: Статут, 2000. С. 37.

законодателя²⁵⁰.

Из данной дискуссии можно сделать следующие выводы. При ориентировании на понимание термина «выгодоприобретателя» в формально-юридическом смысле могут нарушаться интересы как корпорации, так и ее участников, если единоличным исполнительным органом от лица общества заключается за счет компании сделка в целях обеспечения собственных обязательств или же обязательств структур, аффилированных с ним. Если применять понятие «выгодоприобретателя» в фактическом толковании, то данная проблема разрешается, однако здесь же порождается иная - при расширенном толковании обнаружить заинтересованного выгодоприобретателя возможно практически в каждой заключаемой обществом сделке.

Таким образом, в каких-либо из анализируемых определений термина «выгодоприобретателя» не было выявлено толкований, указывающих на наличие у выгодоприобретателя контроля над корпорацией. Он извлекает выгоду из действий, совершаемых обществом, однако не может оказать влияние на принятие корпорацией решений, то есть не обладает над обществом формальным или фактическим контролем. Однако не исключена возможность наличия у лица как статуса выгодоприобретателя, так и контроля над корпорацией в силу участия в уставном капитале либо полномочий определять состав исполнительных органов корпорации.

При сравнении этих понятий необходимо также более подробно рассмотреть, куда направлен правовой интерес выгодоприобретателя и контролирующего лица. Выгодоприобретатель заинтересован в совершении корпорацией действий в его интересах. В свою очередь, убеждены, что интерес контролирующего лица зависит от его добросовестности. Подразумевается, в соответствии с п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, что лицо, контролирующее корпорацию, обязано действовать в интересах

²⁵⁰ См.: Москвитин О.А. Указ. Соч. С. 39.

подконтрольного ему общества разумно и добросовестно. Однако очевидно, что желание получить собственные благоприятные последствия у контролирующего лица также присутствуют. Изначально, например, стремясь получить наибольший пакет голосующих акций, акционер, который в этом процессе становится контролирующим, преследует интересы собственной выгоды - получения прибыли от работы корпорации, в том числе виде дивидендов.

Уже для достижения данного результата такого акционера будет интересовать развитие корпорации, совершение действий и заключение сделок к ее выгоде. То есть, при анализе истоков наличия правового интереса, можно сделать вывод, что и выгодоприобретатель, и контролирующее лицо обладает интересом в извлечении выгоды от конкретных действий, осуществляемых корпорацией, и заключаемых ею сделок. Однако отличие указанных лиц будет заключаться в том, что контролирующее лицо имеет возможность влиять на принятие корпорацией таких решений, а выгодоприобретатель при наличии только такого статуса, не смешанного с наличием контроля, не имеет такой возможности²⁵¹.

Соответственно, есть возможность совмещения статусов выгодоприобретателя и контролирующего лица, так как между ними нет противоречия, они могут дополнять друг друга.

Важное значение в рамках реализации корпоративных отношений и участия в них членов семьи, в особенности супруга имеют супружеские семейно-правовые связи. «Не менее значимыми для корпоративных отношений являются и согласия, которые необходимо предоставлять супругу при совершении сделок с супружеским имуществом»²⁵².

В современных условиях развития ипотечного жилищного

²⁵¹ См. подробнее: Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114 – 133.

²⁵² Илюшина М.Н. Согласие супруга на совершение корпоративных действий // Нотариус. 2023. № 3. С. 27 - 32.

кредитования в России ключевую роль играет создание эффективных финансовых инструментов, обеспечивающих гарантированное исполнение обязательств, предусмотренных для каждой из сторон договора, в рамках правоотношений, возникающих на всех этапах сделок²⁵³.

Также стоит упомянуть о таком статусе лица, как бенефициарный владелец. Данный статус упоминается в ст. 3 Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»²⁵⁴. В данной статье под бенефициарным владельцем понимается физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом - юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента. В данном случае под понятием «клиент» понимается физическое или юридическое лицо, иностранная структура без образования юридического лица, находящиеся на обслуживании организации, осуществляющей операции с денежными средствами или иным имуществом. Указанное толкование введено в целях регулирования противодействия отмыванию (легализации) доходов. Однако в рамках данного исследования статус бенефициарного владельца также интересен.

Прежде всего, необходимо разграничить статусы выгодоприобретателя и бенефициарного владельца. И то, и другое лицо извлекают выгоду от действий, совершаемых корпорацией. Однако выгодоприобретатель получает выгоду от какой-то конкретной сделки или юридически значимого действия, то есть единоразово, не образуя с корпорацией какой-либо юридической связи. В то время как бенефициар имеет влияние на корпорацию и «имеет

²⁵³ См.: Нарайкин О.В. Применение ипотеки при долевом строительстве: тенденции и перспективы // Право и экономика. 2023. № 8. С. 25.

²⁵⁴ О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон №115-ФЗ: текст с изм. на 21.07.2023: [принят Государственной Думой 13.07.2001] // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (1 ч.). Ст. 3418.

возможность контролировать действия» корпорации.

Это отличает статус бенефициарного владельца от статуса выгодоприобретателя, однако сближает его со статусом контролирующего лица, потому как основанием контроля также указывается владение определенной долей в уставном капитале. Но здесь указывается иной размер владения - 25%. Определяемый для статуса контролирующего лица размер в 50% от общего числа голосов логичен и понятен - именно такая сумма голосов служит возможностью, например, определять принимаемые решения на общем собрании. Однако размер доли в 25%, являющийся одним из оснований для признания лица бенефициарным владельцем, остается неясен. Почему именно такое количество избрано законодателем? Как быть, если лицо владеет 15%, а если 24%? В данном случае причина формулирования правовой нормы таким образом неясна.

Также в качестве определения лица в статусе бенефициарного владельца указывается его возможность контролировать действия корпорации. Росфинмониторинг в информационном письме от 04.12.2018 № 57 «О методических рекомендациях по установлению сведений о бенефициарных владельцах клиентов»²⁵⁵ приводит разъяснения, в каких ситуациях можно считать лиц бенефициарными владельцами. Например, лицо регулярно контролирует деятельность фирмы на позиции руководителя высшего звена: занимает должность исполнительного или финансового директора; принимает стратегические решения, которые влияют на развитие бизнеса, инвестирует в предприятие и за счет этого управляет им; находится в семейных или других близких отношениях с руководством и за счет этого контролирует бизнес; тесно контактирует с руководством фирмы, благодаря этому контролирует компанию.

Итак, в разъяснениях Росфинмониторинга можно увидеть также

²⁵⁵ Информационное письмо Росфинмониторинга от 04.12.2018 № 57 «О методических рекомендациях по установлению сведений о бенефициарных владельцах клиентов» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

отражение критериев наличия фактического контроля над корпорацией. Понятие бенефициарного владельца не указано в нормах специальных законов, посвященных правовому регулированию сделок с заинтересованностью. Бенефициарные владельцы как отдельные лица не перечислены среди тех лиц, заинтересованность которых в совершаемой сделке приводит к необходимости ее дальнейшего одобрения или предварительного согласования как сделки с заинтересованностью. Однако очевидна возможность влияния на общество. Однако причисление указанного лица к контролирующим лица размывало бы круг лиц, за которыми признается контроль над обществом. Полагаем, что для упорядочивания правовых статусов, бенефициарных владельцев следует относить к лицам, имеющим право давать обществу обязательные для него указания, так как прямой связи такие владельцы могут с самой корпорацией и не иметь.

Таким образом, если разграничивать понятия бенефициарного владельца и контролирующего лица, следует отметить, что бенефициарный владелец обладает над обществом фактической возможностью влияния, в то время как контролирующее лицо имеет прослеживаемую юридическую связь с подконтрольной корпорацией, а также обладает формальным контролем над обществом.

Глава 3. Порядок совершения сделок с заинтересованностью

3.1. Согласие на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность

С целью защиты интересов юридического лица и его участников от недобросовестных действий заинтересованных лиц в законодательстве установлены специальные корпоративные процедуры, сопряженные с совершением сделок с заинтересованностью и информированием о существовании такой заинтересованности. «Как известно, сделки с заинтересованностью обществ нуждаются в одобрении по правилам, установленным в федеральных законах о хозяйственных обществах»²⁵⁶. В ГК РФ категория «согласие» применяется довольно регулярно и зачастую имеет разный юридический смысл в зависимости от контекста применения²⁵⁷.

С января 2017 года вступил в силу Федеральный закон № 343-ФЗ²⁵⁸, которым введена одна из самых значимых новелл – на заключение сделки, в которой имеются признаки заинтересованности, не требуется обязательного предварительного согласия других органов общества. «Значение данного основания освобождения от необходимости одобрения сделок с заинтересованностью трудно переоценить, поскольку отсутствие подобного регулирования приводило к тому, что советы директоров были просто перегружены необходимостью одобрения большого количества малозначительных хозяйственных операций»²⁵⁹.

Однако данное правило не является абсолютным, поскольку уставы

²⁵⁶ Хавайашхов А.А. Корпоративное одобрение трудовых договоров как крупных сделок и сделок с заинтересованностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 1. С. 50.

²⁵⁷ См.: Касаткин С.Н. Согласие в гражданском праве РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 13.

²⁵⁸ Федеральный закон от 14.07.2022 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). ст. 4276.

²⁵⁹ Шиткина И.С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С. 125.

хозяйственных обществ могут содержать положения, отличные от законодательных. Важным обстоятельством в установлении порядка совершения рассматриваемых сделок в соответствии с Законом № 343-ФЗ стал отказ законодателя от установленной ранее необходимости получения предварительного согласия одного из органов управления общества на совершение такой сделки (абз. 1 п. 1 ст. 83 Закона об АО, абз. 1 п. 4 ст. 45 Закона об ООО)²⁶⁰.

Однако нет сомнений в том, что возможны и такие ситуации, при которых требование провести общее собрание с целью согласования сделки может поступить от участника или акционера в тот момент, когда сделка с заинтересованностью уже была заключена. Пленум Верховного суда Российской Федерации в п. 24 Постановления № 27 устранил неопределенность, указав, что подобное требование может быть направлено вне зависимости от того, совершена на этот момент сделка с заинтересованностью или еще нет.

Отсутствие требования об обязательном согласовании сделки с заинтересованностью законодатель компенсирует установлением обязанности общества предварительно уведомить определенный круг лиц о своем намерении совершить данную сделку.

Таким образом, Законом об обществах с ограниченной ответственностью закреплена обязанность извещения о совершении сделки всех участников, и членов наблюдательного совета, не имеющих собственный интерес в ее совершении. Акцент в данном случае делается исключительно на отсутствие интереса в заключении договора.

Аналогичное положение содержится и в Законе об акционерных обществах. В нем определена обязанность известить членов совета директоров, при их наличии, членов коллегиального исполнительного органа,

²⁶⁰ См.: Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. С. 174.

у которых также отсутствует интерес. В случае установления факта наличия заинтересованности у вышеназванных лиц наступает обязанность по извещению акционеров хозяйственного общества. Указанная обязанность может быть также предусмотрена уставом акционерного общества.

В содержании извещения должны быть указаны все существенные условия сделки или порядок их определения.

Необходимо определить:

- лицо (лиц), которое является стороной (сторонами), выгодоприобретателем (выгодоприобретателями);
- цену сделки;
- лицо (лиц), имеющее заинтересованность в совершении сделки;
- предмет сделки и иные существенные условия или порядок их определения.
- лицо (лиц), имеющее заинтересованность в совершении сделки;
- основания, по которым лицо (каждое из лиц), имеющее заинтересованность в совершении сделки, является таковым.

Срок его направления одинаков для обществ и составляет минимум 15 дней до момента совершения сделки. Однако данное правило не является абсолютным. Устав юридического лица может предусмотреть иной срок.

Отсутствие документов, подтверждающих направление извещения о намерении заключить сделку определенному кругу лиц, является одним из оснований для признания ее недействительной при доказанности причинения ущерба юридическому лицу²⁶¹.

Так, Арбитражным судом Московского округа договор купли-продажи земельного участка признан недействительным ввиду заключения сделки в ущерб интересам общества и несоблюдения положений закона о порядке

²⁶¹ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 13.03.2020 № 02АП-120/2020 по делу № А82-17123/2019 // СПС «Консультант Плюс».

извещения участников о совершении сделки с заинтересованностью.²⁶²

Законодателем очерчен круг лиц, имеющих право направлять требование о проведении общего собрания предметом которого может являться вопрос о согласовании договора с заинтересованностью:

- директор;
- член коллегиального исполнительного органа;
- член совета директоров;
- участник, который обладает не менее 1% долей, или группа участников, обладающая в совокупности таким количеством долей.

Иные условия для направления требования законодателем не предусмотрены, он предоставляет указанное право хозяйственным обществам, предусматривая возможность определить дополнительные требования, в частности количество голосов, позволяющих принять необходимое решение.

Сроки направления соответствующего требования законодательством не определены, оно может быть внесено в любой момент.

«Формирование воли хозяйственного общества по вопросам одобрения крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, осуществляется в результате деятельности его волеобразующих органов, выражающейся в проведении заседаний и голосования по указанным вопросам, участвующих в них лиц. Голосование как акт выражения воли участником хозяйственного общества или членом совета директоров, по нашему мнению, представляет собой одностороннюю сделку»²⁶³.

О согласовании сделки свидетельствует наличие более 50% голосов членов наблюдательного совета, которые в совершении сделки не

²⁶² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.07.2022 № Ф05-16205/2022 по делу № А41-83400/2019 // СПС «Консультант Плюс».

²⁶³ См. подробнее: Кархалев Д.Н. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью в гражданском праве // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 3 – 9; Пушкарев И.П. Правовая природа одобрения крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3. С. 53. См. об этом: Шиткина И.С. Крупные сделки и сделки, особый порядок одобрения которых предусмотрен уставом хозяйственного общества // Закон. 2016. № 11.

заинтересованы, или более 50% голосов участников, также не имеющих интерес в ее совершении, и не подконтрольных лицам, заинтересованным в ней. Стоит отметить, что в действующем законодательстве хозяйственным обществам предоставлено право установить иное количество голосов, тем самым предоставляя обществам свободу в регулировании указанных правоотношений.

Отдельный порядок направления и рассмотрения требования для акционерных обществ не предусмотрен. В данном случае применяется порядок, установленный для созыва внеочередного общего собрания акционеров. При наличии законных оснований наблюдательный совет вправе отказать в удовлетворении направленного требования. Повторное требование возможно подать через 3 месяца. Указанный срок не является безусловным, уставом может быть установлен иной срок, но не меньше законного.

По итогам проведенного собрания принимается решение о согласии на заключение сделки или об отсутствии согласия, оформленное в виде протокола.

Содержание решения полностью совпадает с содержанием требования о согласовании сделки.

В первую очередь, речь идет о получении согласия (одобрения) на совершение сделки в форме решения уполномоченного на то органа управления общества. Анализ действующего законодательства позволяет прийти к выводу, что такое решение недопустимо отождествлять с согласием на совершение сделки, правила о котором закреплены в ст. ст. 157.1 и 173.1 ГК РФ.

Как указывается в доктрине «полезно утвердить приказом единоличного исполнительного органа акционерного общества специальное положение о порядке одобрения сделок с заинтересованностью»²⁶⁴.

В отличие от правил, установленных законами о хозяйственных

²⁶⁴ Жуков Ю. Каковы действия корпоративного секретаря в процессе одобрения обществом сделок с заинтересованностью? // Акционерный вестник. 2012. № 12. С. 36.

обществах в отношении крупных сделок, нормы о сделках с заинтересованностью в основном применяют термин «предварительное согласие», а «последующее одобрение» в них фигурирует лишь в редких случаях. Однако нет сомнений в том, что возможны и такие ситуации, при которых требование провести общее собрание с целью согласования сделки может поступить от участника или акционера в тот момент, когда сделка с заинтересованностью уже была заключена. Пленум Верховного суда Российской Федерации в п. 24 Постановления № 27 устранил неопределенность, указав, что подобное требование может быть направлено вне зависимости от того, совершена на этот момент сделка с заинтересованностью или еще нет.

Отсутствие требования об обязательном согласовании сделки с заинтересованностью законодатель компенсирует установлением обязанности общества предварительно уведомить определенный круг лиц о своем намерении совершить данную сделку.

Закон об АО не содержит требований об извещении единоличного исполнительного органа о совершении сделки. На первый взгляд, в этом отсутствует какая-либо необходимость, так как названный орган зачастую знает о предстоящей сделке и сам оказывается в числе тех, кто заинтересован в ее совершении. Вместе с тем законодательство допускает образование нескольких единоличных исполнительных органов в обществе, действующих независимо друг от друга (абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ), а потому вполне возможно представить себе ситуацию, когда один из директоров не был осведомлен о готовящейся сделке.

Закон об ООО включает в себя положения, в соответствии с которыми о намерении совершить сделку общество обязано известить наряду с другими лицами также своих незаинтересованных участников (абз. 1 п. 3 ст. 45 Закона об ООО). Однако сами по себе участники общества не входят в установленный этим же законом перечень лиц, которые могут иметь заинтересованность.

Таким образом, в отличие от требований Закона об АО, Закон об ООО

указывает на необходимость в каждом конкретном случае определять тот круг лиц из числа участников и членов совета директоров, кто не имеет заинтересованности в совершаемой сделке. Так как зачастую по объяснимым причинам с точностью определить всех незаинтересованных в сделке лиц не представляется возможным, то самым очевидным способом решения указанной проблемы является извещение всех участников общества и всех членов совета директоров без исключения²⁶⁵.

Во-вторых, необходимо обратить внимание на тот факт, что законы о хозяйственных обществах допускают возможность установления любого срока, в течение которого общество обязано направить соответствующее уведомление.

Таким образом, в уставе общества может быть закреплен такой срок, который в принципе сделает невозможным своевременный созыв общего собрания или проведения заседания совета директоров с целью согласования сделки с заинтересованностью до того момента, когда она еще не будет совершена.

Да, законом предусмотрена возможность последующего одобрения сделки, в связи с чем ситуация, при которой акционер узнает о сделке с заинтересованностью уже после ее совершения, не кажется законодателю слишком критичной. Однако, на наш взгляд, подобный подход не является бесспорным и лишний раз ставит под угрозу права и законные интересы акционеров (участников) общества.

В-третьих, странным выглядит и то, что законодательство не предоставляет лицам, в отношении которых установлена обязанность общества известить о готовящейся сделке, права самим требовать получения всей необходимой информации о такой сделке.

Представляется не вполне логичным закрепление законом права

²⁶⁵ Маковская А. А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут. 2020. – С. 127.

требования предоставления информации о сделке лишь в случае, когда она была совершена без согласия. На наш взгляд, член совета директоров или акционер (участник) должен иметь право получить доступ к необходимой информации в случае, когда у него возникли сомнения в достоверности сведений о сделке, указанных в решении об одобрении последней, то есть при ситуации, когда согласие (одобрение) на совершение сделки было получено в установленном законом порядке.

Несовпадение круга лиц, которых нужно заранее информировать о предполагаемой сделке и которые могут требовать созыва общего собрания или совета директоров для согласования ее совершения, с лицами, наделенными правом требовать представления им необходимой информации о совершенной сделке, связано с тем, что только последние могут в дальнейшем оспаривать такую сделку в судебном порядке.

А вот несовпадение круга лиц, которых общество обязано информировать о планировании заключения сделки, с кругом лиц, обладающих правом требовать созыва собрания акционеров (участников) или проведения заседания совета директоров, кажется не вполне рациональным решением законодателя, так как указанное право напрямую опосредовано возможностью получения необходимых сведений о готовящейся сделке. Такое положение вещей существенным образом усложняет акционерам (участникам) задачу по своевременной координации и направлению требования по созыву собрания акционеров или совета директоров.

В-четвертых, не совсем понятен порядок проведения общего собрания акционеров и заседания совета директоров по требованию об их созыве в связи с совершением сделки, осложненной конфликтом интересов. Применительно к акционерным обществам в законодательстве содержится указание, что действуют правила ст. 55 Закона об АО. Положения названной статьи включают в себя, помимо прочего, сорокадневный срок, в течение которого общество обязано провести внеочередное общее собрание, который начинается с момента получения требования о его проведении. При этом

кажется неоднозначным вывод о том, что указанный срок также применим и в отношении заседания совета директоров, ведь по общему правилу оно проводится в срок, закрепленный уставом общества или его внутренним документом.

В доктрине корпоративного права обоснованно указано, что решения об одобрении крупной сделки и сделки с заинтересованностью, которые, в сущности, представляют собой одну и ту же сделку, могут вступать в противоречие друг с другом²⁶⁶.

Несложно представить такую ситуацию, в которой совершение сделки с заинтересованностью, прошедшей ранее все необходимые корпоративные процедуры согласования, будет заблокировано при рассмотрении вопроса об одобрении ее в качестве крупной сделки, что выступает дополнительным фактором, затрудняющим реализацию экономической деятельности общества.

При этом необходимо отметить, что даже если указанные вопросы будут содержаться в одной повестке дня одного общего собрания, но будут рассматриваться в отрыве друг от друга, то и голосование будет проводиться дважды. Указанное обстоятельство с большой долей вероятности будет приводить к тому, что одни и те же незаинтересованные акционеры (участники) в отношении одобрения одной и той же сделки будут голосовать по-разному, что закономерно приведет к лишней путанице.

В связи с этим видится целесообразным закрепить правило, в соответствии с которым допускается включать в повестку дня лишь один вопрос об одобрении сделки, если она одновременно отвечает признакам крупной сделки, и сделки с заинтересованностью.

Некоторыми учеными выдвигались и иные предложения по модернизации нормативного правового регулирования крупных сделок с заинтересованностью. Так, П.М. Филимошин считал оправданным в установлении правила, в соответствии с которым к порядку совершения таких

²⁶⁶См.: Алешин А.В. Проблемы правового регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью // Вестник науки и образования. № 12 (66). Часть 2. 2019. С. 28-31.

сделок применялись бы исключительно положения о сделках с заинтересованностью²⁶⁷. По сути, указанное предложение направлено к возврату правового режима, существовавшего до принятия Закона № 343-ФЗ, с целью обхода ситуации, при которой заинтересованные лица имеют возможность голосовать по вопросу одобрения крупной сделки, которая одновременно является сделкой с заинтересованностью.

Законодательством также установлено требование, адресованное всем лицам, которые могут иметь заинтересованность, доводить до сведения общего собрания акционеров (участников) общества информацию об обстоятельствах, которые будут указывать на такую заинтересованность.

При этом вызывает обоснованные сомнения установленный законодателем подход к предоставлению информации о заинтересованности в совершении обществом сделки. В законах о хозяйственных обществах закреплены различные требования к той информации, которую обязано раскрывать заинтересованное лицо.

В Законе об ООО, например, среди информации, подлежащей предоставлению, названы также сведения о наличии у заинтересованного лица всех родственников из числа, указанных в Законе, и о всех юридических лицах, подконтрольных им. Однако по какой-то причине не установлено требование о раскрытии сведений относительно занимаемых такими родственниками должностей в органах управления каких-либо юридических лиц. Таким образом, общество с ограниченной ответственностью, не располагая сведениями о той должности, которую занимает родственник заинтересованного лица в органах управления юридического лица-контрагента, не будет располагать возможностью квалифицировать сделку в качестве сделки с заинтересованностью.

Упущением же Закона об АО в части регулирования предоставления

²⁶⁷ Цит по: Фейзрахманова Д.Р. Реформирование института крупных сделок и сделок с заинтересованностью: результаты, проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96) ноябрь. С. 14-18.

информации является то, что в соответствии с его правилами заинтересованное лицо предоставляет сведения лишь о тех своих родственниках, которые являются контролирующими лицами по отношению к юридическим лицам, либо имеют право давать им обязательные для исполнения указания, либо занимают должности в органах управления юридических лиц, то есть, в случае заключения акционерным обществом сделки с физическим лицом, данную сделку будет затруднительно определить в качестве сделки с заинтересованностью в отсутствие необходимой информации.

Разумеется, и в том, и в другом случае отсутствие требования уведомлять общество об указанных фактах отчасти нивелируется закрепленной в законах о хозяйственных обществах единой для всех заинтересованных лиц обязанностью сообщать об известных им сделках, в совершении которых они могут быть признаны заинтересованными. Однако важно иметь в виду, что исполнить такую обязанность на практике отнюдь не всегда представляется возможным в силу масштабов деятельности той или иной организации и общего количества сделок, заключаемых ежедневно.

Представляется целесообразной и соответствующей интересам как самого общества, так и его контрагентов по заключаемым сделкам, идея о возложении на заинтересованное лицо обязанности предоставлять также информацию о том, что оно утратило статус заинтересованного лица или отпали основания рассматривать ту или иную сделку общества с определенными лицами как сделку с заинтересованностью. Если такая обязанность будет закреплена в законодательстве, то необходимо также предусмотреть соответствующий срок, в пределах которого лицо должно будет направить такое уведомление.

Вызывает обоснованные претензии и закрепленный Законом об АО двухмесячный срок, в течение которого лица, имеющие заинтересованность, обязаны довести до общества всю необходимую информацию (ст. 82 Закона об АО). Специалисты считают, что данный срок неоправданно растянут,

особенно с учетом того, что он исчисляется с момента, когда такое лицо обнаружило или должно было обнаружить о наступлении обстоятельств, свидетельствующих об их заинтересованности²⁶⁸.

В связи с тем, что принятие решения о заключении той или иной сделки порой приходится принимать в довольно сжатые сроки, представляется необходимым закрепить в законодательстве требование, адресованное заинтересованным лицам, о незамедлительном предоставлении информации или предоставлении в разумный срок информации о том, что планируемая сделка может оказаться сделкой, в совершении которой это лицо имеет заинтересованность²⁶⁹. Навряд ли у заинтересованного лица могут возникнуть какие-либо помехи, объективно препятствующие известить общество в срок более короткий, чем два месяца.

В отношении обществ с ограниченной ответственностью подобный срок в принципе не установлен, что также требует внесения корректировок.

В отличие от Закона об АО, Закон об ООО предусматривает обязанность представлять информацию о заинтересованности не самому обществу, а общему собранию участников общества и совету директоров, если такой орган был образован в указанном обществе. Таким образом, единоличный исполнительный орган лишен способности своевременно получать всю необходимую информацию по тем сделкам, которые он совершает от лица общества или планирует совершить.

При этом именно на общество с ограниченной ответственностью в лице его единоличного исполнительного органа возложена обязанность по информированию незаинтересованных участников и членов совета директоров о сделках с заинтересованностью, а потому очевидно, что названный орган наряду с другими должен также получать сведения от

²⁶⁸ См.: Шиткина И.С. Правовой режим сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Закон. 2016. №. 12. С. 130.

²⁶⁹ См.: Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут. 2020. С. 149.

заинтересованных лиц об их заинтересованности, что требует нормативного закрепления. А вот информирование общего собрания участников кажется крайне непрактичным решением законодателя, так как возможность доведения до сведения информации о заинтересованности опосредована необходимостью созывать внеочередное общее собрание участников, а при отсутствии такой обязанности придется дожидаться проведения очередного годового собрания.

Далее видится целесообразным в настоящем диссертационном исследовании определить сущностные особенности последующего одобрения заключения сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

Вопрос легитимности последующего одобрения сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, долгое время вызывал сомнения. Специалисты в области корпоративного права предпринимали попытки разрешить спор путем анализа правовых норм в их совокупности. С принятием постановления Пленума ВС РФ № 27 и внесением изменений в законодательство данный вопрос урегулирован. Ранее «вывод о легитимности последующего одобрения сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, специалисты делали только из анализа толкования ряда правовых норм в их совокупности»²⁷⁰.

В вышеназванном акте судебного толкования дано разъяснение, согласно которому уполномоченное лицо вправе направить требование как до, так и после совершения сделки. В случае заявления требования после заключения договора, с элементами заинтересованности, решается вопрос об одобрении.

Обратим внимание на то обстоятельство, что хозяйственное общество и его контрагент не защищены от необходимости вынесения уже заключенной сделки на рассмотрение компетентного органа.

²⁷⁰ См. об этом: Шиткина И.С. Экстраординарные сделки, совершаемые хозяйственными обществами. М., 2017; Маковская А. Новые правила Закона об акционерных обществах о крупных сделках и сделках с заинтересованностью // Хозяйство и право. 2016. № 10. С. 24.

Возможность одобрения уже совершенной сделки закреплена в Законе об акционерных обществах. О легитимности позиции свидетельствует отражение решения об одобрении наряду с согласием на ее совершение.

Таким образом, сделка, заинтересованность в которой имеет юридическое значение, может быть, как предварительно согласована, так и в последующем одобрена.

Например, один из учредителей ООО «ПроРесурс», владеющий 1/3 доли уставного капитала, обратился к обществу с иском в Арбитражный суд г. Москвы, о признании недействительными договора залога акций в уставном капитале АО «ППЗ «Канашский» и дополнительного соглашения, ввиду наличия в сделке признаков заинтересованности и отсутствия одобрения на ее совершение.

Арбитражным судом г. Москвы отказано в удовлетворении требований. Суд апелляционной инстанции поддержал эту позицию в полном объеме. Истец с доводами судов не согласился, в связи с чем обратился в суд кассационной инстанции.

Так, между Кипрской компанией и ООО «ПроРесурс» заключен договор займа, по условиям которого ООО «ПроРесурс» получило определенную денежную сумму.

Ввиду неисполнения обязательств по вышеуказанному договору Кипрская компания уступила права требования долга иному лицу, Лукину А.А.

По результатам рассмотрения спора о взыскании задолженности хозяйственного общества перед Лукиным А.А., утверждено мировое соглашение о порядке возврата задолженности и об обеспечении исполнения обязательств путем заключения договоров поручительства и залога акций ООО «ППЗ «Канашский», принадлежащих ООО «ПроРесурс».

В целях обеспечения обязательств по заключенному мировому соглашению между Лукиным А.А. и ООО «ПроРесурс» заключен договор залога акций, по условиям которого залогодержатель вправе получить

удовлетворение за счет заложенных акций ООО «ППЗ «Канашский», принадлежащих ООО «ПроРесурс», при неисполнении залогодателем и поручителями обязательств по мировому соглашению.

В ходе рассмотрения спора о признании договора (сделки) недействительным, судами установлено, что истцом дано одобрение спорной сделки, поскольку последним не оспаривалось заключение мирового соглашения.

Кроме того, факт получения одобрения истцом оспариваемой сделки подтверждается направленным им заявлением, в котором указано, что условия заключенного сторонами мирового соглашения истцу понятны и одобряются.

В этой связи, заключая мировое соглашение, общество (корпорация) фактически одобрило сделку залога акций.

Таким образом, судами установлено, что согласие незаинтересованного участника общества на совершение оспариваемой сделки было получено²⁷¹.

Как показывает судебная практика, при рассмотрении искового заявления о признании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, одобренных в установленном порядке, необходимо также учитывать мог ли сам участник (акционер) повлиять на результат.

Для подтверждения данного положения необходимо вновь обратиться к судебной практике. Так, Арбитражный суд Московского округа в удовлетворении предъявленных требований о признании рассматриваемого института сделок с заинтересованностью недействительными и применении последствий признания таковыми отказал.

Оспариваемые сделки была одобрена в соответствии с законодательными требованиями, и суд принял во внимание тот факт, что истец владел таким размером доли уставного капитала общества, который бы не позволил ему повлиять на принятие решение по корпоративному

²⁷¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.06.2021 № Ф05-11003/2021 по делу № А40-35066/2020 // СПС «Консультант Плюс».

одобрению спорных сделок²⁷².

Сформулируем основные выводы в отношении согласия на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

1. Следует признать, что современные нормы о сделках с заинтересованностью постепенно перестают выполнять функцию предотвращения ущерба, так как для заключения сделки с заинтересованностью теперь не нужно получать предварительное согласие уполномоченного органа общества, а отсутствие такого согласия не является основанием ее недействительности. Законодатель фактически не связывает наличие или отсутствие согласия (одобрения) сделки с заинтересованностью с какими-либо правовыми последствиями, так как даже предварительное получение такого согласия не будет выступать препятствием для оспаривания сделки. То же самое касается соблюдения или несоблюдения вообще всех установленных в законодательстве правил, касающихся сделок с заинтересованностью.

2. Определено, что закрепление в нормативных правовых актах обязанности заинтересованного лица извещать об обстоятельствах, свидетельствующих о такой заинтересованности, не будет носить большого практического смысла до тех пор, пока законодательство не начнет связывать факт предоставления или непредоставления такой информации обществу с конкретными правовыми последствиями для лица, на которую данная обязанность возложена.

3. Таким образом, в данном параграфе автором исследования были выявлены следующие недостатки правового регулирования порядка совершения сделок с заинтересованностью и предоставления информации о заинтересованности, требующие устранения:

- Закон об АО не содержит требований об извещении единственного исполнительного органа о совершении сделки;

²⁷² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2022 № 09АП-61852/2022 по делу №А40-168030/2021 // СПС «Консультант Плюс».

- возможность установления недопустимо короткого срока для направления уведомления о совершении сделки, что лишает смысла данную процедуру;

- право требования предоставления информации о сделке возникает лишь в том случае, когда последняя была совершена без получения необходимого согласия;

- несовпадение круга лиц, которых общество обязано информировать о планировании заключить сделку, с кругом лиц, обладающих правом требовать созыва собрания акционеров (участников) или проведения заседания совета директоров;

- правовая неопределенность порядка предъявления требований о созыве общего собрания акционеров (участников) и проведения заседания совета директоров с целью согласования совершения сделки;

- пробелы правового регулирования одобрения сделок, одновременно имеющим признаки как крупной сделки, так и сделки с заинтересованностью;

- предусмотрен неоправданно растянутый срок, предназначенный для доведения до общества информации о своей заинтересованности;

- отсутствие в Законе об ООО обязанности заинтересованных лиц уведомлять о своей заинтересованности единоличный исполнительный орган.

4. Установлено, в действующем законодательстве взамен обязательного согласования сделок с заинтересованностью, предусмотрена обязанность общества непременно извещения о ее заключении. Указанное нововведение значительно упростило порядок совершения рассматриваемой категории сделок.

5. Выявлено, что ранее в законодательстве предусматривалась возможность непубличных обществ устанавливать в своих уставах любой другой порядок совершения сделок с заинтересованностью, отличный от того, который предусмотрен законодательством, либо сделать оговорку о том, что на них вообще не распространяются требования законодательства в части регулирования таких сделок. Также теперь возможно указать, что одни

правила Закона об АО или Закона об ООО подлежат применению, тогда как применение других норм исключается. Подобные правила допускается закреплять в уставе либо при непосредственном учреждении общества, либо при внесении изменений в текст уже утвержденного устава. Единственное требование ко внесению таких положений в текст учредительного документа – наличие единогласного согласия всех участников общества (п. 8 ст. 83 Закона об АО, п. 9 ст. 45 Закона об ООО)²⁷³.

6. Выявлено, исходя из практики, не исключена возможность вынесения совершенной сделки на собрание совета директоров в целях принятия решения о ее последующем одобрении.

В связи с законодательным закреплением права на одобрение уже заключенной сделки с заинтересованностью, лица, наделенные правомочием на направление требования о согласовании рассматриваемых договоров, сами выносят на общее собрание вопрос о согласии на ее совершение. Указанные действия направлены на исключение реальной возможности последующего ее одобрения.

Вместе с тем, наличие согласия (одобрения) все же не дает обществу и контрагентам гарантий того, что в последующем сделка не будет оспорена. Об этом будет более подробно освещено в следующей главе.

Таким образом, законодательное установление возможности одобрения уже заключенной сделки создает рискованное положение для ее контрагентов и одновременно обеспечивает защиту участникам (акционерам) общества, в связи с чем невозможно дать однозначную оценку указанной норме.

3.2. Конфликт интересов, реализация принципа добросовестности при совершении сделок с заинтересованностью и ответственность контролирующих лиц

²⁷³ См.: Нарайкин О.В. Тенденции развития и перспективы регулирования сделок с заинтересованностью // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 87.

Категория конфликта интересов в плоскости корпоративных правоотношений традиционно проявляется в разногласиях между участниками корпорации, которые принимают различные формы. В доктрине высказано суждение, что «реализация любого субъективного гражданского права связана с наличием интереса управомоченного субъекта. Отсутствие интереса к реализации права служит поводом для субъекта не реализовывать его, поэтому право остается лишь потенциальной возможностью»²⁷⁴. Причем, подход, заключающийся в исследовании сущности конфликта интересов исключительно через призму антикоррупционной политики, не совсем оправдан²⁷⁵. Так, по мнению Севальнева В.В., Черепановой Е.В., конфликт интересов порождают противоположные интересы различных лиц, групп, которые могут возникнуть как в публичной, так и в частной сферах²⁷⁶.

Что касается зарубежного законодательства, то, например в Германии не существует общих правовых положений о конфликте интересов, немецкое законодательство также не знает и общего для всех отраслей права определения «конфликт интересов»²⁷⁷.

Полагаем, что наличие интереса в системе корпоративных отношений основано на первоочередной инициативе субъекта быть участником именно данных правоотношений. А.В. Габов описывая конфликт интересов, определяет это явление как «состояние, при котором интересы лица – участника корпоративных отношений не совпадают с интересами корпорации

²⁷⁴ Филатова У.Б. Саморегулирование и конфликт интересов: онтологические предпосылки и особенности правового регулирования // Гражданское право. 2024. № 4. С. 10 - 12.

²⁷⁵ Хабриева Т.Я., Капустин А.Я., Габов А.В., Черногор Н.Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 5.

²⁷⁶ Севальнев В.В., Черепанова Е.В. Конфликт интересов как правовой феномен в публичной сфере // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 143.

²⁷⁷ S. 3. Gesetzliche Regelungen zu Interessenkonflikten. Wissenschaftliche Dienste Sachstand WD 3-3000-003/17. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/497828/c6c69075bded2f9ead830f382ab5f3ef/WD-3-003-17-pdf-data.pdf>.

и (или) других участников таких отношений»²⁷⁸.

Семейно-правовое регулирование, основанное на реализации членами семьи и супругами предпринимательской деятельности, имеет межотраслевую природу и правовое регулирование²⁷⁹. В месте с тем, вопросы внутренних, организованных связей гражданского, семейного, корпоративного, трудового и предпринимательского права надлежащим образом не получили должного обоснования. В сфере экономической деятельности супруги нередко являются участниками обязательственных, в том числе и корпоративных отношений²⁸⁰.

Полагаем, что что при возникновении коллизии норм предпринимательского, корпоративного и семейного законодательства в вопросе регулирования правового статуса супруга-предпринимателя приоритет должны иметь нормы корпоративного законодательства.

Выступая владельцами долей, паев, акций, супруги приобретают определенные корпоративные правомочия (участвовать в управлении компанией, знакомиться с делами компании, обжаловать решения и т.д.), а также имеют своей целью получение прибыли в зависимости от размера доли, пая или объема акции²⁸¹. При этом необходимо понимать, что корпоративные правомочия первичны по отношению к доходам, получаемым от владения долями, паями и акциями.

В кейсе *Revlon, Inc. vs MacAndrews and Forbes Holdings*²⁸² Верховный суд штата Делавэр (Delaware Supreme Court) фактически дал характеристику корпоративному явлению, установив тем самым модель действий

²⁷⁸ Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут. 2005.

²⁷⁹ См.: Левушкин А.Н. Реформирование межотраслевого регулирования семейных отношений // Социально-политические науки. 2013. № 1. С. 76.

²⁸⁰ См.: подробнее: Побережный С.Г. Практика реализации прав супругов в корпоративных правоотношениях // Семейное и жилищное право. 2021. № 1. С. 15 - 18.

²⁸¹ Тагаева С.Н. Раздел общего имущества супругов и корпоративные правоотношения // Юридическая судьба бизнеса при расторжении брака и наследовании: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2019. С. 225.

²⁸² *Revlon, Inc vs MacAndrews and Forbes Holdings, Inc.*, 506. A.2d 173, CCH Fed. Sec. L. Rep. 192, 348 (Del.1986).

обязанностям совета директоров поглощаемой компании, когда сделка касается перехода контроля над корпорацией. В американском корпоративном правопорядке совет директоров (если он создан) как орган юридического лица осуществляет все действия от имени юридического лица и обладает практически неограниченной компетенцией²⁸³. Сами *Revlon duties* представляют собой результат трансформации фидуциарных обязанностей менеджмента по отношению к корпорации в обязанности по увеличению доходности для акционеров. Происходит совершенно законный процесс игнорирования интереса компании в угоду имущественного интереса акционера. Спешу заметить, что такое происходит именно в ситуации неизбежной продажи или раздела бизнеса. Однако, сам факт того, что законом предусмотрен и четко сформулирован случай, когда воля юридического лица сознательно не учитывается, уже говорит о приоритете именно акционерного интереса, который в свою очередь совершенно четко выражается в потенциальном извлечении прибыли.

Конечно, вспоминая это дело, необходимо оговориться, что спор возник по иску поглотителя и касался соблюдения неких правил и предпринимательских обычаев на рынке слияний и поглощений, связанных с ограничением аукционного процесса приобретения корпорации, но, как уже было показано ранее, корпоративный интерес не имеет значения, если речь идет о преумножении личного капитала. Таким образом, юридическое лицо имеет собственную позицию только до тех пор, пока это удобно собственнику, что в свою очередь, необходимо для существования действующей экономической системы.

Следует признать, что, к сожалению, законодательно не расширен институт субсидиарной ответственности, который может быть использован

²⁸³ Подробнее см: Семилютин Н.Г. Юридические лица в гражданском праве зарубежных стран: монография. Инфра – М.: 2015. С. 264.; § 8.01. Sub. A. Model Business corporation Act. 2016 Revision. URL: https://www.americanbar.org/groups/business_law/committees/corplaws/.

для взыскания отраженных убытков²⁸⁴ (reflective damages²⁸⁵).

Добросовестность как мера должного поведения упоминается в ст. 10 ГК РФ. Указывается, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. Категория добросовестности вызвала множество противоречий и неоднозначных трактовок. Попытка их устранить была предпринята в разъяснениях, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁸⁶.

В п. 1 указанного постановления приводится толкование, исходя из которого под добросовестными понимаются такие действия стороны гражданских правоотношений, которые ожидаются от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Также в анализируемом постановлении разъясняется и процессуальный аспект применения принципа добросовестности. В частности упоминается, что для признания действий лица недобросовестными не обязательно наличие заявления об этом другой стороны процесса, суд может по своей инициативе

²⁸⁴ Отраженные убытки – потери, которые участники компании несут вследствие причинения ущерба самому обществу. Они могут выражаться в снижении рыночной стоимости акций, невыплате дивидендов или их неполной выплате, которые были бы выплачены, если бы корпорации не был причинен ущерб. Особенность таких убытков заключается в трудности их определения, потому что убытки несет общество, однако косвенно наносится ущерб участникам.

Подробнее см. Глазунов А.Ю. Отраженные убытки в корпоративном праве. // Журнал Вестник экономического правосудия № 2. Февраль. 2020.

²⁸⁵ См., напр.: De Jong B.J. Shareholders' Claims for Reflective Loss: A Comparative Legal Analysis // European Business Organization Law Review. 2013. Vol. 14. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=1939755>; Koh A.K. Reconstructing the Reflective Loss Principle // Journal of Corporate Law Studies. 2016. Vol. 16. P. 373-401; Chaisse J., Zhuoyue L.L. Shareholder Protection Reloaded - Redesigning the Matrix of Shareholder Claims for Reflective Loss // Stanford Journal of International Law. 2016. Vol. 52. Iss. 1. P. 53.

²⁸⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

признать поведение участника гражданских правоотношений недобросовестным. Соответственно, указываются и последствия признания судом недобросовестности действий стороны процесса - например, это отказ в защите принадлежащего недобросовестной стороне права. Как небезосновательно в науке предпринимательского права предполагает А.Е. Кирпичев, применяя право, суд определяют правовые последствия совокупности действий, образующих поведение лица²⁸⁷. В зарубежной доктрине установлено, что «универсальность принципа запрета противоречивого поведения во многом обусловлена его связью с римской максимой *venire contra factum proprium*, применяющие право суды лишь в редких случаях ограничиваются отсылкой к этой максиме»²⁸⁸.

Однако, при наличии разъяснений высшей судебной инстанции, в применении принципа добросовестности нельзя не заметить проблемы. Так, неясно, какое лицо подразумевается под «любым участником гражданского оборота», потому как очевидны существенные отличия между, например, профессиональным участником рынка ценных бумаг как участником гражданского оборота и студентом первого курса юридического факультета. Даже у двух сравниваемых участником гражданского оборота существенно отличается набор знаний, опыта, квалификации и т. д. для участия в гражданско-правовых отношений. В то время как участников гражданского оборота великое множество, это как юридические, так и физические лица, и чьи действия в данном случае необходимо считать за эталон – остается неясным.

Также процессуальный аспект применения принципа добросовестности дает слишком широкую возможность применения судейского усмотрения.

²⁸⁷ См.: Кирпичев А.Е. Эстоппель в специфических контекстах: недействительность расторгнутого договора, спор с государством, совместная деятельность должника и кредитора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 62.

²⁸⁸ Piekenbrock A. *Befristung, Verjährung, Verschweigung und Verwirkung: eine rechtsvergleichende Grundlagenstudie zu Rechtsänderungen durch Zeitablauf*. Mohr Siebeck, 2006. S. 173.

«Суд толкует нормы права, на соответствующих правилах»²⁸⁹. С учетом того, что как таковое «мерило» добросовестного поведения не определено, а для применения указанного принципа даже не требуется ходатайства стороны в споре, может быть отказано в защите практически любого права со ссылкой на недобросовестные действия со стороны самого лица.

Обязанность действовать добросовестно закреплена для лиц, обладающих фактической возможностью определять действия юридического лица, в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Необходимо различать общегражданскую обязанность действовать добросовестно, закреплённую в качестве презумпции в ст. 10 ГК РФ, и корпоративную обязанность действовать добросовестно, отражённую в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Первая из указанных обязанностей существенно шире, относится ко всем участникам гражданско-правового оборота. В то время как вторая - более специальная, относится к ограниченному кругу лиц. Также общегражданская обязанность подразумевает обязанность действовать добросовестно в собственных интересах. В то время как корпоративная обязанность предполагает добросовестные действия в отношении подконтрольного юридического лица. О.В. Гутников отмечает: «необоснованное отождествление общегражданской и корпоративной обязанностей ведет к тому, что директора фактически привлекаются к корпоративной ответственности за нарушение общегражданской обязанности действовать добросовестно. Хотя такое правоприменение явно не соответствует смыслу и назначению норм, предусмотренных в ст. 53.1 ГК РФ, оно, по сути, санкционировано на уровне разъяснения высшей судебной инстанции и ведет к безграничной ответственности директора за любые неразумные и (или) недобросовестные действия, а также к трудноразрешимым вопросам о конкуренции исков о

²⁸⁹ Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 32.

привлечении к корпоративной или к деликтной ответственности»²⁹⁰.

При анализе принципа добросовестности необходимо отразить, какие функции выполняет данное правовое явление в регулировании правоотношений. Немецкий юрист Ф. Виакер отмечал схожесть проявлений конструкции принципа добросовестности с римским преторским правом. И на основе выделяемых Папинианом функций преторского права, были выведены функции принципа добросовестности: толкование (*adiuvandi*), дополнение (*supplendi*), исправление (*corrigendi*)²⁹¹. Также функциям принципа добросовестности уделял внимание К.В. Нам, выводя следующих из них: конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую²⁹².

Наиболее интересна для предмета диссертационного исследования функция ограничительная, которая призвана пресекать злоупотребление правом. «Юридического язык адресован прежде всего юристам, т.е. носителям профессионального правосознания, владеющим профессиональной терминологией»²⁹³. М.В. Демьянова отмечает, что именно к этой функции следует относить доктрину «снятия корпоративной вуали», которая состоит в ограничении недобросовестного использования конструкции ограниченной ответственности по обязательствам юридического лица²⁹⁴. Ограничение подобного рода необходимо для предупреждения возможности злоупотребления со стороны учредителей (участников) такого юридического лица, которые могли бы использовать конструкцию юридического лица с целью ухода от ответственности²⁹⁵, используя такой признак конструкции

²⁹⁰ Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48 – 65.

²⁹¹ См.: Wieacker F. Zur rechtstheoretischen Prazisierung des § 242 BGB. Tübingen, 1956. S. 20.

²⁹² См.: Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. С. 94 – 97.

²⁹³ Berman H.J. Law and language: effective symbols of community. Cambridge University Press, 2013. P. 101 - 103.

²⁹⁴ См.: Демьянова М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. № 9. С. 54 – 59.

²⁹⁵ См.: Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: монография / А.Н. Беседин, Е.Н. Ефименко, Е.А. Козина и др.; под ред. Е.Д. Тягай. М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 56.

юридического лица как имущественная обособленность²⁹⁶. Ограничительная функция принципа добросовестности в целом при регулировании статуса контролирующего корпорацию лица будет выражаться в исключении такого поведения, при котором лицо, обладающее контролем над корпорацией, использует само юридическое лицо исключительно в собственных интересах, пренебрегая его выгодой и благоприятным положением.

Полагаем, что принцип добросовестности необходимо рассмотреть не только применительно к общему регулированию правового положения контролирующих лиц, но и применительно к конкретным возлагаемым на них обязанностям. Контролирующие лица при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью обязаны уведомить о наличии у них данной заинтересованности, а также предоставить иные сведения, предусмотренные п. 2 ст. 45 ФЗ об ООО, ст. 82 ФЗ об АО. Законодатель использует формулировки «должны» и «обязаны» в отношении указанных действий, что подразумевает наличие у лиц, заинтересованных в сделке, и контролирующих лиц, в частности, информационной обязанности, которой корреспондирует право общества или общего собрания, совета директоров требовать предоставления указанной информации. Рассмотрим данную информационную обязанность контролирующих лиц более подробно.

Перечень сведений, которые обязаны предоставлять контролирующие лица, отличается в ФЗ об ООО и ФЗ об АО. ФЗ об ООО обязывает заинтересованное лицо предоставлять информацию (в случае, если таковое знает о требуемых сведениях) о наличии у него всех родственников из числа, указанных в ФЗ, и обо всех юридических лицах, подконтрольных этим родственникам. Наоборот, ФЗ об АО не возлагает на заинтересованное лицо обязанность предоставлять сведения о таких своих родственниках. Заинтересованные в совершении акционерным обществом сделки обязаны

²⁹⁶ См.: Братусь С.Н. Юридические лица в советском гражданском праве. С. 140, 143; Флейшиц Е.А. Рецензия на книгу С.Н. Братуся «Юридические лица в советском гражданском праве» // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 29.

раскрыть информацию о юридических лицах:

а) в отношении которых такие родственники или подконтрольные им организации являются контролируемыми лицами или имеют право давать обязательные указания и

б) в органах управления которых родственники и (или) их подконтрольные лица занимают должности.

Как указывается в доктрине, «правовая неопределенность ставит некоторые юридические лица в более выгодное положение по сравнению с хозяйственными обществами, что нарушает принцип равноправия субъектов и негативно влияет на правоприменительную практику»²⁹⁷.

Обязанность указывать факт наличия среди родственников обладателей должности в органах управления каких-либо юридических лиц на заинтересованное лицо не возлагается законодателем в ФЗ об ООО.

Данное разночтение в федеральных законах покрывается наличием общей для контролирующих лиц АО и ООО, заинтересованных в сделке, сообщать о своей заинтересованности. В свете указанных обстоятельств можно рекомендовать самим корпорациям отслеживать списки своих контролирующих лиц и устанавливать, кто может иметь заинтересованность в планируемых обществом сделках, дабы исключить риск оспаривания и впоследствии признания сделки недействительной. Установление таких лиц возможно посредством анализа списка аффилированных лиц корпорации и выявления среди них тех, кто соответствует критериям контролирующего лица данного общества. В данном случае, самой корпорации будет существенно более удобно отслеживать контролирующее лицо по четким критериям. Иначе, в случае расширенного судебного усмотрения и неясных критериев в отношении того, кто будет признаваться лицом, контролирующим корпорацию, будут возникать неясности при решении о том, необходимо ли одобрять ту или иную сделку как сделку с заинтересованностью. В целом роль

²⁹⁷ Мутафян Г.А. Организационно-правовые формы участников корпоративных групп // Современное право. 2024. N 8. С. 53.

законодательства о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность, в данном случае представляется роль регулятора, позволяющего наиболее эффективно функционировать корпорациям, позволяя реализовывать изначальные цели, ради которых они были созданы, при этом соблюдая баланс интересов как самой корпорации, так и ее участников. Однозначно нормы закона не должны усложнять обычную хозяйственную деятельность общества, заставляя одобрять каждую из сделок с проведением целого ряда корпоративных процедур во избежание риска оспаривания. Отчасти поэтому информационная обязанность возложена именно на контролирующих лиц, а не само общество. Однако, на практике при неисполнении обязанности контролирующим лицом сама корпорация должна иметь возможность отследить своих контролирующих лиц, и значительно упростят эту задачу четкие критерии для признания лица контролирующим, о чем было сказано в работе ранее.

Также интересны в рамках данного анализа сроки, в которые лицо, знающее о своей заинтересованности в сделке, должно сообщить об этом обществу. ФЗ об АО устанавливает в качестве временного периода два месяца с момента, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованными в совершении обществом сделок. ФЗ об ООО никаких сроков для уведомления не предусматривает. То есть, соблюдая требования ФЗ об АО, контролирующее лицо может сообщить о заинтересованности почти по истечении двух месяцев и действовать правомерно с точки зрения требований нормативно-правового акта. Однако учитывая современные реалии рынка, в некоторых случаях заключение сделки не может ждать два месяца, это может быть не выгодно как самому обществу, так и контрагенту. Соответственно, следовало бы прописывать необходимость выполнения данной информационной обязанности незамедлительно после того, как лицу стало известно о его заинтересованности. На данный момент п. 1 ст. 82 ФЗ об АО, посвященный обязанности лица сообщить о своей заинтересованности,

сформулирован следующим образом: «лица, указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 81 настоящего Федерального закона, в течение двух месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованным в совершении обществом сделок, обязаны уведомить общество <...>». Далее законодателем приводится перечень того, о чем указанные лица должны уведомлять общество, в том числе, указывается и на сделки с заинтересованностью в подпункте три: «об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в которых они могут быть признаны заинтересованными лицами». Если в отношении первого и второго подпунктов двухмесячный срок уведомления допустим, то в случае заинтересованности в совершении сделок для надлежащего правового регулирования необходимо устанавливать меньший временной промежуток. Следует внести предложение по уточнению нормы закона: добавить в ст.82 ФЗ об АО пункт, посвященный уведомлению о заинтересованности лица в сделке, сформулированный следующим образом: «лица, указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 81 настоящего Федерального закона, в течение пяти дней со дня, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованным в совершении обществом сделок, обязаны уведомить общество об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в которых они могут быть признаны заинтересованными лицами». Аналогичную норму следует внести и в ФЗ об ООО, где на данный момент не указано каких-либо временных промежутков для уведомления общества о заинтересованности в сделке.

Но и данное решение не избавит от наличия сложностей при выполнении контролирующим лицом информационной обязанности. Так как для своевременного уведомления общества о наличии заинтересованности в планируемой сделке, контролирующему лицу необходимо быть в курсе всей хозяйственной деятельности общества. А зачастую получается так, что при наличии генерального директора как единоличного исполнительного органа и

коммерческого директора, имеющего закрепленное уставом право совершать от имени общества сделки, даже генеральный директор не обладает информацией обо всех заключаемых и планируемых корпорацией договорах, не говоря уже о полной осведомленности контролирующих лиц. Из этого следует, что контролирующему лицу необходимо максимально тщательно следить за хозяйственной деятельностью подконтрольной корпорации. Данную рекомендацию следует включить в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сформулировав пункт следующим образом: «контролирующему лицу для своевременного исполнения информационной обязанности по уведомлению общества о своей заинтересованности в предполагаемой или совершенной сделке надлежит отслеживать планируемые к совершению обществом сделки посредством направления в адрес общества периодических запросов».

Теперь проанализируем обязанность лица уведомить общество о своей заинтересованности в сделке в разрезе реализации принципа добросовестности. Добросовестным в ситуации, когда контролирующее корпорацию лицо будет знать о заинтересованности в планируемой сделке, будет поведение, при котором такое лицо, думая о последствиях для сторон договора, в наиболее короткие сроки уведомит общество в установленном порядке. Однако важно сохранять баланс интересов и помнить, что контролирующее лицо не обязано знать обо всех совершаемых от имени общества сделках. Было бы не целесообразным требовать от лица, контролирующего корпорацию, постоянного обладания информацией о всех готовящихся сделках. В то же время стоит помнить, что добросовестное поведение - это поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. В ситуации с исполнением информационной обязанности по уведомлению о заинтересованности в сделке от контролирующего лица ожидается, что оно сообщит об указанных обстоятельствах при их наличии при выполнении

следующих условия о том, что контролирующему лицу известно о готовящейся сделке.

Для выполнения данного условия необходимо уведомление от общества о перечне готовящихся сделок, чтобы контролирующее лицо могло узнать о своей заинтересованности.

Однако законодателем не установлено прямых последствий несоблюдения анализируемой информационной обязанности контролирующего лица.

Более того, судебная практика, где невыполнение данной информационной обязанности привело бы к признанию сделки недействительной, также не обширна. При анализе судебных актов была выявлена скорее противоположная позиция. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2019 № Ф05-15278/2019 по делу № А40-188761/2018 отражена ситуации, при которой истцы знали о совершенной сделке, однако из-за невыполнения информационной обязанности одной из сторон сделки не могли вовремя узнать о нарушении своих прав, так как сторона не уведомила в надлежащем порядке о своей заинтересованности. Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении требований отказано. Суд кассационной инстанции также оставил жалобу без удовлетворения, в том числе, мотивируя свои доводы тем, что факт наличия корпоративных связей у сторон оспариваемой сделке имеет место с 2015 года, о чем истцы при должной степени внимательности и «проявлении интереса» могли узнать еще непосредственно в 2015 году. Таким образом, суды отклонили доводы о неисполнении информационной обязанности как основании для признания сделки недействительной.

В контексте изучения реализации принципа добросовестности при исполнении контролирующим лицом информационной обязанности в рамках договорных корпоративных обязательств, в совершении которой имеется заинтересованность, необходимо выделить следующие проблемы правового регулирования.

Во-первых, в силу принадлежности истоков принципа добросовестности скорее к нормам этическим и моральным, чем правовым, неясно, какое поведение лица при исполнении информационной обязанности будет признано добросовестным: направление уведомления сразу, как стало известно о заинтересованности или в течение двух месяцев, как установлено законодателем, несмотря на интерес корпорации узнать о таком как можно скорее?

Во-вторых, остается неразрешенным вопрос, обязано ли контролирующее лицо, действуя добросовестно, как-то ему предписывает п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, отслеживать все совершаемые корпорацией сделки для направления уведомления о своей заинтересованности. Будет ли ненаправление такого уведомления своевременным в случае отсутствия осведомленности добросовестным поведением? Или действия контролирующего лица будут признаны недобросовестными, и в защите его прав будет отказано на этом основании? В данном случае однозначно ответить на поставленные проблемные вопросы не представляется возможным, потому что сами нормы о добросовестности сформулированы на настоящем этапе правового регулирования максимально размыто и неоднозначно. Такое «мерило» как «любой участник гражданского оборота» не может быть использовано на практике при определении надлежащего исполнения контролирующим лицом информационной обязанности при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью, так как может трактоваться субъективно в зависимости от правоприменителя.

Далее необходимо раскрыть вопросы ответственности контролирующих лиц при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью.

Как в литературе, так и в судебной практике при упоминании ответственности контролирующих лиц корпорации, обычно раскрывается субсидиарная ответственность контролирующих лиц при банкротстве

корпорации. Данной тематике посвящены работы В.Г. Голубцова²⁹⁸, С.А. Карелиной²⁹⁹, М.В. Крушевской³⁰⁰, М.Г. Попова³⁰¹, О.М. Свириденко³⁰². Однако данный аспект ответственности не является предметом рассмотрения в данной работе, потому как она в большей степени посвящена определению правового статуса контролирующих лиц при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью.

Следует сказать несколько слов в общем о привлечении контролирующих лиц к ответственности. Указанными лицами в своей деятельности используется конструкция юридического лица, которое действует от своего имени, но, при наличии контроля, выражает чужую волю. Для выявления таких случаев была разработана доктрина «снятия корпоративной вуали» или же доктрина «проникающей ответственности», терминология отличается в зависимости от правопорядков³⁰³. Указанные концепции применяются в основном в делах о банкротстве корпораций, где устанавливаются контролирующие лица должника.

Что же касается ответственности контролирующих лиц за нарушения, совершенные при заключении корпорацией сделок с заинтересованностью – нет отдельных специальных положений, регулирующих привлечение к ответственности в указанном случае.

Юридическая ответственность как правовое явление напрямую связана

²⁹⁸ См.: Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248 – 273.

²⁹⁹ См.: Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 3 – 17.

³⁰⁰ См.: Крушевская М.В. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица: проблемы правореализации // Юрист. 2021. № 6. С. 41 – 43

³⁰¹ См.: Попов М.Г. Основания привлечения контролирующих должника лиц к ответственности // Гражданское право. 2019. № 2. С. 42 – 45.

³⁰² См.: Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12. С. 18 – 24.

³⁰³ См.: Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // ВВАС РФ. 2012. № 9. С. 6 – 33.

с нарушением права, следует как ответная реакция на таковое³⁰⁴. Как небезосновательно отмечает В.А. Лаптев: «во все времена неизменно определяющими для ответственности были два фактора: нарушение соответствующих правил поведения (в том числе обязательств) и масштаб последствий. От указанных обстоятельств зависело применение конкретной меры ответственности (санкции) и соответственно способ защиты нарушенного права»³⁰⁵. Соответственно, для понимания, какая ответственность может наступать у контролирующих лиц при совершении подконтрольной корпорацией сделки с заинтересованностью, необходимо понимать, какие правонарушения могут иметь место в указанном случае.

При совершении подконтрольной корпорацией сделки с заинтересованностью на контролирующих лиц возлагаются следующие обязанности (как было установлено в работе ранее):

- во-первых, это общая закреплённая обязанность действовать добросовестно и разумно в интересах подконтрольного лица (что установлено п. 3 ст. 53.1 ГК РФ);

- во-вторых, это информационная обязанность по сообщению о своей заинтересованности в планируемой сделке, предусмотренная для контролирующих лиц специальным законодательством.

Каких-либо специальных норм об ответственности за нарушение указанных обязанностей ни в общем законодательстве (ГК РФ), ни в специальном (ФЗ об АО, ФЗ об ООО) не предусматривается.

Таким образом, необходимо проанализировать последствия нарушения возложенных обязанностей на контролирующих лиц при совершении сделок с заинтересованностью, и вывести возможные виды и меры ответственности.

В отношении видов ответственности в данном случае целесообразно

³⁰⁴ См.: Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. Москва: Статут, 2022. С.162; Хозяйственное право. М.: Юридическая литература, 1977. С. 446 – 467.

³⁰⁵ Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. С. 63.

говорить о гражданской и корпоративной ответственности, так как анализу подлежат гражданские отношения, связанные с самой сутью заключаемой сделки (будь то купля-продажа, поставка, поручительство и т.д., любой из выбранных договоров, заключаемых корпорацией с контрагентами, будет заключаться под действием гражданского права), а также корпоративные отношения, связанные со статусом контролирующего лица и его взаимоотношениями с самой корпорацией.

Первоначально необходимо проанализировать меры гражданско-правовой ответственности при нарушениях, допускаемых контролирующими лицами при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью. Данные меры ответственности — это, прежде всего, взыскание убытков, и признание сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, недействительной, а соответственно и применение последствий недействительности сделки. В ФЗ об ООО приводится следующая норма о признании сделок с заинтересованностью недействительными: «Сделка, в совершении которой имеется заинтересованность, может быть признана недействительной (п. 2 ст. 174 ГК РФ) по иску общества, члена совета директоров (наблюдательного совета) общества или его участников (участника), обладающих не менее чем одним процентом общего числа голосов участников общества, если она совершена в ущерб интересам общества и доказано, что другая сторона сделки знала или заведомо должна была знать о том, что сделка являлась для общества сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и (или) об отсутствии согласия на ее совершение. При этом отсутствие согласия на совершение сделки само по себе не является основанием для признания такой сделки недействительной».

Также следует сказать о корпоративной ответственности контролирующих лиц. Достаточно подробно и системно категорию корпоративной ответственности разрабатывал в своей работе О.В.

Гутников³⁰⁶. Особо подчеркнем, что вопрос о разработке категории особой корпоративной ответственности, отличающейся от деликтной или договорной, в доктрине частного права остается дискуссионным.

«Являясь лишь разновидностью гражданско-правовой ответственности, корпоративная ответственность не претендует на то, чтобы выступать совершенно особым автономным образованием»³⁰⁷.

В.А. Лаптев под корпоративной ответственностью обоснованно понимает «претерпевание неблагоприятных экономических последствий за нарушение корпоративных прав и интересов участников корпоративных отношений, а также за неисполнение обязанностей, установленных законом и внутренними документами корпорации»³⁰⁸. О. В. Гутников пишет: «соотношение норм об ответственности, предусмотренной корпоративным законодательством, и общих норм о гражданско-правовой деликтной и договорной ответственности остается неясным»³⁰⁹. Очевидное различие между гражданской и корпоративной ответственностью заключается в том, что основания для применения корпоративной ответственности содержатся не только в законе, но и во внутренних документах корпорации, т.е. актах локального нормотворчества, принятых самими членами корпорации³¹⁰.

Согласно другому подходу, корпоративной ответственностью является претерпевание неблагоприятных последствий имущественного или организационного характера за нарушение прав и интересов участников отношений относительно управления и/или участия в корпоративных

³⁰⁶ См.: Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма "Контракт", 2019.

³⁰⁷ Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48 - 65.

³⁰⁸ Лаптев В.А. Указ. Соч. С. 91.

³⁰⁹ См. подробнее: Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4 - 30.

³¹⁰ См.: Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. С. 189 – 232.

организациях при осуществлении деятельности, не соответствующей обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску, принципам добросовестности и разумности³¹¹.

В науке существует дискуссия о существовании корпоративной ответственности как таковой: необходим ли данный вид ответственности или же достаточно мер гражданской ответственности применительно к корпоративным правоотношениям? О.В. Гутников и В.А. Лаптев, исследуемый вид юридической ответственности за нарушение корпоративных прав и неисполнение корпоративных обязанностей именуется дефиницией «корпоративная ответственность»³¹².

С.А. Сеницын приходит к выводу, что понимание корпоративной ответственности как отдельного вида ответственности «только способствовало бы распылению положений о различных формах и мерах подотраслевой ответственности в предмете гражданского права в не связанные друг с другом нормы и институты, а также размножению видов гражданско-правовой ответственности». Автор считает выделение корпоративной ответственности в целом из гражданской неверным, так как «договорная и деликтная ответственность выделены по критерию специфики правонарушения, в то время как корпоративная ответственность позиционирована и обусловлена содержательными особенностями корпоративных правоотношений в системе гражданско-правового регулирования»³¹³. Такого же мнения придерживаются А.С. Власова и Н.М. Удалова³¹⁴.

³¹¹ Шайханов С.Б. К вопросу о юридической ответственности за нарушение корпоративных прав // Хозяйство и право. 2024. № 2. С. 69 - 86.

³¹² См.: Лаптев В.А. Корпоративное право. Правовая организация корпоративных систем. М.: Проспект, 2019. С. 315; Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве. С. 164.

³¹³ Сеницын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 58.

³¹⁴ См.: Власова А.С., Удалова Н.М. Обычный предпринимательский риск в контексте ответственности руководителя юридического лица за причиненные ему убытки // Закон. 2020. № 3. С. 79 – 89.

В доктрине корпоративного права О. В. Гутниковым на основе обобщения имеющихся научных подходов обоснованно выделяются три подхода к разграничению указанных видов юридической ответственности:

- 1) отрицание существования отдельной корпоративной ответственности и применение к ней норм о деликтной или договорной ответственности;
- 2) признание особой корпоративной ответственности и невозможность применения к ней общих норм о деликтной или договорной ответственности;
- 3) признание существования корпоративной ответственности одновременно с применением к ней в субсидиарном порядке норм о деликтной или договорной ответственности³¹⁵.

В данном случае были избраны именно нормы деликтного права, так как предъявляемые требования не было возможности удовлетворить по нормам корпоративного права: при проведении реорганизации не было допущено нарушений процедуры, «контролирующий акционер действовал разумно и добросовестно, в пределах обычного предпринимательского риска». Но согласно положениям деликтного права причиненный вред подлежит возмещению причинителем вреда. Также в ходе судебного разбирательства было установлено, что контролирующий акционер - компания «АФК «Система», был недобросовестным (имел сведения о незаконности владения акциями и проводил реорганизацию перед истребованием их в пользу Российской Федерации, понимая, что производит вывод активов из компании «Башнефть»). Руководствуясь указанными обстоятельствами, суд пришел к выводу, что за действия контролирующего акционера в данном случае должна применяться ответственность по нормам деликтного права.

Но следует также заметить, что при применении исключительно норм деликтного права, данный иск также не мог бы подлежать удовлетворению. Все дело в том, что привлечение к деликтной ответственности не подразумевает использования такого правового механизма, как косвенный

³¹⁵ См.: Гутников О.В. Указ. соч. С. 4 – 30.

иск, возможный для корпоративно-правовой защиты.

Корпоративную ответственность отличают особые негативные последствия корпоративных нарушений, которые могут носить как особый имущественный, так и неимущественный характер: утрата корпоративного контроля, невозможность или затруднительность достижения целей деятельности юридического лица, невозможность или затруднительность осуществления корпоративных прав³¹⁶.

Пусть решение по данному спору и было отменено вышестоящими инстанциями, данный судебный акт стал достаточно показательным с точки зрения правоприменительного процесса. В анализируемом случае суд продемонстрировал возможность применения норм о деликтной ответственности к нарушениям, вытекающим из корпоративных правоотношений, при недостаточном урегулировании данного вопроса непосредственно нормами корпоративного права, то есть показал возможность при подаче косвенного иска взыскать убытки на основании положений деликтной ответственности.

«В настоящее время суды более внимательно и детально изучают корпоративные споры и не рассматривают перевод бизнеса на другое ООО как право мажоритарных участников, на которое миноритарий не может повлиять»³¹⁷.

Итак, корпоративная ответственность отличается тем, что она возникает в относительных гражданско-правовых отношениях, связанных с управлением юридическим лицом, за нарушение особых «управленческих»³¹⁸ и иных корпоративных обязанностей контролирующими лицами и иными субъектами

³¹⁶ Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 4 - 30.

³¹⁷ Сидоров Д.А. Добросовестность как новый тренд в оспаривании сделок в обществах с ограниченной ответственностью по корпоративным основаниям // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 175.

³¹⁸ См., например: Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. N 2. С. 181 - 191; Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 63 (автор гл. I - И.С. Шиткина);

корпоративных правоотношений. Это предопределяет ее многие специфические черты и особенности применения, получившие отражение и развитие в судебной практике³¹⁹.

Таким образом, считаем вполне обоснованным рассматривать корпоративную ответственность в качестве особой разновидности гражданско-правовой ответственности, реализуемой в рамках частноправовых отношений. Вместе с тем, специфика корпоративных правоотношений предопределяет и устанавливает особые черты корпоративной ответственности. Она, конечно, имеет частноправовую природу, вместе с тем, специфика субъектного состава, цели ее применения, механизма реализации позволяет об отраслевых особенностях корпоративной ответственности как разновидности частноправовой ответственности.

Сформулируем базовые, сущностные выводы в рамках рассматриваемой проблематики.

1. Корпоративный конфликт является наивысшей точкой столкновения интересов акционеров, а также иных лиц. Его суть заключается в состоянии максимальной угрозы собственности, заставляя лицо действовать в ее защиту, что выливается в определенную форму противостояния.

2. Нормы права, регулирующие межакционерные отношения, заключают в рамки ситуацию перманентного конфликта интересов участников в увеличении собственного капитала, наделяют их определенной самостоятельностью по вопросам внутреннего взаимодействия. С помощью права представляется возможным вычленив истинный интерес акционера, подробно рассмотрев цепочку действий от возникновения конфликтной ситуации до реального экономического результата, наступления которого просит лицо.

3. Установлено, что разграничение ответственности контролирующих

³¹⁹ Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48 - 65.

лиц на гражданско-правовую и корпоративную является спорным вопросом, однако считаем необходимым при анализе в целом возможных видов ответственности контролирующих лиц говорить и о том, и о другом виде частноправовой ответственности. Так как гражданско-правовая (договорная и деликтная) ответственность связана непосредственно с заключаемой сделкой, в совершении которой имеется заинтересованность, и в целом на современном этапе правового регулирования более глубоко разработана и наиболее часто применяется судами. Но и несмотря на дискуссионность такой категории, как корпоративная ответственность, ее также необходимо иметь в виду, анализируя статус контролирующих лиц. Так как при нарушениях, допускаемых контролирующими лицами при совершении корпорацией сделки, необходимо не только взыскивать убытки в рамках гражданско-правовой ответственности, но и не упускать из вида статус контролирующего лица в корпорации.

Считаем, что чем больше в руках контролирующего лица сосредоточено контроля над обществом, тем более серьезные меры ответственности должны применяться по отношению к нему, что представляется вполне логичным. Меры корпоративной ответственности четко не разработаны на данный момент, так же законодателем не установлены ситуации и субъекты, к которым данные меры могут применяться. Существует лишь некоторые примеры применения такой ответственности, как например предусмотренное в п. 6 ст. 84.2 ФЗ об АО ограничение для лиц на голосование акциями, составляющими более 30 % от приобретенных акций в порядке добровольного предложения до даты направления в публичное акционерное общество обязательного предложения о выкупе акций.

4. Представляется логичным привлечение контролирующих лиц к корпоративной ответственности за нарушения, допущенные при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью, потому как вред наносится не только контрагенту по сделке, но и самому обществу. Безусловно, он может быть возмещен в имущественном эквиваленте в виде убытков в рамках

гражданско-правовой ответственности. Однако такое возмещение не отражает всего спектра взаимоотношений, складывающихся между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией.

5. Как было отмечено ранее, косвенный иск – механизм корпоративно-правовой защиты. Для соблюдения баланса интересов контролирующего лица и подконтрольного общества видится необходимым применение мер корпоративной ответственности в отношении лица, обладающего контролем. Например, при нарушении контролирующим лицом обязанностей, связанных с совершением корпорацией сделок с заинтересованностью, как-то отсутствие уведомления о заинтересованности, или же наличие в действиях контролирующего лица недобросовестного поведения по отношению к подконтрольной корпорации, для мотивации действовать не только к собственной выгоде, но и действительно в интересах общества, было бы справедливо применять запрет на некоторое количество времени (в зависимости от того, насколько серьезные последствия для корпорации повлекло нарушение контролирующего лица) на голосование определенным количеством долей/акций, которые и давали лицу контроль над обществом. Таким образом, возможность участия в деятельности общества будет сохраняться у формально контролирующего лица, но возможность определять решения своими действиями будет исключена. Такая мера ответственности, конечно, более сурова, чем возмещение убытков, и связана с ограничением корпоративных прав участника, однако позволяет восстановить баланс интересов между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией.

Глава 4. Обжалование и недействительность сделок, в совершении которых имеется заинтересованность

4.1. Основания и круг лиц, обладающих правом на предъявление иска о признании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность

В доктрине корпоративного права В.К. Андреев обоснованно указывает, что «положения ГК РФ о недействительности сделок применяются к договорам, если иное не установлено правилами об отдельных видах договоров и ст. 431.1 ГК РФ»³²⁰.

«Дифференциация как способов, так и процессуальных форм защиты в сфере гражданской юрисдикции осуществляется на основании природы спорного правоотношения. Она может быть частноправовой или публично-правовой»³²¹.

«Сделки, порождающие конфликт интересов в наивысшей его стадии, имеют сложную структуру и связаны с приобретением именно корпоративного контроля. Наличие большого количества изначально и впоследствии заинтересованных сторон в процессе сделок с акциями, особенно влияющих на контроль в обществе, само по себе характеризуется некой всеобщностью, что, в свою очередь, предопределяет необходимость рассмотрения поставленного вопроса комплексно и многогранно»³²².

Законодательно предусмотрено два основания для признания рассматриваемого института сделок недействительными, которые

³²⁰ Андреев В.К. Толкование договора в соотношении со сделкой и обязательством // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 55 - 62

³²¹ Михайлова Е.В. Процессуальная форма разрешения корпоративных споров: материальный и процессуальный аспекты // Администратор суда. 2024. № 4. С. 4.

³²² Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168 - 174.

применяются в совокупности. Главное – причинение ущерба интересам общества. При этом контрагент знал или должен был знать о том, что сделка совершена при наличии конфликта интересов, и в отсутствие согласия на ее совершение. Вместе с тем недоказанность осведомленности стороны сделки неполучении соответствующего согласия, не является самостоятельным основанием для ее оспаривания.

«Определение, что же является интересом общества с ограниченной ответственностью в сделке, в совершении которой имеется заинтересованность, является важным элементом правового регулирования таких сделок, так как нарушение интереса корпорации является обязательным условием, с которым закон связывает возможность признать сделку недействительной»³²³.

Институт сделок с заинтересованностью в 2017 году подвергся существенным изменениям. В настоящее время такая сделка не требует обязательного согласия на заключение договора другими органами общества, в связи с чем его отсутствие, без установления факта причинения ущерба интересам общества, само по себе основанием для признания сделки недействительной не является.

Как неоднократно отмечалось, если сделка с заинтересованностью была совершена с нарушением требований законодательства, то она является оспоримой и может быть признана недействительной в силу п. 2 ст. 174 ГК РФ.

Действующее законодательство устанавливает информационные обязанности заинтересованных лиц по информированию общества о своей заинтересованности и о совершении такой сделки. При нарушении указанной обязанности и при отсутствии надлежащего одобрения сделки установлена презумпция того, что сделкой причинен ущерб интересам юридического лица,

³²³ Борисенко А.В. Нарушение интереса общества с ограниченной ответственностью при совершении сделки, в которой имеется заинтересованность, в практике Верховного Суда РФ // Закон. 2020. № 11. С. 89.

и, соответственно, она может быть признана недействительной.

В первую очередь, необходимо доказать, что участник сделки знал или должен был знать о наличии заинтересованности в сделке и об отсутствии согласия на ее совершении. Бремя доказывания указанных обстоятельств возложено истца.

Уточним, что отсутствие решения об одобрении сделки с заинтересованностью не является абсолютным основанием для признания сделки недействительной.

Так, ООО «Селект» обратилось в суд с исковым заявлением к ООО «Лук Модэлс Раша» о признании недействительными договоров займа, заключенных между бывшим генеральным директором ООО «Лук Модэлс Раша» и ООО «Лук Модэлс Раша».

В ходе судебного заседания истец, являющийся участником ООО «Лук Модэлс Раша» с долей в размере 24% уставного капитала, в обоснование своих требований ссылаясь на отсутствие решения об одобрении оспариваемых договоров, в котором присутствуют признаки заинтересованности.

Арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области установил признаки заинтересованности в оспариваемых сделках. Доказательств уведомления о сделке ООО «Селект», а равно доказательств ее одобрения, на рассмотрение суду не представлено, в связи с чем исковые требования удовлетворил.

Однако суд апелляционной инстанции данную позицию не поддержал и отменил принятое решение. При вынесении нового решения Тринадцатый арбитражный апелляционный суд проанализировал договоры на предмет наступления неблагоприятных последствий для ООО «Лук Модэлс Раша». Учитывался как реальный характер займов, так и финансовое состояние общества, и то, что заемные денежные средства направлялись на погашение долгов по расчетам с контрагентами и работниками, т.е. имелась необходимость в их совершении.

Поскольку судом не установлены обстоятельства, подтверждающие причинение убытков ООО «Лук Модэлс Раша» или его участнику (истцу), наступление иных неблагоприятных последствий в результате совершения указанных договоров, в удовлетворении заявленных требований истцу отказано³²⁴.

Таким образом, суды при разрешении спора, должны установить в действительности ли оспариваемой сделкой причинены убытки хозяйственному обществу и отвечает ли она его интересам.

Отсутствие согласия при недоказанности вышеуказанных обстоятельств, не повлияет на принятие судом решения о признании договора недействительным.

Однако в практике не исключена вероятность возникновения ситуаций, когда сделкой, согласованной надлежащим образом, хозяйственному обществу причинены убытки.

Так, Арбитражный суд Алтайского края, удовлетворяя исковые требования о признании недействительной сделки, совершенной между ОАО «Кучуксульфат» и ИП Гамаюновым В.И. на оказание услуг по детективно-информационному обслуживанию, обеспечению экономической безопасности ОАО «Кучуксульфат» на 2020 год и применении последствий недействительности сделки, пришел к выводу, что наличие одобрение сделки с заинтересованностью не свидетельствует об ее законности, поскольку имеются доказательства причинения ущерба интересам общества.³²⁵

Положение о том, что основополагающим основанием для оспаривания сделки является причинение ущерба интересам юридического лица порождает вопрос о признании ее таковой при наличии ущерба интересов его участников.

Согласно п. 7 Обзора судебной практики по некоторым вопросам

³²⁴ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.09.2022 № 13АП-16506/2022 по делу № А56-110139/2021 // СПС «Консультант Плюс».

³²⁵ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 15.03.2023 № 07АП-1068/2023 по делу № А03-12355/2020 // СПС «Консультант Плюс».

применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.12.2019 (далее – Обзор Президиума ВС РФ) сделку общества можно признать недействительной по иску участника и в том случае, когда она не является разумно необходимой для хозяйственного общества, совершена в интересах лишь части его участников и причиняет неоправданный вред остальным участникам общества, не выразившим свое согласие на совершение соответствующей сделки. В данном случае суды не учитывают факт того, понес ли сам хозяйствующий субъект убытки.

Устав юридического лица или корпоративный договор могут предусматривать порядок получения согласия. Так, в одном из случаев, Восьмой арбитражный апелляционный суд, ссылаясь на п. 17 вышеуказанного обзора, установил, что сделки, являющиеся предметом судебного спора, совершены в интересах только одного участника и не отвечают интересам другого участника общества – истца, который своего согласия на заключение указанных сделок не выражал.³²⁶

Итак, сделка признается недействительной и в том случае, она не является для него разумно необходимой и совершена в интересах лишь части его участников. Вместе с тем подобная судебная практика встречается довольно редко. Как правило суды при принятии подобных решений все же ставят акцент на ущерб, причиненный самому обществу. Так, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 15.07.2023 № 15АП-8990/2023 по делу № А53-33562/2022 при аналогичной ситуации в удовлетворении апелляционной жалобы отказал ввиду недоказанности причинения ущерба обществу.

Таким образом, законодателем определены обстоятельства для признания сделки недействительной. Вместе с тем, основополагающим является все-таки причиненные хозяйствующему субъекту убытки. В

³²⁶ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 04.10.2022 № 08АП-7927/2022 по делу № А70-241/2022 // СПС «Консультант Плюс».

рассматриваемых спорах ни осведомленность стороны сделки, ни отсутствие согласия, юридического значения не имеет, при доказанности ущерба.

Далее видится необходимым перейти к правовому анализу круга лиц, обладающих правом на предъявление иска о признании сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, недействительными.

Рассматриваемая категория сделки признается недействительной по требованию общества, члена совета директоров или его участников (акционеров), обладающих не менее чем 1% общего числа голосов участников (голосующих акций общества).

Иск о признании такой сделки недействительной могут подавать само общество, член совета директоров общества или его акционер (участник), владеющий в совокупности не менее чем одним процентом голосующих акций (не менее чем одним процентом общего числа голосов участников) (абз. 2 п. 1 ст. 84 Закона об АО, абз. 2 п. 6 ст. 45 Закона об ООО).

В положениях Закона об акционерных обществах и Закона об обществах с ограниченной ответственностью установлено, что акционер (участник) общества, отвечающий установленным признакам, признается заинтересованным в заключении сделки. Это может быть как контролирующее лицо, так и любой участник (акционер) в силу его участия в деятельности юридического лица. Тем самым законодателем определен закрытый перечень лиц, обладающих статусом заинтересованного лица.

Если буквально толковать вышеприведенные нормы, то акционер (участник) общества вправе оспаривать рассматриваемую сделку, даже тот, кто заинтересован в ее совершении. С данным положением трудно согласиться, поскольку в таком случае утрачивается сам смысл предъявления требования о признании сделки с заинтересованностью недействительной. Таким образом, данный подход является неразумным.

Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда

Российской Федерации дано разъяснение по этому поводу³²⁷. Так, согласно положениям материального права уполномоченными лицами по предъявлению заявлений о признании сделок с заинтересованностью недействительными являются лишь те акционеры и участники хозяйственных обществ, у которых отсутствует интерес в ее заключении. Кроме того, правом на оспаривание обладает и лицо, наделенное полномочиями на принятие решения о согласии на ее совершение или на отказ в совершении сделки с признаками заинтересованности. В данном случае суды руководствовались прежде всего нормами, установленными действующим специальным законодательством.

Вместе с тем следует учитывать факт обладания лицом формального статуса заинтересованного лица. Не исключены ситуации, при которых акционер или участник хозяйствующего субъекта не обладает интересом отличным от интереса самого юридического лица. На практике возникают подобного рода случаи.

При наличии обстоятельств, когда заключенная обществом сделка с заинтересованностью существенно нарушает его интересы либо же заключена исключительно в интересах других участников (акционеров), заинтересованных в ее совершении, лицо, имеющее формальный интерес в сделке вправе подать исковое заявление о ее оспаривании. Отказ в предоставлении акционеру (участнику) такого права неправомерен. Это становится более очевидным в том случае, когда формальный интерес имеется у всех участников (акционеров) юридического лица.

Стоит учитывать, что процент голосующих акций или голосов определяется от их количества, принадлежащих именно незаинтересованным акционерам (участникам). Таким образом, лишь незаинтересованное в совершении сделки лицо наделен правом на предъявление требования о

³²⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2015 по делу № 305-ЭС14-8348, А40-407554/2013 // СПС «Консультант Плюс».

признании сделки недействительной и применения последствий признания ее таковой.

При обращении к федеральному законодательству можно наблюдать, что специальные законы дополнительно включают отдельных субъектов в круг лиц, обладающих правом на оспаривание. Так, в соответствии с Законом об акционерных обществах и Законом об обществах с ограниченной ответственностью члены наблюдательного совета хозяйственного общества обладают правом на оспаривание сделок с признаками заинтересованности.

Корпоративное законодательство тесно связано с гражданским законодательством, в связи с чем положение о праве членов совета директоров на признание сделки с заинтересованностью недействительной тесно связано с нормами, установленными ГК РФ.

Требованиями абз. 2 п. 4 ст. 65.3 ГК РФ закреплено право членов коллегиального органа управления хозяйственного общества на получение сведений о его деятельности и ознакомление с бухгалтерской и иной документацией, требование возмещения причиненного ущерба, оспаривание совершенных сделок по основаниям, определенным законодательством. Кроме того, указанные лица уполномочены заявлять требования о применении последствий их недействительности.

В требованиях вышеуказанной нормы содержится отсылка к другому положению гражданского законодательства, а именно к п. 2 ст. 65.2 ГК РФ, который регулирует порядок предъявления исковых заявлений участниками или акционерами обществ. Указанное положение порождает большое количество спорных моментов, связанных с применением отдельными субъектами права на признание сделок недействительными, возникающих при реализации членами наблюдательного совета своего права на оспаривание. Бесспорно, решение таких вопросов должно быть единообразным, во избежание возникновения противоречий. В этой связи анализ судебной практики позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, при предъявлении искового заявления об оспаривании

рассматриваемого института сделок членом совета директоров, последний действует от имени и в интересах самого общества.

Во-вторых, при наличии у него заинтересованности в совершении сделки, он вправе оспаривать ее по общим основаниям. В случае возникновения того факта, что член совета директоров голосовал за одобрение рассматриваемого института сделок не лишает его права на ее оспаривание.

В-третьих, лицо, утратившие статус члена наблюдательного совета не наделено правом на предъявление искового требования о признании сделки с заинтересованностью недействительной.

В-четвертых, момент приобретения статуса члена наблюдательного совета не влияет на право оспаривания сделки с заинтересованностью. Так, указанное лицо уполномочено на обращение в суд с требованием о признании договора недействительным, даже если на момент его совершения он не являлся членом совета директоров.

Более того, следует заметить, что, если субъект на момент заключения спорной сделки участником (акционером) хозяйственного общества не являлся, приобрел соответствующий статус уже после ее совершения, он также вправе предъявить иск в суд о признании сделки недействительной.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации данное положение подтверждено. В пп. 2 п. 7 указанного судебного акта определено, что отказ в удовлетворении требований лица, не являющегося участником (акционером) юридического лица на момент совершения сделки с элементами заинтересованности, неправомерен.

С данным положением трудно не согласиться, поскольку оно фактически дублирует общее положение о переходе прав на доли (акции) к участнику (акционеру), к которому в данном случае переходит и вся совокупность прав, следующих из долей (акций). Также оно придает новому участнику (акционеру), приобретающему доли (акции) некую защиту в случае, если оспариваемый договор оказывает влияние на осуществление последним своих корпоративных прав.

Так, решением Арбитражного суда Московской области от 18.06.2018 по делу № А41-5747/18³²⁸ договор купли-продажи доли ООО «Ассортимент-Авто», заключенный на явно невыгодных условиях для общества и его участников признан недействительным по иску лица, не являвшегося участником ООО «Ассортимент-Авто» на момент совершения оспариваемой сделки с элементами заинтересованности.

Десятый арбитражный апелляционный суд с доводами суда первой инстанции согласился и оставил решение без изменения, жалобу без удовлетворения³²⁹.

Подобного рода практика не является исключением. Напротив, можно встретить достаточно много споров, которые разрешаются в пользу новых участников (акционеров).

Так, Первый арбитражный апелляционный суд в постановлении от 06.08.2020 № 01АП-1248/2020 по делу № А43-11815/2019³³⁰ признал недействительными договоры отчуждения недвижимого имущества, установив, что отчуждение имущества уменьшило действительную стоимость доли истца. Факт того, что истец на момент отчуждения недвижимого имущества являлся участником общества, не повлек за собой отказа в удовлетворении иска, ввиду того, что отсутствие у него статуса участника общества на день совершения сделки не исключает его право на ее оспаривание после приобретения указанного статуса.

Резюмируя все вышеизложенное, участник или акционер хозяйственного общества, приобретший статус до заключения сделки с заинтересованностью, обладает правом на ее оспаривание, при наличии установленных законом оснований, наравне с участниками (акционерами),

³²⁸ Постановление Арбитражного суда Московской области от 18.06.2018 по делу № А41-5747/18 // СПС «Консультант Плюс».

³²⁹ Постановление Десятого Арбитражного апелляционного суда от 21.09.2018 № 10АП-11181/2018 по делу № А41-5747/18 // СПС «Консультант Плюс».

³³⁰ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2020 № 01АП-1248/2020 по делу № А43-11815/2019 // СПС «Консультант Плюс».

действующими на момент ее заключения. Данное положение достаточно разумно, поскольку цель введения указанного института заключается в защите интересов как самого юридического лица, так и его участников (акционеров).

В рассматриваемых случаях требование формально предъявляется самим обществом, в лице его участников или акционеров. Главным условием для подачи искового заявления о признании рассматриваемой категории сделок недействительными, является сам статус акционера или участника и необходимое количество голосующих акций или долей. Момент его приобретения на удовлетворение требований не влияет.

В то же время возникает вопрос относительно участника (акционера), который на момент рассмотрения спора указанным статусом не обладает, но вместе с тем являлось таковым в период совершения сделки с элементами заинтересованности.

Конечно, в большинстве случаев совершенная сделка права бывшего участника (акционера) более не нарушает, его законные интересы не затрагивает, и, следовательно, такое лицо теряет право на оспаривание договора с заинтересованностью от имени общества и в его интересах. Однако нельзя однозначно утверждать об отсутствии у него оснований для предъявления соответствующих требований.

Не исключено возникновение на практике ситуаций, когда заключенная сделка затрагивает интересы участника (акционера), действовавшего на момент ее совершения, но утратившего статус на день ее оспаривания. И в таком случае встает вопрос о том, наделен ли данный субъект соответствующим правом на оспаривание сделки, в совершении которой имеется заинтересованность.

Позиция находит свое отражение и в действующем законодательстве, которое предусматривает ряд обстоятельств, при которых лица, не обладающие статусом участника (акционера) хозяйственного общества, самостоятельно реализовывают свое право на защиту интересов.

Отдельное внимание стоит уделить договору залога прав акционера или

участника общества. По общему правилу, которое не является абсолютным, при залоге акций права по ним осуществляет залогодатель, то есть сам акционер. На законодательном уровне определено, что договором может быть установлен иной подход, предусматривающий переход прав залогодержателю.

Для обществ с ограниченной ответственностью закреплено отличное от акционерных обществ правило. Полагаем, что при такой ситуации не исключается реализация корпоративных прав не только непосредственно участником хозяйственного общества, а их залогодержателем.

В доктрине отмечено, что «договор залога корпоративных прав устанавливает эффект контроля или управления заложенным активом».³³¹

Закон предоставляет право обратиться с требованием участнику, обладающему не менее чем 1% от общего числа голосов. Это положение можно толковать двояко. Если рассматривать его именно с точки зрения обладания правом голоса, то право обратиться в суд с этим требованием принадлежит участнику-залогодателю так как залогодержатель лишь реализует корпоративные права. Если же имеется в виду возможность осуществления этого права, то право на иск должно признаваться за залогодержателем.

Если в результате совершенной сделки был причинен ущерб обществу и, как следствие, всем его акционерам (участникам), то почему не каждый из них, вне зависимости от количества акций или размера доли, наделен правом предъявлять требование о признании такой сделки недействительной? Установив ценз, законодатель проигнорировал проблему определения количества голосующих акций (голосов) в обществе, которая так и не была решена к настоящему времени.

Данная проблематика заключается в том, что указанная величина не

³³¹ Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к ст. 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Логос, 2017. С. 421 – 422.

является неизменной. Наоборот, в разные периоды времени один процент от общего количества голосующих акций (голосов) в обществе может составлять разное число таких голосующих акций (голосов).

Совершенно очевидно, что названный один процент подлежит определению на момент, когда соответствующий акционер (участник) обратился в суд с иском об оспаривании сделки. Однако до сих пор неясно, что делать в ситуации, когда по ходу рассмотрения судом указанного иска доля этого акционера (участника) станет меньше закрепленного в законе лимита в один процент. Будет ли ему отказано в иске на этом основании? К настоящему времени соответствующей судебной практики отыскать не удалось.

Весьма непростой вопрос возникает в случае, если решение о согласии (одобрении) сделки с заинтересованностью принимается советом директоров, так как ни голоса заинтересованных, ни голоса не заинтересованных акционеров (участников) не учитываются. Это влечет полную неясность того, какие голосующие акции (голоса) необходимо учитывать при определении их общего количества и одного процента от искомой величины³³².

Допустимо было бы следовать ранее озвученной логике, согласно которой оспаривать сделку с заинтересованностью могут лишь участвующие в голосовании не заинтересованные акционеры (участники), а потому и в случае с принятием решения советом директоров при исчислении общего количества голосов необходимо учитывать лишь голоса не заинтересованных лиц, даже если они фактически не принимают участие в голосовании.

Однако парадокс заключается в том, что законодательством не предусмотрено правило, в соответствии с которым правом на оспаривание сделки с заинтересованностью обладают исключительно незаинтересованные в ней акционеры (участники) общества, хотя такое правило соответствует требованиям формальной логики и даже нашло свое отражение в одном из

³³² См.: Ильичева М.М. Правовые аспекты одобрения сделок с заинтересованностью советом директоров общества // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 82.

судебных актов Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, где было указано, что в материальном смысле правом на обращение с исковым заявлением о признании сделки с заинтересованностью недействительной наделяется не любой участник общества, а только тот, кто не заинтересован в ее совершении и наделяется полномочиями на принятие корпоративного решения об одобрении (неодобрении) такой сделки³³³.

Но что делать в том случае, если участник (акционер), который по формальным признакам признается заинтересованным лицом, фактически такой заинтересованности не имеет, а совершаемая сделка нарушает его интересы наряду с интересами незаинтересованных лиц и всего общества в целом? Не стоит также забывать о том, что бывают ситуации, при которых заинтересованными лицами признаются все участники (акционеры). Тогда правильность ранее озвученного подхода по учету голосов лишь незаинтересованных лиц перестает быть столь очевидной.

Отдельными специалистами с целью поиска выхода из тупикового на первый взгляд положения предлагается внести изменения в Законы об АО и ООО, которые бы предусматривали, что при оспаривании незаинтересованным акционером (участником) сделки с заинтересованностью необходимо учитывать соотношение количества принадлежащих такому лицу голосующих акций (голосов) с количеством голосующих акций (голосов), принадлежащих всем незаинтересованным акционерам (участникам)³³⁴.

Стоит также рассмотреть вопрос о праве лиц, обладающих статусом акционера или участника общества, на оспаривание сделки с элементами заинтересованности, когда указанные лица – контрагенты по сделке.

³³³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2015 года « 305-ЭС14-8348 по делу А40-107554/2013 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.05.2024).

³³⁴ Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. С. 170.

Как уже было сказано неоднократно, основной целью специальных законов о хозяйственных обществах, которые в том числе регулируют правоотношения, связанные с институтом сделок с заинтересованностью, является, в первую очередь, защита прав и интересов самого хозяйствующего субъекта и, как следствие, прав его акционеров (участников). Исходя из данного положения, можно предположить, что контрагент не наделен правом на оспаривание сделки, в силу его прямого участия в ее заключении. С этим трудно не согласиться, поскольку презюмируется, что лицо, совершившее сделку, должно было полагать, что она полностью отвечает его интересам и как следствие не может нарушать его права. В данной ситуации оспариваемый договор может не соответствовать лишь интересам других участников (акционеров), не принимавших участие в ее заключении. В связи с вышесказанным невозможно сомневаться в обоснованности указанной позиции.

В оправданности установления ценза в размере одного процента нельзя быть однозначно уверенным, так как это не вполне согласуется с самой идеей института сделок с заинтересованностью.

Ведя речь про проблемы нормативного регулирования порядка оспаривания сделок, осложненных конфликтом интересов, важно также отметить не совсем целесообразное, с точки зрения автора исследования, ужесточение требований к установлению начала течения срока исковой давности.

На практике также возникает вопрос обладает ли правом на оспаривание акционер (участник) хозяйственного общества, голосовавший за заключение сделки с заинтересованностью.

В настоящем диссертационном исследовании уже отмечалось, что отсутствие согласия (одобрения) не является безусловным основанием для признания сделки недействительной, поскольку порядок обязательного согласования действующим законодательством более не предусмотрен.

Анализ внесенных изменений позволяет сделать вывод, что выраженная

акционером (участником) хозяйствующего субъекта воля одобрить сделку, с элементами заинтересованности не имеет в данном случае значения, и, следовательно, наличие или отсутствие согласия на ее заключение на возникновение права на оспаривание заключенной сделки не влияет.

Стоит отметить, что действующее законодательство также наделяет и прокурора правом на предъявление искового заявления о признании сделок с заинтересованностью недействительными.

Полномочия прокурора в данной сфере закреплены как в федеральном законодательстве, а именно в Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1³³⁵, так и в организационно-распорядительных документах, принимаемых Генеральным прокурором Российской Федерации и прокурорами субъектов Российской Федерации.

Так, участие прокурора в судебных заседаниях условно можно поделить на две группы: вступление в процесс для дачи заключения и подача искового заявления в целях защиты прав граждан и охраняемых законом интересов общества и государства.

Следовательно, прокурор вправе реализовать свое право на обращение в арбитражный суд с требованием о признании сделки с заинтересованностью недействительной, если оспариваемой сделкой затронуты общественные или публичные интересы.

Необходимо отметить, что Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации³³⁶ (далее – АПК РФ) право на оспаривание рассматриваемого института сделок довольно ограничено. Положениями ч. 1 ст. 52 АПК РФ прокурор наделен правом на обращение в суд о признании недействительными лишь тех сделок, в которых одной из сторон являются органы государственной власти Российской Федерации, органы местного

³³⁵ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 20.11.1995. № 47. ст. 4472.

³³⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.

самоуправления, государственные и муниципальные унитарные предприятия, а также юридические лица, в уставном капитале которых есть доля участия Российской Федерации, ее субъектов или муниципальных образований.

Вместе с тем данная позиция законодателя не находит поддержки со стороны юристов-правоведов.

Так, согласно позиции Н.С. Ефремова, данная законодательная конструкция вступает в противоречие с конституционными положениями о юридическом равенстве всех форм собственности, равном признании и защите. Рассматриваемая норма закона наделяет прокурора правом на обращение с исковым заявлением в суд в защиту интересов государства, когда оно выступает в качестве рядового участника гражданских правоотношений, а также правом оспаривания сделок с участием хозяйствующих субъектов при наличии в их уставном капитале доли публично-правовых образований. По мнению Н.С. Ефремова хозяйственное общество остается субъектом частной собственности даже если весь уставный капитал принадлежит государству или муниципальному образованию.³³⁷

Автор полагает, что в данном случае само государство является обычным акционером (участником), и не имеет приоритетных прав по отношению к правам других акционеров (участников). Следовательно, те организации, в уставном капитале которых имеется доля участия публично-правовых образований, обладают неким приоритетом и получают поддержку в лице органов прокуратуры при нарушении их прав и законных интересов. В связи с чем, Н.С. Ефремов приходит к выводу о несостоятельности данной конструкции, отраженной в ст. 52 АПК РФ, приводящей к юридическому неравенству хозяйственных обществ, в которых доля участия государства отсутствует.

Вместе с тем стоит отметить довольно малое количество судебной практики, где в качестве истца выступает прокурор в защиту прав и интересов

³³⁷ Ефремов Н.С. Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе. Дис. канд. юрид. наук. 12.00.15. СГЮА. Саратов. 2013. С. 12.

хозяйственных обществ. Таким образом, несмотря на законодательное закрепления указанного права, на практике оно реализуется достаточно редко.

Кроме того, правом подачи искового заявления обладает так же конкурсный управляющий. Однако анализ судебной практики не позволяет сделать однозначный вывод о том, от чьего имени конкурсный управляющий вправе обращаться с иском.

Можно выделить две позиции относительно права конкурсного управляющего.

Одна из них заключается в том, что конкурсный управляющий обладает правом на обращение с иском в суд о признании сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, лишь от имени хозяйственного общества. В обосновании данной позиции суды обращаются к специальному законодательству, регулирующему процедуру банкротства.

Порядок и условия проведения процедур банкротства урегулированы Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ)³³⁸. В соответствии с п 2 ст. 126 Закона № 127-ФЗ, в случае признания должника банкротом и открытия процедуры конкурсного производства полномочия его руководителя и органов управления подлежат прекращению.

Положения ст. 129 Закона № 127-ФЗ, регламентируют полномочия конкурсного управляющего, где также можно заметить, что все полномочия органов управления на период введенной процедуры переданы конкурсному управляющему – замещающему лицу.

Следовательно, при предъявлении требований о признании сделки с признаками заинтересованности недействительной, конкурсный управляющий выступает в качестве органа должника, а не самостоятельного лица.

Так, Арбитражный суд Поволжского округа, руководствуясь нормами

³³⁸ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 28.10.2002. № 43. ст. 4190.

ст. 61.9 Закона № 127-ФЗ установил, что оспорить сделку с заинтересованностью конкурсный управляющий от своего имени не вправе. Требование о признании договора недействительным может быть предъявлено последним либо по своей инициативе, либо по решению общего собрания кредиторов лишь от имени юридического лица – должника.³³⁹

Однако не исключены случаи, когда суды признают право конкурсного управляющего подавать иски от своего имени. Так, суды, придерживаясь данной позиции указывают, что конкурсный управляющий должен узнать об оспариваемых сделках с момента его назначения арбитражным судом, таким образом признавая его право на подачу искового заявления от своего имени.³⁴⁰ Однако подобная практика на сегодняшний день встречается довольно редко.

К сожалению, в рамках корпоративного законодательства ярко выражена тенденция по повышению правовой защиты прав мажоритарных участников в ущерб правам миноритариев³⁴¹.

Примером может служить уже упомянутое автором ранее ограничение прав миноритарных акционеров (участников) на возможность подачи косвенного иска о признании сделки с заинтересованностью недействительной посредством установления минимального порогового значения владения голосующих акций (общего количества голосов участников).

Таким образом, можно прийти к выводу, что ограничение прав миноритарных участников, как неоднократно отмечалось в юридической литературе, стало полноценным и самостоятельным вектором развития корпоративного законодательства в сфере регламентации прав акционеров

³³⁹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.09.2021 № Ф06-42375/2018 по делу № А65-19935/2018 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁰ Постановление ФАС Поволжского округа от 08.11.2007 по делу № А72-7324/06 // СПС «Консультант Плюс».

³⁴¹ Перова Ю.А. Новеллы в законодательстве о крупных сделках и сделках с заинтересованностью // *Advances in law studies*. 2017. №. 4. С. 370.

(участников)³⁴².

При этом подобную тенденцию сложно оправдать необходимостью снижения возможностей по оспариванию корпоративных сделок, так как данная цель должна достигаться посредством уточнения оснований для оспаривания сделок и возложения обязанности по доказыванию дополнительных обстоятельств, а не путем ограничения прав миноритарных участников.

Установление количественного барьера блокирует для добросовестных миноритариев возможность оспаривать сделки с заинтересованностью, и одновременно с этим не решает проблему возможного злоупотребления со стороны тех участников, которые будут пользоваться своим положением по владению более одного процента общего числа голосов, чтобы направлять обществу несметное количество необоснованных исков.

По этой причине многие эксперты считают наиболее оптимальным закрепление в отношении сделок с заинтересованностью давно известного корпоративному праву критерия «невозможности повлиять на результаты голосования», так как любое установление конкретных порогов может привести к ситуациям, в которых такой порог будет или не в меру завышенным, или слишком заниженным³⁴³.

В связи с этим необходимо отметить, что законодателю стоит идти не по пути дискриминации миноритариев и ограничения их прав, а стараться обеспечивать оптимальный баланс интересов за счет равной защиты прав всех акционеров (участников) и увеличения количества способов такой защиты (взыскание убытков с лица, по вине которого была заключена сделка, предъявление требований об исключении его из организации и т.д.).

Единственным способом защиты прав и законных интересов общества

³⁴² См.: Ломакин Д.В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 28-34.

³⁴³ См.: Степанов Д.И. Новый режим оспаривания крупных сделок: реформа ради реформы? // Закон. 2015. № 9. С. 110-141.

является оспаривание соответствующий сделки, когда нарушение таких прав уже произошло, что также косвенно подтверждает тезис о том, что задача по предупреждению и предотвращению рисков нарушения интересов тех или иных хозяйствующих субъектов явно не стоит в приоритете у законодателя.

Целью существования рассматриваемого института теперь является скорее минимизация последствий совершенного нарушения, о чем некоторые исследователи указывали еще до его реформирования³⁴⁴. Неслучайно основополагающим условием признания сделки недействительной является факт причинения ущерба обществу в результате ее совершения.

Анализируя нормы отечественного законодательства, можно прийти к выводу, что многие из них направлены скорее на затруднение оспаривания сделок с заинтересованностью, чем на реальную защиту интересов общества и его участников.

Независимо от соблюдения правил о сделках с заинтересованностью, а также в случаях, когда такие правила были полностью соблюдены и сделка одобрена, такая сделка все равно может быть признана недействительной на основании п. 2 ст. 174 ГК РФ, если она повлекла для юридического лица неблагоприятные последствия.

Как обоснованно указывает в доктрине Н.М. Лакоценина, «большую роль в реализации требований Закона об ООО и Закона об АО, связанных с признанием исследуемых видов сделок недействительными, играют разъяснения Верховного Суда РФ»³⁴⁵.

Можно, к примеру, прийти к однозначному выводу, что по мере развития рассматриваемого института законодатель пришел к осознанию необходимости создания дополнительных правовых механизмов, затрудняющих порядок оспаривания сделок с заинтересованностью.

³⁴⁴ Тихомирова М. Ю. Совершение обществом с ограниченной ответственностью сделок с заинтересованностью и крупных сделок // Законодательство и экономика. 2010. № 9. С. 38.

³⁴⁵ См.: Лакоценина Н.М. Недействительность крупных сделок и сделок с заинтересованностью: доказывание и доказательства // Современное право. 2022. № 12. С. 82.

Тенденция на сокращение правовых возможностей признания таких сделок недействительными с очевидностью проглядывалась в свете принятия Закона № 343-ФЗ.

Сделки с заинтересованностью были признаны оспоримыми следками, на которые распространяются все правила ГК РФ о таких сделках, в том числе усложняющие процесс их оспаривания. К довершению всего в Законы об АО и ООО были внесены и другие специальные условия, целью которых было также затруднить оспаривание сделок с заинтересованностью.

Среди основных установленных законом ограничений для оспаривания сделки с заинтересованностью можно выделить:

1) недопустимость восстановления пропущенного срока исковой давности для оспаривания такой сделки;

2) лишение права на оспаривание такой сделки акционеров (участников), которые обладают менее чем одним процентом голосующих акций (одним процентом общего числа голосов участников);

3) отказ от необходимости получения обязательного предварительного согласия уполномоченного органа на совершение сделки, а также установление правила, в соответствии с которым отсутствие такого согласия не влечет автоматической недействительности такой сделки;

4) квалификация факта причинения ущерба интересам общества в качестве доминирующего основания в целях оспаривания сделки с заинтересованностью;

5) установление обязанности по доказыванию того факта, что контрагент по сделке знал или должен был знать о нарушении порядка одобрения последней или явном ущербе для общества;

6) возможность исключить применение действующих правил о сделках с заинтересованностью путем внесения соответствующих положений в устав, сделав в принципе невозможным оспаривание таких сделок в порядке оспаривания сделок с заинтересованностью.

Сформулируем основные выводы по параграфу.

1. Единственным правовым механизмом, направленным на упрощение процесса оспаривания сделок с заинтересованностью, является закрепленная законом обязанность заинтересованных лиц по информированию общества о своей заинтересованности, так как в случае нарушения данной обязанности и при отсутствии одобрения сделки будет действовать презумпция причинения ущерба интересам общества.

2. Итак, «законодателем определен достаточно большой круг лиц, обладающих правом на защиту интересов путем предъявления требований в суд, и при его определении недостаточно руководствоваться лишь специальными законами, регулирующими деятельность хозяйственных обществ. Вместе с тем наделение отдельных субъектов указанным правом все еще вызывает дискуссии как в юридической литературе, так и в практике»³⁴⁶.

3. Таким образом, в рамках регламентации оснований и порядка оспаривания сделок с заинтересованностью имеется значительная неопределенность правовых предписаний, что также требует соответствующей доработки и уточнений со стороны законодателя в целях придания единообразия судебной-арбитражной практике.

4.2. Применение исковой давности при оспаривании сделок с заинтересованностью

Обратим внимание на справедливость сформулированных в науке мыслей, что «необходимо признать, ... в 2020 - 2023 годах экономическая система нашей страны находится в кризисном состоянии, что отрицательно сказалось на состоянии корпораций и нарушении прав участников и третьих лиц»³⁴⁷.

³⁴⁶ Нарайкин О.В. Субъектный состав оспаривания сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: правоприменительный аспект // Юридический мир. 2024. № 2. С. 43.

³⁴⁷ Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных

К сожалению, соглашаясь с профессор А.Н. Левушкиным, следует указать что эта отрицательная тенденция продолжилась в 2024 году, но есть надежда стабилизации экономических отношений и корпоративной практики. Конечно, споры о признании недействительными сделок с заинтересованностью являются корпоративными спорами, рассмотрение которых относится к компетенции арбитражных судов, в этой связи требование о соблюдении порядка обязательного досудебного регулирования указанных правоотношений на них не распространяется.

При оспаривании рассматриваемого института сделок, доказыванию подлежат ряд обстоятельств. Так, в первую очередь судам необходимо удостовериться в наличии у лица права на обращение с требованием о признании сделки с заинтересованностью недействительной. Кроме того, следует предоставить материалы, подтверждающие факты нарушения порядка заключения оспариваемой сделки и явную заинтересованность в ней. Поскольку главным основанием для признания сделки с признаками заинтересованности является причинение убытков юридическому лицу и, как следствие, ущемление имущественных интересов отдельных его участников, при оспаривании соответствующей сделки необходимо также доказать наступления указанных событий, а также недобросовестность самого контрагента.

В структуру корпоративных интересов включаются интересы крупных акционеров, интересы работников организации, интересы лиц, участвующих в управлении организацией, и некоторых иных субъектов, заинтересованных в результатах хозяйственно-экономической деятельности юридического лица. Таким образом, корпоративные интересы представляют собой интегрирующее понятие³⁴⁸.

правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 169.

³⁴⁸ Антонова Е.Г. Экономические интересы в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 43.

Полагаем, что по мере исчезновения мотивации в рамках корпоративных отношений наступает глубокая рецессия на фоне снижения реальных доходов населения и перехода к осторожному потребительскому поведению (попытка сохранить текущее качество жизни и обратиться к сбережениям при благоприятном стечении обстоятельств). Частичная долларизация рынка не исключена, если она следует за инфляцией и девальвацией с некоторым запаздыванием³⁴⁹. В юридической литературе не единожды акцентировалось внимание на проблеме существования необоснованного разнообразия в правовом регулировании фактически одних и тех же отношений, а вследствие проведенной реформы данная проблема усугубилась, приобрела новые горизонты освоения. «Конечной задачей деятельности юридических лиц является получение прибыли их участников путем осуществления определенного вида предпринимательской деятельности. Однако права участников таких организаций также подразумевают право на участие в деятельности юридических лиц, контроль за ней и принятие соответствующих решений»³⁵⁰.

В данном случае суды, при рассмотрении спора, принимают все возможные допустимые доказательства, указывающие на взаимосвязанность сторон.

Отдельное внимание стоит уделить такому обстоятельству, входящему в предмет доказывания, как момент исчисления срока исковой давности на ее оспаривание, поскольку практика определения такого срока достаточно противоречива. Так, нередки случаи возникновения споров, связанных с исчислением момента, когда лицо, заявляющее в суд требование о признании договора с признаками заинтересованности недействительным, узнало или должно было узнать об обстоятельствах, являющихся основанием для

³⁴⁹ Нарайкин О.В. Применение ипотеки при долевом строительстве: тенденции и перспективы // Право и экономика. 2023. № 8. С. 23-28.

³⁵⁰ Левушкин А.Н. Реализация прав супругов при осуществлении деятельности юридического лица // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 49.

признания его таковым.

Кроме того, вызывает ряд вопросов доказывание факта, что лицо было осведомлено о том, что в заключенной сделке имеются элементы заинтересованности.

Положения Закона об акционерных обществах и Закона об обществах с ограниченной ответственностью закрепляют оспоримый характер рассматриваемых сделок. Вместе с тем специальный срок определения начала исчисления срока, в течение которого можно ее оспорить, в законодательстве не содержится.

В данном случае его исчисление осуществляется по общим правилам, установленным гражданским законодательством.

В нормах гражданского законодательства установлено, что срок исчисляется со дня, когда истец узнал или в силу своей предусмотрительности должен был узнать обо всех обстоятельствах, свидетельствующих о наличии оснований для признания сделки недействительной. Положения специального законодательства раскрывают понятие лица, наделенного правом на оспаривание сделок с заинтересованностью, определяя круг лиц, о которых шла речь в предыдущем параграфе настоящей диссертации.

При заявлении соответствующих требований, лица, наделенные правом на оспаривание, выступают в качестве представителя хозяйственного общества. Правом на обращение в суд в рассматриваемых случаях от своего собственного имени участники не наделены. Однако прямого указания об этом закон не содержит.

Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в одном из актов толкования отмечено, что участник общества, обратившийся в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ в суд от имени юридического лица с требованием о возмещении причиненного ему ущерба, а также об оспаривании совершенных обществом сделок и применении последствий признания их недействительными, в силу закона является его представителем, в том числе на стадии исполнения судебного решения. Истец в данном случае сама

организация³⁵¹.

Полагаем, что в большинстве случаев срок исковой давности может быть пропущен ввиду того, что в основном истцами в указанных спорах выступают участники (акционеры) корпорации или члены его коллегиального органа управления, и сама идея наделения их правомочием на оспаривание сделок с заинтересованностью не вполне оправдана.

Первоначально суды, поддерживая позицию Верховного Суда Российской Федерации, руководствовались положением взаимосвязанности момента исчисления срока исковой давности и осведомленности участников (акционеров) корпорации, заявивших требования о признании сделки недействительной, о нарушении порядка ее совершения или причинении ущерба интересам хозяйствующего субъекта. Суды полагали, что иной подход мог поставить участников или акционеров общества в невыгодное для них положение, тем самым реализация права на защиту значительно ограничивалась.

Следует учитывать распространение данного положения и в случаях, когда требование заявляется уполномоченным на то лицом. Если исковое заявление предъявляется членом совета директоров, срок исковой давности исчисляется с момента, когда последний был осведомлен о наступлении обстоятельств, явно свидетельствующих о причинении ущерба интересам общества, то есть об основаниях, для признания заключенного договора недействительным. В доктрине такое мнение суда не встретило безоговорочной поддержки.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода к определению момента исчисления срока исковой давности. Срок исчисляется в зависимости от субъекта, уполномоченного на оспаривание сделок с элементами заинтересованности.

³⁵¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Законом определен круг лиц, уполномоченных на подачу исковых заявлений о признании рассматриваемых сделок недействительными. Вместе с тем вероятна ситуация, когда один участник (акционер) узнал о том, что договор не отвечает его собственным интересам и интересам общества гораздо позже, чем иной участник (акционер). Вновь возникает вопрос о моменте исчисления срока исковой давности в рассматриваемом случае и возможно ли подстроить его течение в зависимости от лица, решившего оспорить заключение сделки. Ведь действительно, при предъявлении соответствующих требований, лицо должно исходить прежде всего из интересов юридического лица и выступает от его имени. Каждый истец преследует одну цель – защита интересов хозяйственного общества.

Ввиду отсутствия единообразного и четкого порядка определения момента исчисления сроков давности, заявления требований об оспаривании сделок с заинтересованностью, суды принимали не вполне справедливые решения, реализация права на защиту интересов общества и его участников (акционеров) была значительно осложнена.

В постановлении Пленума ВС РФ № 27 закреплено изменение ранее занимаемой позиции. Так, в соответствии с положениями судебного толкования, срок исковой давности по требованиям о признании сделки с заинтересованностью недействительной и применении последствий признания ее таковой, исчисляется со дня, когда единоличный исполнительный орган юридического лица узнал или должен был узнать о том, что оспариваемая сделка заключена с нарушением установленного порядка ее совершения, в том числе и в случае, если указанную сделку он совершал непосредственно.

В частности, Арбитражный суд Московской области при рассмотрении спора о признании актов взаиморасчетов, договора по передаче векселей недействительными, а также возврате сторон сделки в первоначальное положение, установил, что срок исковой давности по заявлению исчисляется с момента назначения нового единоличного органа хозяйственного

общества.³⁵² Данная позиция судов является достаточно распространенной.

При наличии сговора с другой стороной сделки, срок исковой давности для акционера или участника хозяйственного общества исчисляется со дня, когда вышеназванные лица узнали или должны были узнать об обстоятельствах, являющихся основаниями для признания сделки с заинтересованностью недействительной. В частности, суд при рассмотрении спора о признании договора недействительным установил, что сделка заключена в интересах директора, одновременно являющимся стороной и выгодоприобретателем. В этой связи суд пришел к выводу, что общие положения о порядке исчисления срока исковой давности в данном случае неприменимы. Таким образом, в целях его определения следует выяснить момент, когда о факте заключения оспариваемой сделки, в том числе об обстоятельствах ее заключения, узнал новый генеральный директор юридического лица.³⁵³

Обособление данных ситуаций достаточно целесообразно для защиты интересов самого хозяйствующего субъекта. Однако стоит заметить, что бремя доказывания сговора единоличного исполнительного органа и другой стороной сделки ложится на истцов, тем самым они находятся в достаточно сложном положении.

В целом анализ судебного толкования Верховного Суда Российской Федерации позволяет выделить объективные критерии определения начала течения срока исковой давности.

Во-первых, если сведения о заключении оспариваемой сделки размещены в открытом доступе в порядке, установленном законодательством о рынке ценных бумаг, презюмируется, что его акционеры (участники) должны были узнать о сделке с момента публичного раскрытия информации,

³⁵² Решение Арбитражного суда Московской области от 30.06.2021 по делу № А41-45026/20 // СПС «Консультант Плюс».

³⁵³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.04.2023 № Ф02-1432/2023 по делу № А58-2256/2018 // СПС «Консультант Плюс».

когда можно сделать вывод о нарушении порядка ее заключения.

Во-вторых, считается, что участник должен узнать о заключении сделки с нарушением порядка ее совершения не позднее даты проведения годового общего собрания по итогам года, в котором она заключена. Однако данное правило не является абсолютным. В частности, возникают случаи, когда из анализа материалов, исследуемых на общих собраниях, нельзя точно установить, что заключенная сделка с заинтересованностью не только не отвечает интересам корпорации, но и вовсе причиняет убытки юридическому лицу. Кроме того, не исключен факт сокрытия от участников информации о совершении сделки с заинтересованностью. Данные случаи составляют исключение из вышеуказанного положения.

Так, при рассмотрении спора, Арбитражный суд Уральского округа определил, что истцом срок исковой давности для обращения в суд не пропущен, поскольку сведения о заключении названного договора были намеренно скрыты банком от его участника, материалами дела не доказана объективная возможность участников общества узнать о совершенной сделке не позднее даты проведения годового общего собрания участников по итогам 2018 года.³⁵⁴

В-третьих, суды исходят из добросовестного поведения участника (акционера). Так, если последние не проявляли соответствующую степень разумности и предусмотрительности, выразившиеся в непринятии участия в общих собраниях в течение длительного периода времени, не интересовались о результатах деятельности хозяйственного общества, общее правило на них не распространяется. Так, презюмируется, что участник (акционер) должен был узнать о совершении оспариваемой сделки более года назад.

Действующим законодательством также установлено правило о недопустимости восстановления пропущенного срока исковой давности на оспаривание сделки с заинтересованностью.

³⁵⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.03.2021 № Ф09-9753/19 по делу № А60-13333/2019 // СПС «Консультант Плюс».

Ведя речь про проблемы нормативного регулирования порядка оспаривания сделок, осложненных конфликтом интересов, важно также отметить не совсем целесообразное, с точки зрения автора исследования, ужесточение требований к установлению начала течения срока исковой давности.

Решение общего собрания участников общества об одобрении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, может быть оспорено в суде в течение шести месяцев, а сделка, в которой имеется заинтересованность, в течение трех лет. Срок исковой давности по требованию о признании сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, недействительной восстановлению не подлежит. Другое дело, когда речь идет об обычном согласии на совершение сделки по ст. 157.1 ГК РФ, в этих случаях оно рассматривается как часть одобряемой сделки³⁵⁵.

В науке предпринимательского права справедливо установлено, что «споры о необходимости и эффективности положений о сделках с заинтересованностью во многом связаны с несовершенным правовым регулированием, а устранение существующих «болезней» в этой сфере поможет повысить их потенциал и востребованность»³⁵⁶.

Таким образом, в целях упорядочивания категорий, касающихся определения момента течения срока исковой давности, целесообразным является закрепление на законодательном уровне положений, рассредоточенных в судебных толкованиях.

Установление единых норм в специальных законах позволит выработать единую судебную практику и в дальнейшем усовершенствовать законодательство.

³⁵⁵ См. подробнее: Андреев В.К. Решение общего собрания участников непубличного общества об одобрении сделки с заинтересованностью // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 45 - 48.

³⁵⁶ Крылов В.Г. О некоторых проблемах применения положений действующего законодательства о крупных сделках и сделках с заинтересованностью (на примере анализа судебной практики) // Гражданское право. 2021. № 5. С. 25.

Заключение

По итогам изучения частноправового института сделок с элементами заинтересованности представляется необходимым сформулировать основные выводы и предложения.

Доказано, что институт сделок с заинтересованностью должен гарантировать защиту прав и законных интересов участников корпоративных правоотношений и минимизировать имущественные и неимущественные риски посредством установления особого порядка согласования таких сделок.

В представленном диссертационном исследовании уделено особое внимание категории лиц, заинтересованных в совершении сделки, их правового статуса, выявлены противоречия судебной практики в указанной сфере. Подробно описан порядок заключения института сделок с заинтересованностью. Рассмотрены вопросы относительно порядка признания сделок недействительными, отдельно отражены моменты, порождающие споры на практике. Кроме того, обозначены лица, наделенные в силу закона правом на оспаривание рассматриваемых сделок, к числу которых, в том числе, отнесен и прокурор. Ввиду значимости момента определения срока исковой давности порядок его исчисления в полной мере отражен в настоящей диссертации.

В работе приведено сравнение таких понятий как аффилированные и контролирующие лица. Установление формально-определенных признаков аффилированности и, главным образом, восприятие целесообразности более качественного системного анализа экономических и правовых связей между субъектами гражданского оборота определенно является стабилизирующим для предпринимательского сообщества фактором.

Нельзя не отметить, что несмотря на продолжительное существование в позитивном праве данного понятия, проблемы выявления его признаков, актуализированные ещё в прошлых десятилетиях, в значительном количестве

арбитражных дел остаются без должного внимания.

Конструкция «аффилированность», тяготеющая к отношениям экономической зависимости, в силу сложившейся в отечественном праве традиции не должна восприниматься как правовое средство разрешения конфликта интересов на основе признаков ситуативной скоординированности действий участников, в ином случае, любые экономические отношения, опосредуемые, главным образом, договорной формой, рискуют быть признанными следствием совместной деятельности аффилированных лиц.

Тем не менее, не может не вызывать оптимистических настроений в дальнейшем развитии положений об аффилированности постепенное формирование в правоприменительной практике доктрины группового интереса, более продуманных условий и признаков для применения соответствующих правовых средств, и механизмов – субординации требований кредиторов и материальной консолидации активов. Остаётся надеяться, что арбитражными судами действительно взят курс на более качественное, комплексное и системное исследование реально складывающихся предпринимательских отношений.

В настоящей работе рассмотрены недостатки установления положения о последующем одобрении рассматриваемых сделок, путем анализа практики арбитражных судов.

Определены положительные стороны реформы института сделок с заинтересованностью. В частности, перечень оснований, при которых установленный режим не подлежит применению, законодателем расширен, что поспособствовало уменьшению количества сделок, требующих соблюдения особого порядка их совершения, заключаемых в процессе обычной хозяйственной деятельности или на малозначительную сумму. Кроме того, достигнута определенность в круге лиц, предъявляющих требование в суд о признании сделок недействительными.

В целом указанный институт анализировался при сопоставлении действующих норм с положениями, регулирующими порядок их совершения

до внесения в них изменений, установлено в основном позитивное влияние новелл российского законодательства в указанной сфере. При этом не оставлены без внимания и недостатки указанных правоотношений.

Итак, определено, что действующее правовое регулирование сделок с заинтересованностью, является безусловной гарантией соблюдения прав и законных интересов как самого хозяйствующего субъекта, так и его участников. Разумеется, договор в первую очередь направлен на удовлетворение интересов юридического лица, однако, хоть и косвенно, затрагивает и интересы его участников.

Рассматриваемый частноправовой институт совсем недавно претерпел определенные законодательные изменения, однако все же требует восполнения пробелов действующего российского законодательства, внесения ряда дополнений, касающихся, в частности, порядка оспаривания указанных сделок, для создания единой судебной практики и устранения неясностей.

В работе большое внимание уделено судебной арбитражной практике и толкованиям Верховного Суда Российской Федерации, однако устранить круг рассмотренных проблем путем обращения исключительно к судебным актам и доктрине не представляется возможным.

В работе были всесторонне проанализированы правовые статусы контролирующего и подконтрольного лица при совершении корпорацией сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Было выведено положение о том, что влиять на принимаемые корпорацией решения могут как лица, фактически обладающие такой возможностью - лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания, бенефициарные владельцы, отдельная категория лиц, указанных в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ - имеющие фактическую возможность определять действия юридического лица, так и обладающие не только фактическим влиянием, но и формальным контролем - непосредственным контролирующие лица. Среди множества проанализированных критериев, разработанных в доктрине и судебной

практике, наиболее ясной и применимой для режима сделок с заинтересованностью представляется формулировка законодателя.

Очевидна тенденция отхода от размывания круга лиц, обладающих над корпорацией контролем. Это выразилось, в том числе, и в отказе от понятия «аффилированности» применительно к сделкам с заинтересованностью. Для участников гражданско-правового оборота - корпораций, участников обществ, контрагентов по сделкам - наиболее важна правовая определенность. Попадание сделки под риск оспоримости и признания недействительной из-за размытого круга контролирующих лиц - нежелательное последствие как для участников сделки, так и для членов общества. Именно поэтому необходимы четкие формальные критерии для признания лица контролирующим. В настоящий момент после реформирования частноправовой институт сделок с заинтересованностью наконец получил эти критерии - признание лица контролирующим по наличию возможности голосовать более 50 % голосов, а также по возможности формирования исполнительных органов.

Остальные лица, имеющие фактическое влияние на общество, безусловно, важны для иных институтов корпоративного права, например, банкротства. Однако в правовое регулирование процесса совершения обществом сделок с заинтересованностью смешение оснований возникновения контроля и влияния вносит неопределенность, при которой практически каждую сделку можно признать сделкой, в совершении которой имелась заинтересованность. Такое последствие, в свою очередь, затормаживает хозяйственную деятельность самой корпорации и препятствует изначальной цели, с которой она создавалась, - извлечению прибыли.

Таким образом, в данной диссертационной работе отдается предпочтение законодательному подходу при регулировании института контролирующих лиц.

Несмотря на имеющиеся пробелы в законодательстве, в работе отмечены и положительные аспекты введенной реформы института сделок с

заинтересованностью. В частности, исключено понятия «аффилированности», которое значительно облегчило жизнь хозяйственным обществам, в связи с освобождением от необходимости согласования сделок только лишь по формальным признакам заинтересованности. Ввиду применения категории контролирующего лица, взамен аффилированного, количество сделок с заинтересованностью, существенно сократилось.

В отношении порядка осуществления сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, выявлены сущностные черты (характеристики) и основные проблемы, требующие своего логического разрешения:

- закон об акционерных обществах не содержит требований об извещении единственного исполнительного органа о совершении сделки;
- возможность установления недопустимо короткого срока для направления уведомления о совершении сделки, что лишает правового смысла данную процедуру;
- право требования предоставления информации о сделке возникает лишь в том случае, когда последняя была совершена без получения необходимого согласия;
- несовпадение круга лиц, которых общество обязано информировать о планировании заключить сделку, с кругом лиц, обладающих правом требовать созыва собрания акционеров (участников) или проведения заседания совета директоров;
- правовая неопределенность порядка предъявления требований о созыве общего собрания акционеров (участников) и проведения заседания совета директоров с целью согласования совершения сделки;
- пробелы правового регулирования одобрения сделок, одновременно имеющим признаки как крупной сделки, так и сделки с заинтересованностью;
- предусмотрен неоправданно растянутый срок, предназначенный для доведения до общества информации о своей заинтересованности;
- отсутствие в Законе об ООО обязанности заинтересованных лиц уведомлять о своей заинтересованности единоличный исполнительный орган.

Исследуя вопрос о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования частноправового института сделок с заинтересованностью и перспективах отказа от такого регулирования, автор приходит к следующим выводам.

1. Законодательство о сделках с заинтересованностью имеет ряд недостатков, в том числе проанализированных в настоящем исследовании, а потому нуждается во внесении соответствующих корректировок, касающихся аспектов определения лиц, имеющих заинтересованность в совершении обществом сделки, порядка совершения сделок с заинтересованностью и предоставления информации о заинтересованности, а также порядка оспаривания сделок с заинтересованностью. Внесение изменений в законодательство в части устранения пробелов и несоответствий необходимо для того, чтобы повысить эффективность функционирования данного института.

2. Важной проблемой действующего нормативного регулирования остается его формальный подход, в результате которого лица, имеющие фактическую возможность оказывать влияние на принятие решения или заключение сделки, не признаются заинтересованными, так как они прямо не поименованы в законе.

При этом нельзя не отметить, что хотя закрепленные в законодательстве формальные критерии заинтересованности недостаточно оптимально позволяют выявлять конфликт интересов тех лиц, кто фактически задействован в принятии управленческих решений юридического лица, само их наличие безусловно способствует сохранению некоторой правовой определенности.

3. Если говорить о существующих тенденциях развития современного института сделок с заинтересованностью, то можно выделить следующие направления:

- унификация законодательства о сделках с заинтересованностью, имеющая фрагментарный характер;

- создание дополнительных правовых механизмов, направленных на сохранение сделок с заинтересованностью в силе и затруднение порядка их оспаривания;
- оптимизация соотношения императивных и диспозитивных начал законодательства о сделках с заинтересованностью;
- повышение правовой защиты прав мажоритарных участников в ущерб интересам миноритариев.

Дискуссионным также остается вопрос о пользе таких направлений развития рассматриваемого института, как увеличение диспозитивности регулирования и затруднение порядка оспаривания сделок с заинтересованностью.

Выявление же общих и особенных признаков сделок, осложненных конфликтом интересов, в юридических лицах различных организационно-правовых форм, а также последующая унификация соответствующих норм для таких организаций представляет собой важный и безусловно необходимый вектор развития существующей системы правового регулирования сделок с заинтересованностью.

4. Обоснована необходимость привлечения контролирующих лиц к корпоративной ответственности за нарушения, допущенные при совершении корпорацией сделок с заинтересованностью, потому как вред наносится не только контрагенту по сделке, но и самому обществу. Вред может быть возмещен в имущественном эквиваленте в виде убытков в рамках гражданско-правовой ответственности. Однако такое возмещение не отражает всего спектра взаимоотношений, складывающихся между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией.

5. Установлено, что идея о полной ликвидации из действующего законодательства положений, посвященных специальному регулированию сделок с заинтересованностью, является необоснованной, так как ее реализация лишней раз поставит под угрозу интересы субъектов корпоративных отношений. Сохранение специального режима обжалования

таких сделок в любом случае будет являться наиболее эффективным средством борьбы с недобросовестным поведением заинтересованных лиц, нежели другие способы защиты нарушенных прав.

6. Для соблюдения баланса интересов контролирующего лица и подконтрольного общества необходимо применять меры корпоративной ответственности в отношении лица, обладающего контролем. При нарушении контролирующим лицом обязанностей, связанных с совершением корпорацией сделок с заинтересованностью, как-то: отсутствие уведомления о заинтересованности, или же наличие в действиях контролирующего лица недобросовестного поведения по отношению к подконтрольной корпорации, для мотивации действовать не только к собственной выгоде, но и действительно в интересах общества, было бы справедливо применять запрет на некоторое количество времени на голосование определенным количеством долей (акций), которые и давали лицу контроль над обществом. Таким образом, возможность участия в деятельности общества будет сохраняться у формально контролирующего лица, но право определять решения своими действиями будет исключена. Данная мера ответственности, конечно, более сурова, направлена на возмещение убытков, связана с ограничением корпоративных прав участника и позволяет восстановить баланс интересов между контролирующим лицом и подконтрольной корпорацией .

7. Доказана необходимость в повторном реформировании института сделок с заинтересованностью и обсуждении возможности и целесообразности отказа от отдельных изменений, которые были внесены в законодательство по результатам принятия Закона № 343-ФЗ – в частности, предлагается оценить последствия отказа законодателя от процедуры получения предварительного согласия на заключение сделки с заинтересованностью.

Требование о получении такого согласия имеет смысл сохранить для тех организаций, которые имеют социальное значение (например, для публичных акционерных обществ) или являются непосредственной частью

государственного сектора экономики (к примеру, для государственных корпораций, публично-правовых компаний, учреждений). В рамках правового регулирования таких организаций считаем допустимым нормативное закрепление в качестве основания признания сделки с заинтересованностью недействительной неполучение предварительного согласия уполномоченного органа на ее совершение в порядке ст. 173.1 ГК РФ. При этом отсутствие ущерба в результате совершения такой сделки не должно становиться причиной для отказа в удовлетворении требований.

Однако в указанном вопросе законодателю требуется установить оптимальный баланс интересов, так как нормативное закрепление все новых и новых формальных ограничений заключения сделок с заинтересованностью может выступать очевидной причиной затруднения деятельности субъектов гражданского оборота, что недопустимо объяснять одной лишь потребностью соблюдения публичных и общественных интересов.

В заключении необходимо отметить, что общие положения, касающиеся института сделок с заинтересованностью, вызывают меньше противоречий, чем непосредственно порядок их оспаривания.

Таким образом, внесенными изменениями, институт сделок с заинтересованностью значительно усовершенствован, введены положения, которые существенно упростили осуществление деятельности хозяйственных обществ, отдельным юридическим лицам предоставлена свобода регулирования данных правоотношений.

Вместе с тем, в связи с наличием определенных неясностей и дискуссионных неурегулированных вопросов, институт сделок с заинтересованностью, все же нуждается в дальнейшем реформировании, в целях эффективности использования положений закона и договорного регулирования в правоприменительной практике.

Список использованных источников

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 237-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.07.2023 № 339-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 20.06.2024 № 31-П) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 № 407-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 259-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 3. Ст. 3824.
7. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 305-ФЗ) «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 1.
8. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 305-

- ФЗ) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.
9. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 228-ФЗ) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
10. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.05.2024 № 113-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.
11. Федеральный закон от 26.03.2003 года № 35-ФЗ (ред. от 14.02.2024 № 19-ФЗ) «Об электроэнергетике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 13. Ст. 1177.
12. Федеральный закон от 3 июля 2016 года № 236-ФЗ (ред. от 14.07.2022 № 326-ФЗ) «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27 (Часть I). Ст. 4169.
13. Федеральный закон от 14 ноября 2002 года N 161-ФЗ (ред. от 06.04.2024 № 66-ФЗ) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 48. Ст. 4746.
14. Федеральный закон от 8 декабря 1995 года N 193-ФЗ (ред. 04.08.2023 № 458-ФЗ) «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 50. Ст. 4870.
15. Федеральный закон от 14.07.2022 № 343-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О недрах» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 27 (часть II). Ст. 4276.
16. Указание Банка России от 31.03.2017 № 4335-У «Об установлении предельных значений размера сделок акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, при превышении которых такие сделки могут признаваться сделками, в совершении которых имеется заинтересованность» // СПС «Консультант Плюс».

17. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // СПС «Консультант Плюс».

Научная литература

18. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021. 356 с.

19. Акционерные и другие хозяйственные общества и товарищества: Постатейный комментарий статей 66 - 106 Гражданского кодекса Российской Федерации / К.П. Беляев, Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2010. 285 с.

20. Алексеева Т.М. Правовая определенность судебных решений в уголовном судопроизводстве: понятие, значение и пределы: монография. М., 2016.

21. Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. 352 с.

22. Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. 496 с.

23. Андреев Ю.Н. Правовое регулирование: общетеоретические и цивилистические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2022. 312 с.

24. Андреев Ю.Н. Субъективные гражданские права: понятие, виды, осуществление и судебная защита. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2022. 408 с.

25. Андреев Ю.Н. Обязательства в гражданском праве России: теория и законодательство. М.: Юрлитинформ, 2016. 280 с.

26. Андреев Ю.Н. Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 272 с.

27. Андреев Ю.Н. Соседские отношения в гражданском праве России: теория и практика. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 208 с.

28. Андреев Ю.Н. Ответственность государства за причинение вреда:

цивилистические аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2013. 374 с.

29. Бирюков Д.О. До минор: реквием для миноритариев в мажорной тональности. М.: Статут, 2020. 300 с.

30. Брагинский М.И. Договор страхования. М.: Статут, 2000. 172 с.

31. Бурачевский Д.В. Процессуальные средства защиты прав акционеров в арбитражном суде / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 2. 303 с.

32. Габов А.В. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве: Монография / А.В. Габов; Ответственный редактор М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. 656 с.

33. Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат / Отв. ред. А.В. Габов. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2014. 320 с.

34. Габов А.В. Проблемы определения отношений аффилированности // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ИНФРА-М, 2014. 320 с.

35. Габов А.В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. 410 с.

36. Габов А.В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве / А.В. Габов. Москва: Статут, 2010. 253 с.

37. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. М.: Статут, 2022. 214 с.

38. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ / О.И. Гентовт // Социально-экономические и правовые проблемы повышения эффективности

- Российской экономики / под ред. А.П. Сысоева, М.С. Халикова, А.И. Усова. Вып. 4. Москва: Университетская книга, 2017. 516 с.
39. Глушецкий А.А. Уставный капитал акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. М.: Статут, 2023. 264 с.
40. Гутников О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП при Правительстве РФ, 2019. 488 с.
41. Гутников О.В. Развитие корпоративного законодательства // Научные концепции развития законодательства: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, М.Ю. Тихомиров. М., 2017. С. 451-463.
42. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер. 2004. 288 с.
43. Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М.: Волтерс Клувер, 2006. 736 с.
44. Долинская В.В., Фалеев В.В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / отв. ред. В.В. Долинская. М.: Волтерс Клувер, 2010. 240 с.
45. Иноземцев М.И. Акционерное соглашение: ответственность за нарушение по праву России и зарубежных государств: Монография / МГИМО МИД России. Москва: Статут, 2020. 176 с.
46. Карапетов А.Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к ст. 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: Логос, 2017. 1120 с.
47. Кирилловых А.А. Корпоративное право: курс лекций / А.А. Кирилловых. Москва: Юстицинформ, 2009. 192 с.
48. Козлова Н.В. Правосубъектность юридического лица / Н.В. Козлова. Москва: Статут, 2005. 476 с.
49. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» (постатейный) / С.М. Айзин, О.М. Оглобина, С.В. Соловьева [и др.]; под ред. М.Ю. Тихомирова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Изд-во Тихомирова М.Ю., 2007. 479 с.

50. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики). Выпуск 29 / О.А. Беляева, В.Г. Богдан, С.А. Бурлаков и др.; отв. ред. О.В. Гутников, С.А. Сеницын. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2023. 160 с.
51. Корпоративное право: учебный курс: учебник / кол. авт.; отв. ред. И.С. Шиткина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: КНОРУС, 2015. 1080 с.
52. Корпоративное право: учебный курс: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. И.С. Шиткина. Москва: Статут, 2018. 976 с.
53. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. Москва: Статут, 2019. 735 с.
54. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: монография / А.Н. Беседин, Е.Н. Ефименко, Е.А. Козина и др.; под ред. Е.Д. Тягай. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 144 с.
55. Кузнецов А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк / А.А. Кузнецов. Москва: Статут, 2017. 160 с.
56. Кулагин М.И. Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо // Кулагин М.И. Избранные труды. М.: Статут, 1997. С. 14 – 182.
57. Курбатов А.Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М.: Юстицинформ, 2022. 244 с.
58. Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: учебник. М.: Проспект, 2021. 400 с.
59. Лаптев В.В. Акционерное право. М.: Контракт, 1999. 246 с.
60. Лаптев В.А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография. М.: Проспект, 2019. 384 с.
61. Лаптев В.А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. М.: Проспект, 2017. 302 с.
62. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и

- практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 509 с.
63. Маковская А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью: анализ и комментарий Законов «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью». М.: Статут, 2020. 373 с.
64. Малкина В.И. Конфликт интересов в юридических лицах: монография / под ред. О. А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2022. 196 с.
65. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М.: Статут, 2002. 203 с.
66. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения / С.Д. Могилевский. Москва: Статут, 2010. 421 с.
67. Мозолин В.П. Корпорации, монополии и право в США. М.: Изд-во Московского университета, 1966. 398 с.
68. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2022. 388 с.
69. Нарайкин О.В. Глава 3. §3.5. Согласие на заключение сделки, в совершении которой имеется заинтересованность: конвергенция теории и практики // Современные проблемы частноправового регулирования: традиции и инновации при конвергенции норм права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. – М.: Юстицинформ, 2024. 512 с.
70. Нарайкин О.В. Глава 3. § 3.4. Признание недействительными сделок при несостоятельности (банкротстве) застройщиков как субъектов семейного предпринимательства в правоотношениях долевого участия в строительстве: правоприменительный аспект // Перспективы легализации семейного предпринимательства: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. С. 183-194.
71. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах. / Под ред. И.С. Шиткиной. Москва: Статут, 2021. Т. 2. 494 с.
72. Осипенко О.В. Институт фактической аффилированности:

корпоративно-правовой аспект. Корпоративная конфликтология: Монография. М.: Статут, 2022. 758 с.

73. Осипенко О.В. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Кн. 1: Установление корпоративного контроля / О.В. Осипенко. Москва: Статут, 2013. 517 с.

74. Осипенко О.В. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Кн. 2: Обеспечение корпоративного контроля / О.В. Осипенко. Москва: Статут, 2014. 686 с.

75. Осипенко О.В. Актуальные проблемы системного применения инструментов корпоративного управления и акционерного права. М.: Статут, 2018. 448 с.

76. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. 349 с.

77. Попов А.Е. Обязательное предложение: защита прав и интересов акционеров при поглощении. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 224 с.

78. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. (том 2) (6-е издание, переработанное и дополненное). / Под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2023. 640 с.

79. Предпринимательское право: учебник: Аганина Р.Н., Андреев В.К., Андреева Л.В. и др.). / Отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2022. 688 с.

80. Предпринимательское право: учебник. / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. 992 с.

81. Синицын С.А. Корпоративные отношения в российском гражданском праве // Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.

82. Ситдикова Л.Б. Нормативно-правовое и договорное регулирование отношений на возмездное оказание информационных услуг. М.: Юрист, 2007. 176 с.

83. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и

практики: Монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова [и др.]; Ответственный редактор О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП; Статут, 2021. 528 с.

84. Степанов Д.И. Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д.И. Степанов, Ю.С. Михальчук. Москва: Статут, 2018. 207 с.

85. Суханов Е.А. Проблемы кодификации корпоративного и вещного права: избранные труды 2013 - 2017 гг. / Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2018. 496 с.

86. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право / Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2014. 456 с.

87. Тарасов И.Т. Учение об акционерных компаниях / И.Т. Тарасов. Москва: Статут, 2000. 666 с.

88. Федчук В.Д. De facto зависимость de jure независимых юридических лиц: проникновение за корпоративный занавес в праве ведущих зарубежных стран / В.Д. Федчук. Москва: Волтерс Клувер, 2010. 367 с.

89. Филиппов П.М., Белоножкин А.Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 248 с.

90. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография. Москва: Статут, 2019. 191 с.

91. Черепяхин Б.Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица / Б.Б. Черепяхин // Труды по гражданскому праву. Москва: Статут, 2001. С. 295 - 306. (Классика российской цивилистики.)

92. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права: В 4 томах. Т. 1: Введение; Торговые деятели / Г.Ф. Шершеневич. 4-е изд. Санкт-Петербург: бр. Башмаковы, 1908. 515 с.

93. Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. Москва: Статут, 2022. 316 с.

94. Шиткина И.С. Сделки хозяйственных обществ, требующие корпоративного согласования: монография. М., 2020. 226 с.

95. Шиткина И.С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах. В.А. Вайпан, А.В. Габов, Е.П. Губин и др. // Статут. Москва.2021. Т. 2. 494 с.
96. Шиткина И.С. Экстраординарные сделки, совершаемые хозяйственными обществами. М., 2017. 144 с.
97. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 1: Общие положения о юридических лицах / А.В. Габов, О.В. Гутников, Н.Г. Доронина [и др.]; отв. ред. А.В. Габов, О.В. Гутников, С.А. Сеницын. Москва: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2015. 384 с.
98. Юридические лица в российском гражданском праве: монография: в 3 т. Т. 2: Виды юридических лиц в российском законодательстве / А.А. Аюрова, О.А. Беляева, М.М. Вильданова [и др.]; отв. ред. А.В. Габов. Москва: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2015. 352 с.

Статьи из периодических изданий

99. Абакумова Е.Б. Проблема конфликта интересов в корпоративных правоотношениях с участием единоличного исполнительного органа хозяйственного общества // Russian journal of economics and law. 2021. № 3. С. 529-539.
100. Абызова Е.Р., Рябов А.А. Обязательные неналоговые платежи и конституционный принцип определенности правовых норм // Финансовое право. 2017. № 3. С. 23 – 27.
101. Алешин А.В. Проблемы правового регулирования крупных сделок и сделок с заинтересованностью // Вестник науки и образования. 2019. № 12 (66). Часть 2. С. 28-31.
102. Алиева К.М. Сделки акционерного общества, в совершении которых имеется заинтересованность // Право и экономика. 2006. № 1. С.9 – 14.
103. Андреев В.К. Толкование договора в соотношении со сделкой и обязательством // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 55 - 62.
104. Андреев В.К. О характере корпоративного договора // Юрист. 2015. N 3.

С. 4-10.

105. Андреев В.К. Корпоративный характер сделки с заинтересованностью // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 52-63.

106. Андреев В.К. Решение общего собрания участников непубличного общества об одобрении сделки с заинтересованностью // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 45 - 48.

107. Андреев Ю.Н. О соотношении правовых принципов и методов правового регулирования // Цивилист. 2023. № 3. С. 17 - 22.

108. Андреев Ю.Н. Об объектах гражданских прав, правоотношений и гражданско-правового регулирования: дискуссионные аспекты // Цивилист. 2023. № 5. С. 39 - 48.

109. Андреев Ю.Н. О некоторых проблемах в гражданском праве // Цивилист. 2022. № 2. С. 60 - 66.

110. Антонова Е.Г. Экономические интересы в корпоративных правоотношениях // Хозяйство и право. 2022. № 7. С. 39 - 50.

111. Ахмедшина А.Н. Аффилированные лица: правовые нормы и проблемы их применения // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 63-66.

112. Ахмедшина А.Н., Тордия И.В. Сделки в ущерб интересам хозяйственного общества: проблемы теории и практики // Журнал «Эко». 2011. 7 (445). С. 92-106.

113. Батурина Н.И., Медведев А.И. Сделки с заинтересованностью: вопросы теории и практики // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3 (42). С. 28-32.

114. Безверхов А.Г. К вопросу о понятии системы права и законодательства // Вестник ВУиТ. Сер. "Юриспруденция". Вып. 14. Тольятти, 2001. С. 7-19.

115. Благодир А.Л. Корпоративная социальная ответственность - новое направление в развитии социального партнерства? // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 1. С. 18 - 21.

116. Богдан В.В. Недобросовестные условия в договорах с участием потребителей: модернизация законодательства и развитие судебной практики // Цивилист. 2023. № 3. С. 49 - 56.

117. Богдан В.В. Новые медицинские технологии: эффективность концепта и юридический прогноз (частноправовой аспект) // Гражданское право. 2021. № 4. С. 14 - 16.
118. Богдан В.В., Гринева А.В. О судебном прецеденте как способе минимизации частных и публичных правовых рисков: дискуссионные вопросы // Российский судья. 2018. № 11. С. 49 - 52.
119. Бойко Т.С. Что осталось за скобками реформы Гражданского кодекса в части регулирования юридических лиц // Закон. 2014. № 7. С. 56 - 61.
120. Бондарь Н. С. Правовая определенность - универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 10. С. 4 – 10.
121. Борисенко А.В. Нарушение интереса общества с ограниченной ответственностью при совершении сделки, в которой имеется заинтересованность, в практике Верховного Суда РФ // Закон. 2020. № 11. С. 87 - 98.
122. Бочкарев Н. Критерии формирования иска о признании недействительными сделок с заинтересованностью при банкротстве стороны сделки // Корпоративный юрист. 2008, № 4 // СПС КонсультантПлюс.
123. Бражникова В. А. Корпоративно-правовые понятия «контролирующее лицо» и «лицо, имеющее права давать обществу обязательные для него указания»: сравнительный анализ // Традиции и новации в системе современного российского права: Материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых. В 3-х томах, Москва, 07–08 апреля 2023 года. Том 2. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 160-161.
124. Варламова А.Н. Группа лиц и аффилированные лица: общее и особенное // Законодательство. 2007. № 12. С. 27-32.
125. Вафин Д.Р. Правовое регулирование проведения дистанционных собраний участников (акционеров) непубличных корпораций // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2022. 4. С. 12 - 16.

126. Власова А.С., Удалова Н.М. Обычный предпринимательский риск в контексте ответственности руководителя юридического лица за причиненные ему убытки // Закон. 2020. № 3. С. 79 – 89.
127. Воронов Ф.А. Аффилированность при несостоятельности (банкротстве): понятие, виды, практика применения и зарубежный опыт // Хозяйство и право. 2023. № 9. С. 32 - 44.
128. Габов А.В. Экономическая зависимость юридических лиц: отдельные размышления о развитии института // Гражданское право. 2022. № 3. С. 11 - 21.
129. Габов А.В. Реорганизация хозяйственного партнерства // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2021. № 1. С. 27 - 35.
130. Габов А.В., Меребашвили Т.А. Права владельцев акций и корпоративное управление в акционерных обществах в период пандемии // Закон. 2021. № 10. С. 121 - 134.
131. Габов А.В. Институт крупной сделки в российском праве: основные этапы, тенденции и перспективы развития // Предпринимательское право. 2018. № 3 // СПС КонсультантПлюс.
132. Габов А.В. Проблемы и перспективы правового регулирования сделок акционерного общества, требующих особого порядка их совершения // Цивилист. 2007. № 1. С. 53-60.
133. Габов А.В. Аффилированность в делах о несостоятельности (банкротстве) / А.В. Габов // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского / Ответственные редакторы В.В. Витрянский и Е.А. Суханов. Москва: Статут, 2020. С. 98.
134. Глушецкий А.А. Контролирующее лицо для целей совершения сделок с заинтересованностью // Хозяйство и право. 2019. № 8 (511). С. 22 – 28.
135. Голубцов В.Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 2. С. 248 – 273.

136. Гудиева А.М. Понятие выгодоприобретателя и основания признания недействительными сделок с заинтересованностью // Корпоративный юрист. 2007. № 10. С. 45 – 50.
137. Гутников О.В. Принудительный выкуп «потерявшихся» акций у участников ликвидированного юридического лица (тезисы доклада на научно-практической конференции «Право и бизнес в меняющемся мире» 2 июня 2023 г. на площадке Псковского государственного университета) (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. №304-ЭС22-10636) // Право и бизнес. 2023. № 3. С. 18 - 24.
138. Гутников О.В. Классификация юридических лиц в современном корпоративном праве: организационно-правовые формы и критерии их разграничения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 2. С. 128 - 163.
139. Гутников О.В. Субсидиарная ответственность в корпоративных правоотношениях: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. № 7. С. 48 - 67.
140. Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48 - 65.
141. Гутников О.В., Синицын С.А. Значение и содержание уставов корпораций на современном этапе: новые подходы в условиях цифровизации // Закон. 2019. № 3. С. 146 - 157.
142. Гутников О.В. Тенденции развития корпоративного права в современных условиях // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 59 - 73.
143. Демьянова М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. № 9. С. 54 – 59.
144. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. 2014. № 10. С. 33 – 36.
145. Долинская В.В. Проблемы понятийного аппарата в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): размышления о главе III.2 ФЗ «О

- несостоятельности (банкротстве)» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 7. С. 16 – 20.
146. Евдокимов А.В. Корпоративное одобрение сделок, направленных на участие/прекращение участия хозяйственных обществ в других обществах // Юрист. 2011. № 17. С. 19 - 22.
147. Егорова М.А. Институциональная принадлежность категорий «группа лиц» и «аффилированные лица» // Юрист. 2013. № 11. С. 31 – 33.
148. Ершова Ю.В. Аффилированные лица и сделки с имуществом корпорации // Власть Закона. 2018. № 3. С. 49 – 60.
149. Ефимов А.В. Правовое обеспечение баланса интересов в корпоративных группах // Закон. 2022. № 6. С. 101 - 115.
150. Ефимов А.В. К вопросу об аффилированности между Министерством обороны Российской Федерации и подведомственными федеральными государственными учреждениями // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 4. С. 115 - 118.
151. Ефимов А.В. Влияние аффилированности на компетенцию органов юридических лиц: проблемы квалификации принятия решения о совершении сделки зависимым юридическим лицом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 10. С. 77 - 86.
152. Ефимов А.В. Квалификация аффилированности юридических лиц в отношениях, основанных на экономической зависимости // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3. С. 69 - 72.
153. Ефимов А.В. Стейкхолдерская концепция управления юридическим лицом // Актуальные проблемы российского права. 2019. N 5. С. 129 - 136.
154. Ефимов А.В. Применение норм о предпринимательских обязательствах к отношениям, возникающим из корпоративных договоров // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 2. С. 94 - 104.
155. Жуков Ю. Каковы действия корпоративного секретаря в процессе одобрения обществом сделок с заинтересованностью? // Акционерный вестник. 2012. № 12. С. 35 - 37.

156. Ильичева М.М. Правовые аспекты одобрения сделок с заинтересованностью советом директоров общества // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. С. 80-86.
157. Илюшина М.Н. Роль судебных актов в становлении и развитии правового режима сделок в корпоративных отношениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 1. С. 38 - 45.
158. Илюшина М.Н. Согласие супруга на совершение корпоративных действий // Нотариус. 2023. № 3. С. 27 - 32.
159. Каратеева В.И. Актуальные проблемы осуществления и защиты прав акционеров в Российской Федерации // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 39 - 43.
160. Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. 2022. № 2. С. 3 – 17.
161. Кархалев Д.Н. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью в гражданском праве // Вестник арбитражной практики. 2019. № 2. С. 3 – 9.
162. Кирпичев А.Е. Эстоппель в специфических контекстах: недействительность расторгнутого договора, спор с государством, совместная деятельность должника и кредитора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 61 - 74.
163. Кирпичев А.Е. Деликтные отношения с участием потребителей // Закон. 2021. № 9. С. 48 - 59.
164. Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 31 - 38.
165. Косорукова И.В., Ксенофонтова О.Д. Влияние корпоративной социальной ответственности бизнеса на финансовые показатели российских публичных акционерных обществ // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4. С. 43 - 55.
166. Косякин И.А. Место единоличного исполнительного органа в системе органов управления акционерного общества // Право и экономика. 2021. № 8.

С. 27 - 32.

167. Кузнецов А.А. Реформа крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Что изменилось в регулировании // Арбитражная практика. 2017. № 1. С. 76-79.

168. Крушевская М.В. Субсидиарная ответственность контролирующего должника лица: проблемы правореализации // Юрист. 2021. № 6. С. 41 – 43.

169. Курбатов А.Я. Аффилированность как средство борьбы с третейскими судами // Предпринимательское право. 2013. № 1. С. 19 – 20.

170. Крылов В.Г. О некоторых проблемах применения положений действующего законодательства о крупных сделках и сделках с заинтересованностью (на примере анализа судебной практики) // Гражданское право. 2021. № 5. С. 25 - 27.

171. Лакоценина Н.М. Недействительность крупных сделок и сделок с заинтересованностью: доказывание и доказательства // Современное право. 2022. № 12. С. 77 - 83.

172. Лаптев В.А. Новые подходы в правовом режиме совершения экстраординарных сделок в Постановлении Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27 // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 10-13.

173. Лаптев В.А. Положения о возмещении потерь в локальных нормативных актах корпоративных организаций и правовых обычаях // Актуальные проблемы российского права. 2024. N 11. С. 73 - 83.

174. Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168 - 174.

175. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.

176. Левушкин А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19 - 26.

177. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. № 2. С. 150 - 166.
178. Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Исполнение договора морского страхования в сфере эксплуатации транспорта при перевозке груза в России и Великобритании // Транспортное право. 2022. № 4. С. 68 – 75.
179. Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37 - 42.
180. Липинский Д.А. Юридическая ответственность как институт права // Юрист. 2013. № 12. С. 3 - 7.
181. Ломакин Д.В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 28-34.
182. Ломакин Д.В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // ВВАС РФ. 2012. № 9. С. 6 – 33.
183. Ломакин Д.В. Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. 2001. № 3. С. 18 - 25.
184. Мажорина М.В. ESG-принципы в международном бизнесе и «устойчивые контракты» // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 185 - 198.
185. Макеева А.А. Рецепция отдельных положений зарубежного корпоративного права для обеспечения баланса в регулировании ответственности директоров // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 2. С. 30 - 38.
186. Маковская А. Новые правила Закона об акционерных обществах о крупных сделках и сделках с заинтересованностью // Хозяйство и право. 2016. № 10. С. 3-35.
187. Маковская А.А. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного

Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Хозяйство и право. 2018. № 11 (502). С. 9-18.

188. Микрюков В.А. Принцип добросовестности - новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 17 – 24.

189. Михайлова Е.В. Процессуальная форма разрешения корпоративных споров: материальный и процессуальный аспекты // Администратор суда. 2024. № 4. С. 2 - 6.

190. Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 9 (79). С. 3-136.

191. Могилевский С.Д. Правовые приемы формирования компетенции органов управления акционерных обществ: новеллы законодательства // Гражданское право. 2019. № 3. С. 3 - 7.

192. Москвитин О.А. К вопросу о выгодоприобретателе в сделках с заинтересованностью // Законодательство. 2007. № 9. С. 37 – 40.

193. Мохов А.А., Свирин Ю.А. Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1. С. 5 - 11.

194. Мохов А.А. Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. N 6. С. 62 - 67.

195. Мохов А.А. Кластерная политика и поддержка малого и среднего предпринимательства // Предпринимательское право. 2018. № 2. С. 57 - 63.

196. Мохов А.А. Семейное и малое предпринимательство в современной России: доктрина и законодательство // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2. С. 25 - 28.

197. Мохов А.А. Юридическое лицо как функциональная система // Гражданское право. 2015. № 4. С. 21 – 24.

198. Мохов А.А., Филиппов П.М. Жизненный цикл товара: законодательство,

доктрина, практика // Юрист. 2016. № 7. С. 28 - 31.

199. Мутафян Г.А. Организационно-правовые формы участников корпоративных групп // Современное право. 2024. N 8. С. 52 - 55.

200. Мухамадеева Р.А. Сделки с заинтересованностью в хозяйственных обществах: проблемы правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 4. С. 120-122.

201. Нарайкин О.В. Применение ипотеки при долевом строительстве: тенденции и перспективы // Право и экономика. 2023. № 8. С. 23-28.

202. Нарайкин О. В. Категории лиц, признаваемых заинтересованными в совершении сделок // Власть Закона. 2023. № 4 (56). С. 291-300.

203. Нарайкин О.В. Тенденции развития и перспективы регулирования сделок с заинтересованностью // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 85-90.

204. Нарайкин О.В. Субъектный состав оспаривания сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: правоприменительный аспект // Юридический мир. 2024. № 2. С. 42-47.

205. Носков С.А. О понятии института юридической ответственности // Право и политика. 2007. № 3. С. 13-19.

206. Османова Д.О. Соотношение требований о виндикации и реституции при оспаривании сделок должника-банкрота // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 2. С. 16 - 21.

207. Перова Ю.А. Новеллы в законодательстве о крупных сделках и сделках с заинтересованностью // Advances in law studies. 2017. №. 4. С. 370.

208. Петрова Н.Н. Отличие контролирующих лиц от аффилированных // Акционерное общество: вопросы корпоративного управления. 2016. № 12 (151). С. 22.

209. Плешков Д.В. Интерес акционерного общества в контексте статьи 71 Закона об АО // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2011. № 1. С. 23-29.

210. Поваров Ю.С. Юридическое значение корпоративного акта о

- согласовании совершения хозяйственным обществом экстраординарной сделки // Гражданское право. 2019. № 1. С. 15 - 19.
211. Попов М.Г. Основания привлечения контролирующих должника лиц к ответственности // Гражданское право. 2019. № 2. С. 42 – 45.
212. Прокопович Г.А. Юридическая ответственность как межотраслевой комплексный институт в системе права // Закон и право. 2004. № 6. С. 26-30.
213. Пушкарёв И.П. Правовая природа одобрения крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 3. С. 53-55.
214. Раевская Т.С. Понятие и правовое регулирование аффилированных лиц по законодательству Российской Федерации // Право и политика. 2019. № 1(109). С. 102 – 103.
215. Редькин И.В. Аффилированные лица по законодательству РФ: правовое регулирование, теория и практика // Юридический мир. 1998. № 11-12. С. 34 – 35.
216. Свириденко О.М. Актуальные вопросы субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве должника // Lex russica. 2018. № 12. С. 18 – 24.
217. Сидоров Д.А. Добросовестность как новый тренд в оспаривании сделок в обществах с ограниченной ответственностью по корпоративным основаниям // Арбитражные споры. 2024. № 3. С. 174 - 179.
218. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Защита прав семьи в корпоративных отношениях // Семейное и жилищное право. 2024. № 6. С. 22 - 24.
219. Сеницын С.А. Гражданское право в современных социально-экономических условиях // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 8 - 15.
220. Сеницын С.А. Особенности структуры собственности и корпоративного управления в компании одного лица // Журнал российского права. 2020. №7. С. 40 - 51.
221. Сеницын С.А. Унитарные предприятия в российском гражданском обороте: анахронизм или естественное следствие участия публичного сектора

- в экономике? // Предпринимательское право. 2019. № 1. С. 11 - 16.
222. Сеницын С.А. Деликтная ответственность в корпоративном праве // Журнал российского права. 2019. № 10. С. 54-68.
223. Сеницын С.А. Международные договоры и российское гражданское законодательство: к структуре и системе современного права // Международное публичное и частное право. 2021. № 2. С. 23 - 27; № 3. С. 22 - 27.
224. Сеницын С.А. Цивилистическая школа ВШЭ-ИЗиСП: становление и развитие // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 18 - 56.
225. Ситдикова Л.Б. Корпоративный договор как способ осуществления прав участников корпоративных отношений // Юрист. 2024. № 3. С. 2 - 7.
226. Ситдикова Л.Б., Галкин Н.А. Современные тенденции совершения нотариальных действий в цифровом формате // Нотариус. 2024. № 1. С. 40 - 43.
227. Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И., Еникеев И.С. Национализация как институт гражданского права // Юрист. 2023. № 2. С. 40 - 44.
228. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. О месте корпоративного договора в системе гражданско-правовых договоров // Конкурентное право. 2022. № 2. С. 27 - 32.
229. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Информационная составляющая в корпоративных отношениях в условиях цифровой экономики // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 9 - 10.
230. Ситдикова Л.Б., Стародумова С.Ю. Наследование корпоративных прав // Наследственное право. 2019. № 1. С. 7 - 11.
231. Ситдикова Л.Б., Помазкова С.И. Сравнительный анализ правовой природы права на долю в уставном капитале и права на ликвидационную долю (квоту) // Юрист. 2020. № 6. С. 56 - 63.
232. Старикова Л.А. Понятие и предмет крупных сделок и сделок с заинтересованностью, отнесение сделок к крупным или сделкам, в совершении которых имеется заинтересованность, порядок их одобрения //

- Акционерное общество. Вопросы корпоративного управления. 2006. № 8. С. 44-59.
233. Степанов Д.И. Новый режим оспаривания крупных сделок: реформа ради реформы? // Закон. 2015. № 9. С. 110 - 141;
234. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009. № 3. С. 142-206.
235. Суворов Е.Д. Требования связанных с должником лиц в деле о его банкротстве: от объективного к субъективному вменению // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2019. № 4, 5. С. 76 – 78.
236. Суханов Е.А. О видах сделок в германском и в российской гражданском праве // Вестник гражданского права. 2006. № 2: Т. 6. С. 5-26.
237. Тарасенко О.В., Данилов И.А. Об ответственности представителей интересов Российской Федерации в органах управления акционерного общества // Юрист. 2018. № 2. С. 55 - 58.
238. Телюкина М.В. Понятие сделок с заинтересованностью // Законодательство и экономика. 2005. № 2. С. 46-49.
239. Темзоков А.Р. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник трудов конференции. Краснодар: Издательство Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права, 2018. С. 158 – 160.
240. Тихомирова М.Ю. Совершение обществом с ограниченной ответственностью сделок с заинтересованностью и крупных сделок // Законодательство и экономика. 2010. № 9. С. 38-42.
241. Томсинов В.А. Проблемы акционерного права в трудах русских правоведов второй половины XIX - начала XX в. Статья первая. Юридическая природа акционерного общества // Законодательство. 1998. № 7. С. 81-84.
242. Урда М.Н., Соловьев В.С. Правовое значение фиктивных браков с иностранными гражданами // Мировой судья. 2020. № 3. С. 13 - 19.
243. Федчук В.Д. Правовое регулирование групп компаний: отход от права

концернов как современная тенденция (на примере права Италии) / В.Д. Федчук // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. N 4. С. 97 - 117.

244. Фейзрахманова Д.Р. К вопросу о соотношении понятий «форма», «способ» и «средство» защиты корпоративных прав участников акционерных обществ // Юрист. 2017. № 12. С. 32 - 37.

245. Фейзрахманова Д. Р. Реформирование института крупных сделок и сделок с заинтересованностью: результаты, проблемы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11 (96) ноябрь. С. 14-18.

246. Филиппова С.Ю., Шиткина И.С. Корпоративные правоотношения в гражданском законодательстве: десять лет спустя // Гражданское право. 2022. № 6. С. 3 - 13.

247. Филиппова С.Ю. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда по вопросам применения положений законодательства о сделках с заинтересованностью // Российский судья. 2009. № 6. С. 24-28.

248. Хаваяшхов А.А. Корпоративное одобрение трудовых договоров как крупных сделок и сделок с заинтересованностью // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 1. С. 49 - 52.

249. Харитонов Ю.С. Трансформация основных институтов корпоративного права в условиях цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 23 - 26.

250. Холопова П.А. Проблемы реализации механизмов слияния и поглощения (M&A) в соответствии с российским законодательством на примере публичных акционерных обществ // Право и экономика. 2023. № 7. С. 32 - 37.

251. Хребтов И.И., Иванова С.А. Проблема формальной и фактической заинтересованности при совершении сделок с конфликтом интересов // Образование и право. 2018. № 6. С. 121-125.

252. Шайханов С.Б. К вопросу о юридической ответственности за нарушение корпоративных прав // Хозяйство и право. 2024. № 2. С. 69 - 86.

253. Шевченко И.М. К вопросу о рассмотрении в делах о банкротстве требований, основанных на отношениях внутрикорпоративного характера // Арбитражные споры. 2018. № 4. С. 36-54.
254. Шелудяев В.В., Зверюкова Е.А. Привлечение к ответственности по крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью, проблемы и специфика // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 4. С. 20 - 24.
255. Шиткин А.О. Ответственность контролирующего лица перед третьими лицами // Предпринимательское право. 2020. № 2. С. 34 - 42.
256. Шиткина И.С., Музафаров Э.Э., Наймушина В.А., Севеева К.В. Вопросы корпоративного права в позициях Конституционного Суда РФ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 3 - 28.
257. Шиткина И.С. Множественный единоличный исполнительный орган: проблемы законодательства и практики // Закон. 2021. № 9. С. 117 - 130.
258. Шиткина И.С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в корпоративном праве: значение и развитие // Предпринимательское право. 2021. № 1. С. 3 - 23.
259. Шиткина И.С. Основания и правовые последствия отношений дочерности хозяйственных обществ (комментарий к ст. 6 Закона об ООО) // Хозяйство и право. 2020. № 7. С. 3 - 24.
260. Шиткина И.С. Особенности развития современного корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. №9. С. 45 - 65.
261. Шиткина И.С. Ответственность фактически контролирующих лиц в корпоративном праве // Закон. 2018. № 7. С. 114 - 133.
262. Шиткина И. Имущественная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве: очередные законодательные новеллы // Хозяйство и право. 2017. № 11. С. 41 - 61.
263. Шиткина И.С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С. 120 - 137.
264. Шиткина И.С. Правовой режим сделок, в совершении которых имеется

заинтересованность // Закон. 2016. №. 12. С. 130.

265. Шиткина И.С. Правовой режим экстраординарных сделок // Хозяйство и право. 2016. № 5. С. 14 – 26.

266. Шиткина И.С. Правовое регулирование экономической зависимости // Хозяйство и право. 2010. № 8. С. 31-50.

267. Якубовская Л.Р. Значение этапа квалификации в юридической процедуре одобрения сделок органами управления акционерного общества // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 2. С. 158-161.

Диссертации и авторефераты диссертаций

268. Анисимов А.В. Сравнительно-правовой анализ форм зависимости хозяйствующих субъектов в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 213 с.

269. Горбашев И.В. Особенности несостоятельности (банкротства) корпоративных групп на основе материальной консолидации: сравнительно-правовое исследование. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 200 с.

270. Городулин К.В. Правовой статус аффилированных лиц по российском законодательству: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 181 с.

271. Ефремов Н.С. Правовое регулирование участия прокурора в арбитражном процессе. Дис. канд. юрид. наук. 12.00.15. СГЮА. Саратов, 2013. 185 с.

272. Звездина Т.М. Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Диссертации кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2003. 219 с.

273. Звездина Т.М. Правовое положение дочерних и зависимых хозяйственных обществ: Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Екатеринбург, 2003. 25 с.

274. Калинина А.В. Аффилированные лица как особый субъект правоотношений (вопросы теории и практики): Автореф. дис. ... к. ю. н. Саратов, 2010. 25 с.

275. Касаткин С.Н. Согласие в гражданском праве РФ: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.
276. Нанаева Э.А. Гражданско-правовая ответственность основного общества (товарищества) по обязательствам дочернего общества в праве России и Германии: Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва, 2008. 28 с.
277. Раевская Т.С. Правовое регулирование отношений зависимости между юридическими лицами по законодательству Российской Федерации и Англии: Автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва, 2011. 25 с.
278. Сергеев А.Г. Гражданско-правовое положение аффилированных, взаимозависимых лиц и групп лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 179 с.
279. Тихонов В.В. Категории заинтересованности и аффилированности в гражданском праве России. Дис. ... канд. юрид. наук. Курск, 2018. 186 с.
280. Шайдуллин А.И. Субординация обязательственных требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц в делах о банкротстве хозяйственных обществ. Дис.... канд. юрид. наук. М., 2022. 195 с.
281. Эбралидзе Л.Д. Аффилированные лица как правовой институт и правовое средство разрешения конфликта интересов в сфере предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2014. 191 с.

Литература на иностранном языке

282. Bundesrecht konsolidiert: Gesamte Rechtsvorschrift für Eigenkapitalersatz-Gesetz, Fassug vom 23.04.2024. URL: <https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=20002949> [Дата обращения 10.04.2024]
283. By Warren E. Buffett. The Essays of Warren Buffett Lessons for Corporate America. Carolina Academic Pr, 2015. 313 pages.
284. Martin Schulz, Oliver Wasmeier. The Law of Business Organizations. Springer Heidelberg Dordrecht London New York, 2012. 217 pages.

285. Bayer W, Hoffmann T (2010) Statistiken zur AG—eine kritische Bestandsaufnahme. *Die AktienÂ gesellschaft*, pp 283-290.
286. Klunzinger E (2009) *Grundzüge des Gesellschaftsrechts*, 15th edn. Vahlen, Munich
- Kornblum U (2010) Bundesweite Rechtstatsachen zum Unternehmens- und Gesellschaftsrecht. *GmbH-Rundschau*, pp 739–748.
287. Bayer W, Hoffmann T (2011) Die Verbreitung von Inhaberaktien von Deutschen Aktiengesellschaften. <http://www.jura.uni-duesseldorf.de/dozenten/noack/Texte/Inhaber.PDF>. Accessed 25 July 2011.
288. Berman H.J. *Law and language: effective symbols of community*. Cambridge University Press, 2013. P. 101 - 103.
289. Chaisse J., Zhuoyue L.L. Shareholder Protection Reloaded - Redesigning the Matrix of Shareholder Claims for Reflective Loss // *Stanford Journal of International Law*. 2016. Vol. 52. Iss. 1. P. 53.
290. Davies PL (1997) *Gower's principles of modern company law*, 6th edn. Sweet & Maxwell, London.
291. De Jong B.J. Shareholders' Claims for Reflective Loss: A Comparative Legal Analysis // *European Business Organization Law Review*. 2013. Vol. 14. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=1939755>.
292. Emerson R.W. *Business Law*. Fourth Edition. New York: Barron's, 2004. 708 p. (in Eng.).
293. Fitzenberger B, Kohn K, Lembcke A (2008) Union density and varieties of coverage: the anatomy of union wage effects in Germany. ZEW—centre for European economic research discussion paper no. 08–012. <http://ssrn.com/abstract=1103466>. Accessed 25 July 2011.
294. Heiser K (2000) Can capital market law approaches be harmonised with essential principles of company law? *Eur Bus Law Rev* 11:60–82.
295. Kann J van, Wiedemann K, Just C (2007) German securities trading law—new share ownership notification rules. *GLJ* 8:255–259.
296. Kronstein H (1952) Collective bargaining in Germany: before 1933 and after 1945. *Am J Comp Law* 1:199–214.

297. Koh A.K. Reconstructing the Reflective Loss Principle // Journal of Corporate Law Studies. 2016. Vol. 16. P. 373-401.
298. Mertens HJ, Schanze E (1979) The German codetermination act of 1976. J Comp Corp Law Secur Regul 2:75–88.
299. Möllers TMJ (2010) European legal theory and legislation in capital market law. J Interdiscip Econ 20:133–151.
300. Maggiolino M. Personalized prices in European competition law // Bocconi Legal Studies Research Paper. 2017. N 2984840; Zuiderveen Borgesius F., Poort J. Online price discrimination and EU data privacy law // Journal of consumer policy. 2017. T. 40. C. 347 - 366.
301. Paulus C., Berberich M. National Report for Germany. In: Faber D., Vermunt N., Kilborn J. eds. Ranking and Priority of Creditors. Oxford: OUP, 2016. P. 267 - 312.
302. Piekenbrock A. Befristung, Verjährung, Verschweigung und Verwirkung: eine rechtsvergleichende Grundlagenstudie zu Rechtsänderungen durch Zeitablauf. Mohr Siebeck, 2006. S. 173.
303. Sam O.A. How to Become a Boss Negotiator in Business and Life: Mastering the Art of Negotiation with Anyone, at Anytime, and Anywhere (Sell Like Titans). 2023, 119 pages.
304. Stephen Griffin, Company law : fundamental principles. Chapter 12 on insider dealing contributed by Michael Hirst; chapter 15 on insolvency procedures contributed by Peter Walton, 2006. 537 pages.
305. Sealy L., Worthington S. Sealy & Worthington's Cases and Materials in Company Law. Oxford University Press, 2014. 891 pages.
306. Wehler HU (1994) Das Deutsche Kaiserreich 1871–1919. Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen Wirth G, Arnold M, Morshäuser R, Greene M (2010) Corporate law in Germany. Beck, Munich.
307. Wieacker F. Zur rechtstheoretischen Prazisierung des § 242 BGB. Tübingen, 1956. S. 20.

308. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2018 г. № 27 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. № 8. Август. 2018.
309. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
310. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2017 № 305-КГ17-14147 по делу № А40-105789/2016 // СПС «Консультант Плюс».
311. Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2015 по делу № 305-ЭС14-8348, А40-407554/2013 // СПС «Консультант Плюс».
312. Постановление ФАС Поволжского округа от 08.11.2007 по делу № А72-7324/06 // СПС «Консультант Плюс».
313. Постановление ФАС Московского округа от 14.02.2013 по делу № А41-20269/12 // СПС «Консультант Плюс».
314. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.08.2014 № Ф03-3442/2014 по делу № А59-2886/2012 // СПС «Консультант Плюс».
315. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.01.2023 № Ф10-3648/2021 // СПС «Консультант Плюс».
316. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.12.2021 № Ф07-17508/2021 по делу № А56-100045/2020 // СПС «Консультант Плюс».
317. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24.01.2019 № Ф06-41685/2018 по делу № А65-9528/2018 // СПС «Консультант Плюс».
318. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.09.2018 по делу № А21-5157/2016 // СПС «Консультант Плюс».

319. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.07.2022 № Ф05-16205/2022 по делу № А41-83400/2019 // СПС «Консультант Плюс».
320. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.06.2021 № Ф05-11003/2021 по делу № А40-35066/2020 // СПС «Консультант Плюс».
321. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.11.2018 г. по делу № А44-274/2018 // СПС «Консультант Плюс».
322. Постановление Арбитражного суда Московской области от 18.06.2018 по делу № А41-5747/18 // СПС «Консультант Плюс».
323. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.04.2018 № Ф05-5116/18 по делу № А40-49225/17 // СПС «Консультант Плюс».
324. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.09.2021 № Ф06-42375/2018 по делу № А65-19935/2018 // СПС Консультант Плюс
325. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.04.2023 № Ф02-1432/2023 по делу № А58-2256/2018 // СПС «Консультант Плюс».
326. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.03.2021 № Ф09-9753/19 по делу № А60-13333/2019 // СПС «Консультант Плюс».
327. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2021 по делу № А41-27561/2020 // СПС «Консультант Плюс».
328. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 13.03.2020 № 02АП-120/2020 по делу № А82-17123/2019 // СПС «Консультант Плюс».
329. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2021 № 17АП-7066/2021(1)-АК по делу № А50-18358/2019 // СПС «Консультант Плюс».
330. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 13.03.2020 № 02АП-120/2020 по делу № А82-17123/2019 // СПС «Консультант Плюс».
331. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2022 № 09АП-61852/2022 по делу № А40-168030/2021 // СПС

«Консультант Плюс».

332. Решение Арбитражного суда Московской области от 30.06.2021 по делу № А41-45026/20 // СПС «Консультант Плюс».

333. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 14.06.2020 по делу № А40-11763/20 // СПС «Консультант Плюс».

334. Решение от 12.11.2020 Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-20124/2020 // СПС «Консультант Плюс».

335. Решение Арбитражного суда Саратовской области от 20.02.2020 по делу № А57-3162/2019 // СПС «Консультант Плюс».

336. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 10. П. 1.

337. Постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 июня 2022 г. № 16АП-3349/13 по делу № А77-1351/2009 // СПС Консультант Плюс.

338. Постановление ФАС Московского округа от 5 августа 2011 года № КА-А40/7851-11 по делу N А40-146025/10-147-977 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

339. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 31 августа 2011 года по делу № А74-4025/2010 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

340. Постановление ФАС Московского округа от 08 декабря 2004 года № КГ-А40/11393-04; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 30 мая 2006 года № 09АП-4985/06 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024). – Режим доступа: ограниченный. – Текст: электронный.

341. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 5 апреля 2018

г. N Ф09-920/18 по делу № А07-13106/2016 // СПС КонсультантПлюс.

342. Определение Верховного Суда РФ от 14 декабря 2020 г. № 303-ЭС20-1962 по делу № А51-1294/2019 // СПС КонсультантПлюс.

343. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 28.03.2019 № 305-ЭС18-17629(2) по делу № А40-122605/2017 // СПС «Консультант Плюс» [Дата обращения: 12.04.2024].

344. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 8 сентября 2021 года по делу № А41-27561/2020 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

345. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2017 года № 305-КГ17-14147 по делу № А40-105789/2016 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

346. Постановление ФАС Центрального округа от 17 июля 2013 года по делу № А23-1803/12; Постановление ФАС Московского округа от 14 февраля 2013 года по делу № А41-20269/1 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024). – Режим доступа: ограниченный. – Текст: электронный.

347. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 июня 2021 года N Ф08-5254/21 по делу № А63-11407/2020; постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 5 сентября 2011 года по делу N А45-24407/2009 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

348. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 августа 2014 года N Ф03-3442/2014 по делу N А59-2886/2012 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

349. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 марта 2012 года № 14613/11 по делу N А60-41550/2010-С4 //

Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

350. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 июля 2019 года по делу № А40-163832/2017 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

351. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 февраля 2019 года по делу № А66-7724/2016; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 26 октября 2017 года по делу N А73-2826/2016; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 января 2018 года по делу № А47-5415/2016 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

352. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 октября 2018 года по делу № А76-16724/2016 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

353. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2015 года № 305-ЭС14-8348 по делу А40-107554/2013 // Информационная правовая система «Гарант» – URL: <https://internet.garant.ru/> (дата обращения: 09.04.2024).

Электронные ресурсы

354. Бахтина А., Александров А. Рубрика «Правовые консультации (гражданское право)». URL: http://www.garant.ru/consult/civil_law/431694/ (дата обращения: 23.04.2024).

355. Видеозапись: «Научный круглый стол «Доктрина аффилированности в контексте реформы ГК РФ». Часть 1». URL: <https://inlnk.ru/70M9gl> [Дата обращения 03.04.2024 г.].

356. Домнин С.В. Резиновая» аффилированность // Адвокатская газета // URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/rezinovaya-affilirovannost/> [Дата обращения: 12.04.2024].

Приложение 1.

В целях совершенствования российского нормативного правового регулирования сделок с заинтересованностью, сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

1. В работе выявлено, что действующее российское законодательство о сделках с заинтересованностью имеет ряд существенных недостатков, а потому нуждается во внесении соответствующих дополнений, касающихся аспектов определения лиц, имеющих заинтересованность, порядка совершения таких сделок и предоставления информации о заинтересованности, а также порядка их оспаривания.

Проведенный анализ правовой базы показал, что помимо корпоративного права, статус контролирующего лица встречается также на межотраслевом уровне, например, в налоговом праве. В данном случае вопрос коллизии понятий при различных отраслевых трактовках можно решить конкретизацией норм. В налоговом праве контролирующие лица упоминаются при регулировании статуса иностранных подконтрольных организаций, что как раз и уточняет данное правопонимание понятия контролирующего лица в налоговом праве.

2. Законодателем косвенно определен срок направления уполномоченными субъектами требования о проведении общего собрания для решения вопроса о предварительном согласовании сделки с заинтересованностью. Вместе с тем, срок, в течение которого указанные лица вправе направить аналогичное требование по вопросу последующего одобрения рассматриваемых сделок, отсутствует. В таком случае не исключена возможность злоупотребления ими предоставленным правом. В этой связи целесообразно конкретизировать срок направления соответствующего требования.

3. В ходе подготовки диссертационного исследования выявлено главное

основание для признания сделок с заинтересованностью недействительными – ущерб интересам общества. Однако сама указанная категория является недостаточно определенной. Анализ судебной практики позволяет выделить 2 интереса: экономический и интерес самого общества – его участников. В целях установления единообразного правоприменения предлагается более детально раскрыть сущность данного понятия.

4. Установлено, что попытка законодателя нормативно предусмотреть буквально всех потенциально заинтересованных субъектов закономерно привела к трудностям в правоприменительной практике из-за невозможности выходить за границы формальных предписаний. В связи с этим целесообразно законодательно закрепить общие признаки конфликта интересов для тех ситуаций, когда совершению сделки способствуют те субъекты, которые заинтересованы, однако не были поименованы в законе и используют формальный подход законодателя к процедуре согласования таких сделок с целью реализации своих недобросовестных интересов.

5. Начало течения срока исковой давности по требованиям о признании сделок, в совершении которых наличествуют признаки заинтересованности, имеет принципиальное значение для защиты прав и законных интересов не только хозяйственного общества, но и его участников (акционеров), в связи с чем, представляется разумным на законодательном уровне определить момент его исчисления применительно к рассматриваемым в диссертации сделкам, путем его включения в специальные законы, регулирующие деятельность хозяйственных обществ.

6. Установлено, что в рамках корпоративных правоотношений, для определения понятия контролирующего лица приводятся разные трактовки. Если в рамках института банкротства говорится о таком критерии, по которому можно «присвоить» лицу статус контролирующего, как право давать обязательные для исполнения указания, то в рамках ФЗ об ООО упоминается только возможность распоряжаться определенным количеством долей в уставном капитале и определять состав исполнительных органов корпорации.

Думается, что указанные обстоятельства нарушают юридическую технику приведенных для анализа законодательных актов. Очевидно, что единую трактовку понятию контролирующего лица для всех правовых сфер, в которых оно применяется, дать невозможно. Однако, используя одноименное понятие для регулирования различных правовых аспектов, законодатель не обеспечивает единообразие толкования терминов, используемых в системе нормативных правовых актов.

7. Предложено для улучшения юридической техники законодательных актов и более точного урегулирования статуса контролирующего лица, а также во избежание противоречий в правоприменении, ввести родовое понятие «лиц, обладающих влиянием на общество» в целом для корпоративного права как отрасли. При этом будут сохраняться такие понятия как «контролирующее лицо», которое четко сформулировано в ФЗ об ООО и ФЗ об АО для регулирования сделки с заинтересованностью. В единый термин будут включаться и иные лица, обладающие возможностью влиять на общество, например «лица, имеющие право давать обществу обязательные для него указания». Данное решение позволит конкретизировать статус контролирующих лиц внутри правовой отрасли.

8. Обосновано, что существует объективная потребность в новом реформировании института сделок с заинтересованностью и обсуждении возможности и целесообразности возвращения к ранее действующим предписаниям в отношении отдельных изменений, которые были внесены в законодательство.